

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2021 № 8

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Р.Г. Ланда (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), В.А. Мельянцева (Институт стран Азии и Африки МГУ
им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР), М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США),
С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
В.С. Окулов, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2021 № 8

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), R.G. Landa (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia),
D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA),
T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; V.S. Okulov, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

- Абрамова И.О.** Бизнес-диалог Россия-Африка на ПМЭФ 2021: тенденции, проблемы и перспективы российско-африканского сотрудничества **5**

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Точка зрения

- Жебин А.З.** Что нового в «новом» курсе США в отношении КНДР? **16**
- Дударев К.К.** Эр-Рияд меняет приоритеты: «умные» города и курорты вместо нефти? **23**
- Ширгазина Э.Р.** (Уфа). «Дипломатия добрососедства» Китая в странах Южной Азии (на примере Пакистана, Индии, Непала и Бутана) **32**
- Прокопенко Л.Я.** Религиозный фактор в политическом процессе Замбии: взаимное влияние религии и политики **40**
- Садовская Л.М.** Ислам и его роль в цивилизационном развитии Кот-д'Ивуара **48**
- Тихоцкая И.С., Величко Е.С.** Японская кухня в мире: культурный феномен и особенности географии **55**

Трибуна соискателя

COVID в Африке

- Махмутова М.И.** Вызовы марокканской экономике в период пандемии **62**

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- Васильцов К.С., Казурова Н.В.** (Санкт-Петербург). Образ вина в кинематографе и современном искусстве Ирана **67**

РЕЦЕНЗИИ

- Васильев А.М., Ткаченко А.А.** Ближний Восток и Северная Африка в глобализованном мире **74**
-

© Российская академия наук, 2021
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2021

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: **+7 495 697 94 50**
Тел./факс: **+7 495 691 02 70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

TOP PROBLEM

- Irina O. Abramova.** Russia-Africa business dialogue at SPIEF 2021: Trends, problems and prospects for Russian-African cooperation **5**

POLITICS, ECONOMICS

Point of View

- Alexander Z. Zhebin.** What's new in the "new" US course towards the DPRK? **16**
- Konstantin P. Dudarev.** Riyadh changes priorities: "Smart" cities and resorts instead of oil? **23**
- Elsa R. Shirgazina** (Ufa). China's good neighborhood diplomacy in South Asia (the cases of Pakistan, India, Nepal and Bhutan) **32**
- Liubov Ya. Prokopenko.** Religious factor in the political process in Zambia: Mutual influence of religion and politics **40**
- Lubov M. Sadovskaya.** Islam and its role in the civilizational development of Côte d'Ivoire **48**
- Irina S. Tikhotskaya, Elizaveta S. Velichko.** Japanese cuisine in the world: Cultural phenomenon and features of geography **55**

POST-GRADUATE COLUMN

COVID-19 in Africa

- Maria I. Makhmutova.** Challenges to the Moroccan economy during the pandemic **62**

CULTURE, LITERATURE, ART

- Konstantin S. Vasil'tsov, Natalia V. Kazurova** (St. Petersburg). The image of wine in the Iranian cinema and contemporary art **67**

BOOK REVIEW

- Alexey M. Vasiliev, Alexander A. Tkachenko.** Middle East and North Africa in the globalized world **74**
-

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2021

The authors opinions may not coincide with position of the editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495 697 94 50**
Tel./Fax: **+7 495 691 02 70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Бизнес-диалог Россия-Африка на ПМЭФ 2021: тенденции, проблемы и перспективы российско-африканского сотрудничества

© Абрамова И.О.^a, 2021

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2407-0073
irina.abramova@inafr.ru

Резюме. После первого Саммита и Экономического форума Россия-Африка прошло более полутора лет. Кризис глобализации «западного образца», ускорившийся вследствие пандемии коронавируса, внес коррективы в формирование российской бизнес-стратегии на африканском направлении. Важнейшими сферами российско-африканского сотрудничества на ближайшую перспективу становятся здравоохранение, обеспечение продовольственной безопасности, инфраструктурные проекты, включая цифровизацию, образование и наука.

С какими итогами Россия и Африка подойдут к следующему Саммиту, который планируется провести в 2022 г.? Какая бизнес-стратегия будет отвечать и российским, и африканским интересам? Какие российские инвестиционные проекты уже реализуются на Африканском континенте? Как формируется новый механизм и инструментарий российско-африканского партнерства?

Эти и другие вопросы российско-африканской повестки обсуждались на бизнес-диалоге Россия-Африка, который состоялся 3 июня 2021 г. в рамках Петербургского международного экономического форума. Это было первое крупное российско-африканское мероприятие в очном формате после исторического Саммита и Экономического форума Россия-Африка, прошедшего в г. Сочи 23-24 октября 2019 г.

Участники дискуссии пришли к выводу, что Россия нужна Африке для достижения амбициозных целей «Повестки 2063», но и Африка нужна России для реализации новой стратегии развития РФ, которая делает акцент на увеличении несырьевого экспорта и технологическом прорыве. Быстрорастущий африканский рынок, формируемый самым молодым населением в мире, предъявляет повышенный спрос на современные российские товары и технологии, в первую очередь в таких сферах, как здравоохранение, сельское хозяйство, инфраструктура, освоение ресурсов, цифровые продукты.

Для активизации сотрудничества необходимо использовать весь набор инструментов государственно-частного партнерства, на полную мощность задействовать информационный ресурс, развивать сотрудничество в сфере науки и образования. Для нас сейчас главное - вывести наше взаимодействие, в т.ч. в экономической сфере, на принципиально новый уровень, отвечающий интересам наших народов. И России, и Африке есть, чему поучиться друг у друга, а наши экономические стратегии могут быть реализованы, если мы объединим свои усилия.

Ключевые слова: бизнес-диалог Россия-Африка; ПМЭФ 2021; российская стратегия в Африке; российско-африканские отношения

Благодарность: Статья публикуется в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Абрамова И.О. Бизнес-диалог Россия-Африка на ПМЭФ 2021: тенденции, проблемы и перспективы российско-африканского сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 5-15. DOI: 10.31857/S032150750015932-7

Russia-Africa business dialogue at SPIEF 2021: Trends, problems and prospects for Russian-African cooperation

© Irina O. Abramova^a, 2021

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-2407-0073
irina.abramova@inafr.ru

Abstract. More than a year and a half has passed since the first Summit and the Russia-Africa Economic Forum. The crisis of “Western-style” globalization, accelerated by the coronavirus pandemic, has adjusted the formation of the Russian business strategy in the African direction. The most important areas of Russian-African cooperation in the near future are healthcare, ensuring food security, infrastructure projects, including digitalization, education and science. With what results will Russia and Africa approach the next Summit, planned for 2022? Which business strategy will meet both Russian and African interests? What Russian investment projects are already being implemented on the African continent? How are the new mechanism and tools of the Russian-African partnership

formed? These and other issues on the Russian-African agenda were discussed at the Russia-Africa business dialogue, which was held on June 3, 2021 as part of the St. Petersburg International Economic Forum. This was the first major Russian African event in full-time format after the historic Russia-Africa Summit and Economic Forum, which was successfully held in Sochi on October 23-24, 2019.

The participants in the discussion concluded that Africa needs Russia to achieve the ambitious goals of the Agenda 2063, but Russia also needs Africa to implement the new development strategy of the Russian Federation, which focuses on increasing non-resource exports and technological breakthrough. The African fast-growing market, formed by the youngest population in the world, is showing an increased demand for modern Russian goods and technologies, primarily in such areas as healthcare, agriculture, infrastructure, resource development, and digital products.

To intensify cooperation, it is necessary to use the entire set of instruments of public-private partnership, to utilize the information resource at full capacity, and to develop cooperation in the field of science and education. The main thing for us now is to bring our cooperation, including in the economic sphere, to a fundamentally new level that meets the interests of our peoples. Both Russia and Africa have a lot to learn from each other, and our economic strategies can be successfully implemented if we combine our efforts.

Keywords: business dialogue Russia-Africa; SPIEF 2021; Russian strategy in Africa; Russian-African relations

Acknowledgment: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

For citation: Abramova I.O. Russia-Africa business dialogue at SPIEF 2021: Trends, problems and prospects for Russian-African cooperation. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 8. Pp. 5-15. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015932-7

ВВЕДЕНИЕ

После первого Саммита и Экономического форума Россия-Африка прошло более полутора лет. Кризис глобализации «западного образца», ускорившийся вследствие пандемии коронавируса, внес коррективы в формирование российской бизнес-стратегии на африканском направлении [9]. Важнейшими сферами российско-африканского сотрудничества на ближайшую перспективу становятся здравоохранение, обеспечение продовольственной безопасности, инфраструктурные проекты, включая цифровизацию, образование и наука.

С какими итогами Россия и Африка подойдут к следующему Саммиту, который планируется провести в 2022 году? Какая бизнес-стратегия будет отвечать и российским и африканским интересам? Какие российские инвестиционные проекты уже реализуются на Африканском континенте? Как формируется новый механизм и инструментарий российско-африканского партнерства [4]?

Эти и другие вопросы российско-африканской повестки обсуждались на бизнес-диалоге Россия-Африка, который состоялся 3 июня 2021 г. в рамках Петербургского международного экономического форума¹. Это было первое крупное российско-африканское мероприятие в очном формате после исторического Саммита и Экономического форума Россия-Африка, успешно прошедшего в г. Сочи 23-24 октября и собравшего около 10000 участников².

БИЗНЕС-ДИАЛОГ РОССИЯ-АФРИКА ВЫЗВАЛ БОЛЬШОЙ ИНТЕРЕС НА ПМЭФ-2021

Модератором бизнес-диалога выступила директор Института Африки РАН, руководитель Научного совета при Секретариате Форума партнерства Россия-Африка, член-корреспондент РАН И.О.Абрамова. В своем кратком вступительном слове она отметила большой интерес российского бизнеса к африканской тематике, подчеркнула необходимость перехода от формулировки целей и задач российской политики на африканском направлении к реализации конкретных проектов и разработке механизма и инструментария взаимовыгодного сотрудничества, а также напомнила присутствующим о том огромном вкладе, который внесли российские ученые-африканисты, в частности, сотрудники Института Африки РАН, как в разработку стратегии Российской Федерации, реализуемой на Африканском континенте [2], так и в подготовку Саммита и Экономического форума Россия-Африка.

Бизнес-диалог вызвал большой интерес как с африканской, так и с российской стороны. В нем в качестве докладчиков приняли участие премьер-министры ЦАР и Руанды, вице-спикер парламента ДРК, министр международного сотрудничества АРЕ, представители африканских банковских и промышленных структур. В отличие от предыдущих сессий по африканской тематике, на ПМЭФ, наряду с заместителем министра иностранных дел, специальным представителем президента РФ по странам Африки и Ближнего Востока М.Л.Богдановым, который традиционно участвует в подобных мероприятиях, Россию на бизнес-диалоге представляли руководители крупнейших российских компаний, успешно реализующих крупные инвестиционные проекты в Африке, - АО «Трансмашхолдинг», ОАО «Российские железные дороги», АО ОХК «УРАЛ-

¹ В рамках ПМЭФ-2021 состоялся бизнес диалог Россия-Африка. <https://forumspb.com/news/news/v-ramkah-pmef-2021-sostojalsja-biznes-dialog-rossija-afrika/?lang=ru> (accessed 18.06.2021)

² В Сочи завершился саммит Россия-Африка. <https://tass.ru/politika/7043350> (accessed 21.06.2021)

ХИМ», а также представители законодательной власти России, Российского экспортного центра и руководители Координационного комитета по экономическому сотрудничеству со странами Африки (АФРОКОМ) и Ассоциации экономического сотрудничества со странами Африки (АЭССА).

Участие всех заинтересованных и квалифицированных игроков позволило перевести дискуссию в конкретное русло и ответить на вопрос, что же нужно изменить в отношениях России и Африки, чтобы добиться конкретных результатов и решить те важнейшие задачи, которые возникают перед нашими государствами в современную эпоху трансформации мирового порядка.

ПОЛТОРА ГОДА ПОСЛЕ САММИТА РОССИЯ-АФРИКА: ЧТО УЖЕ СДЕЛАНО?

Бизнес-диалог Россия-Африка открыл премьер-министр Центральноафриканской Республики Фирмен Нгебада. Он подчеркнул, что сотрудничество между Россией и ЦАР успешно развивается на политическом и дипломатическом направлениях, а также в сфере безопасности. Однако уровень экономического взаимодействия остается крайне низким. ЦАР - богатая природными ресурсами страна, которая ждет российских бизнесменов. Чтобы сделать деловой климат более привлекательным, руководство Центральноафриканской республики приняло решение о совершенствовании судебной системы и о переработке Инвестиционной хартии страны. Главная задача экономического развития ЦАР - ускоренный рост производственного сектора экономики, в первую очередь, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. Именно в этих областях власти рассчитывают на приток российских инвестиций. В октябре 2020 г. Ф. Нгебада посетил с официальным визитом Министерство промышленности и торговли РФ, где обсудил все эти вопросы с руководством³ и выразил надежду, что уровень экономического сотрудничества двух государств возрастет в ближайшие годы.

М.Л.Богданов в своем докладе отметил, что бизнес-диалог Россия-Африка проходит накануне ежегодных консультаций министров иностранных дел России и стран «Афротройки» в преддверии второго саммита Россия-Африка, который планируется провести в следующем году.

Он подчеркнул, что столь высокий уровень представительства еще раз свидетельствует о том, что на сегодняшний день интенсификация российско-африканских связей находится в фокусе внимания как правительства РФ, так и наших африканских партнеров. При этом заданный по итогам первого саммита тренд на всестороннее развитие наших отношений удалось сохранить даже в условиях пандемии *COVID-19* и связанных с ней ограничений, а главное - придать ему новое качество.

Как отметил в своем поздравительном послании по случаю Дня Африки президент РФ В.В.Путин, «в России ценят традиционно дружественные отношения с африканскими партнерами, неизменно поддерживают их усилия, направленные на урегулирование локальных конфликтов, на противодействие терроризму, наркотрафику, эпидемическим заболеваниям и другим вызовам региональной и глобальной безопасности»⁴.

В стратегической перспективе в устойчивом развитии африканских стран на основе «Повестки 2063»⁵ важную роль будет играть привлечение российских экономоператоров, как крупных, так и представителей среднего и малого бизнеса, которым МИД готов оказывать всемерную поддержку.

При этом, если в ходе первого саммита была выработана концептуальная повестка нашего нового взаимодействия, то сейчас нам предстоит наполнить ее конкретными проектами. В этой связи российская сторона рассчитывает на инициативные предложения наших африканских коллег по проработке долгосрочных комплексных инициатив, способных внести существенный вклад в построение взаимовыгодных торгово-экономических связей.

М.Л.Богданов указал на необходимость интенсифицировать наше сотрудничество за счет создания новых фундаментальных механизмов поддержки российского бизнеса в Африке путем проведения т.н. «экономической дипломатии», которая заключается в тесной кооперации МИД с российскими профильными министерствами и организациями - Минпромторгом, Минэкономразвития, торгово-промышленными палатами, Российским экспортным центром, Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП), Ассоциацией экономического сотрудничества со странами Африки (АЭССА), Координационным комитетом по экономическому сотрудничеству со странами Африки (АФРОКОМ) и др.

М.Л.Богданов проинформировал участников бизнес-диалога, что в 2020 г. в МИД России был сформирован Секретариат Форума партнерства Россия - Африка, который стал головным координирующим органом по организации предстоящих саммитов и налаживанию эффективного российско-африканского политического и экономического взаимодействия.

³ Денис Мантуров провел встречу с премьер-министром ЦАР Фирменом Нгебада. https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!denis_manturov_provel_vstrechu_s_premierministrom_car_firmenom_ngebada (accessed 18.06.2021)

⁴ Поздравление главам государств и правительств стран Африки. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65652> (accessed 19.06.2021)

⁵ Agenda 2063: The Africa We Want. <https://au.int/en/agenda2063/overview> (accessed 18.09.2021)

Что касается конкретных предложений по наполнению нашего взаимодействия с Африкой, они прорабатываются Координационным, Общественным и Научным советами при Секретариате Форума. В них представлены министерства, ведомства, деловые, научные и общественные организации, участвующие в развитии отношений с Африканским континентом.

М.Л.Богданов отметил растущий интерес к Африке экспертного и делового сообщества, а также большую роль Института Африки РАН в выработке новых идей в контексте подготовки к предстоящему саммиту. Со своей стороны, МИД России готов делиться практическим опытом, накопленным за годы сотрудничества с этим регионом. Такая синергия взглядов, по мнению замминистра, приведет к рождению новых подходов к дальнейшему развитию российско-африканского взаимодействия.

С мнением М.Л.Богданова полностью согласился следующий участник дискуссии - премьер-министр Руанды Эдуард Нгиренте. Он отметил, что Россия - важнейший партнер Африки, она внесла исторический вклад в становление политической и экономической независимости африканских государств. Он подчеркнул, что сегодня мы переживаем критический период пандемии, но, несмотря на ее удары по международной торговле и инвестициям, африканские страны продолжают свое развитие, потенциал которого вполне достаточен, чтобы выполнить «Повестку 2063». По словам Э.Нгиренте, Россия уже сыграла большую роль в достижении целей «Повестки 2063», реализуя на территории Африканского континента инфраструктурные, цифровые и технологические проекты. Премьер-министр подчеркнул, что главными конкурентными преимуществами африканских государств в формирующейся модели мирового экономического развития [8] выступают молодое население, богатейшие природные ресурсы и ускоренное внедрение современных технологий, в первую очередь цифровых, в Африке. Весьма примечательно, что совсем недавно о развитии науки и технологий в Африке писал видный российский ученый-африканист Л.Л.Фитуни [6; 7].

По мнению Э.Нгиренте, африканские государства испытывают потребности в российских инвестициях в приоритетные сферы развития - медицину (в т.ч. в организацию местного производства российских вакцин), в инфраструктурные проекты, включая строительство железных и автомобильных дорог, портов, аэропортов и трубопроводов, транспортировку водородного топлива, а также в цифровые технологии. Создание Африканской континентальной зоны свободной торговли облегчит приток российских товаров и услуг на континент. Премьер-министр Руанды отметил, что для реализации «Повестки 2063» понадобится не менее \$120 млрд ежегодно.

Что касается самой Руанды, то ее экономика развивается высокими темпами - в среднем, 8% в год, а ВВП страны за последние 20 лет удвоился. Страна занимает 1-е место на Африканском континенте по показателю *Doing business* и создает максимально благоприятные условия для иностранных инвесторов⁶. Важнейшие сферы взаимодействия с Руандой для российских предпринимателей, по мнению премьер-министра, - здравоохранение, добыча полезных ископаемых, энергетика, освоение водных ресурсов, наука и образование. Именно в этих областях Россия обладает высокими конкурентными преимуществами.

Э.Нгиренте подчеркнул, что сейчас наступает самое выгодное время для инвестирования в африканскую экономику, и Россия должна воспользоваться этим шансом.

Комментируя выступление премьер-министра Руанды, И.О.Абрамова отметила, что важнейшим направлением сотрудничества России и Африки должно стать взаимодействие в технологической и научной сферах. И здесь у РФ и Руанды накоплен богатый опыт. Модератор напомнила участникам бизнес-диалога, что в 2019 г. российская государственная корпорация Росатом подписала соглашение с руандийской стороной о создании Центра ядерной науки и технологий, а в феврале 2020 г. на базе военного госпиталя в г. Каномбе российскими специалистами был открыт современный радиотерапевтический онкологический центр. Поскольку главная задача, сформулированная в Программе развития страны до 2050 г., принятой в 2016 г., - превращение Руанды в экономику, основанную на знаниях, российские высокотехнологичные компании, а также российские ученые имеют все возможности для продвижения своих идей, технологий и производств в эту самую амбициозную африканскую страну, а в дальнейшем, используя соответствующий опыт и наработки, и в другие государства Африки.

РОССИЙСКИЕ АССОЦИАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ СОТРУДНИЧЕСТВА С АФРИКАНСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ: ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Следующим на бизнес-диалоге выступил И.Н.Морозов, член комитета Совета Федерации по экономической политике и председатель АФРОКОМа (Координационного комитета по экономическому сотрудничеству со странами Африки)⁷.

⁶ Country Development Cooperation Strategy (CDCS). February 20, 2020 - February 20, 2025. https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1860/CDCS_Rwanda_February_2025_2.pdf (accessed 21.06.2021)

⁷ События AFROCOM. <https://afrocomm.ru/events/> (accessed 21.06.2021)

Сенатор подчеркнул, что все 85 регионов РФ стремятся расширить свои экспортные возможности, и быстро растущие африканские рынки с этой точки зрения обладают для них большой привлекательностью. К сожалению, Россия, свернувшая до минимума свои отношения с Африкой 30 лет назад, сегодня сталкивается на Африканском континенте с многочисленными конкурентами - как традиционными (Европа, США), так и новыми (Китай, Индия, Бразилия, Турция, ОАЭ, Саудовская Аравия и др.). Для успеха в острой конкурентной борьбе необходимо, в первую очередь, разработать новое законодательство в экспортной сфере с учетом интересов российских производителей. Нужны новые механизмы использования такого инструмента, как концессии, развитие встречной торговли, переход на расчеты в национальных валютах. И.Н.Морозов заверил участников сессии, что работа над соответствующими законами уже ведется и в Совете Федерации, и в Государственной Думе.

Китай уже сегодня начал «обкатку» в Африке электронного юаня, и это, безусловно, вызов для России. И.Н.Морозов выразил надежду, что появление электронного рубля будет способствовать проникновению российских банков на Африканский континент.

Сенатор подчеркнул, что необходима локализация российских производств в африканских странах. Но тут возникает вопрос, а кто и как будет эту локализацию финансировать и какие механизмы при этом будут использоваться? По мнению И.Н.Морозова, Российский экспортный центр не обладает на сегодняшний день необходимыми инструментами для реализации этой задачи. Ее может решить созданный государством специальный инвестиционный фонд. Подобные инвестиционные фонды уже есть у всех наших конкурентов. В рамках его деятельности можно будет также рассматривать возможности применения такого инструмента, как концессии, и минимизировать риски, связанные с его использованием. Кроме того, необходимо создавать «опорные точки» российского бизнеса в Африке в приоритетных странах. Такими точками могут стать торговые дома и выставочно-ярмарочные площадки, в организации которых может принять участие РЭЦ и другие заинтересованные стороны.

И.Н.Морозов сообщил присутствующим, что в настоящее время АФРОКОМ занимается организацией торгового дома в Уганде, где будет представлена разнообразная продукция российских регионов.

Главным условием успешной деятельности на африканском направлении сенатор назвал тесную координацию всех заинтересованных сторон - министерств и ведомств, органов законодательной власти, представителей бизнес-структур и научного сообщества. Отдельно И.Н.Морозов отметил роль Института Африки РАН как основного штаба формирования научно обоснованной стратегии российско-африканских отношений.

Рания аль-Машат, министр международного сотрудничества АРЕ (с 2018 по 2019 гг. - министр туризма), дипломированный специалист по финансовой политике [10], в своем выступлении подтвердила стратегический характер российско-египетских отношений. По словам министра, около трети торгового оборота России с Африканским континентом приходится на Египет, Россия реализует в АРЕ крупные инвестиционные проекты, такие, как строительство крупнейшей в Африке атомной электростанции Ад-Дабаа, развитие железнодорожной сети страны, создание Российской промышленной зоны (РПЗ) [5]. Она выразила уверенность, что все эти проекты будут успешно завершены, подчеркнув, что пандемия *COVID-19*, наряду с многочисленными вызовами, открывает новые возможности, в первую очередь, привлекая внимание властей к социальным проблемам - здравоохранению, образованию, обеспечению населения чистой водой и электроэнергией, в т.ч. из возобновляемых источников. В Египте на эти цели планируется потратить в ближайшие годы \$24 млрд. И в этих социально значимых областях возможно активное сотрудничество с Российской Федерацией.

Министр отметила, что Египет может стать для России своеобразными «воротами в Африку», т.к. имеет соглашения со всеми африканскими странами о беспопытной торговле и льготном инвестиционном режиме и участвует в ряде инфраструктурных проектов в рамках реализации «Повестки 2063», к которым вполне могла бы подключиться Россия. Рания аль-Машат выразила надежду на скорейшее завершение переговоров по РПЗ и улаживание всех противоречий по этому вопросу между российской и египетской сторонами. Говоря о механизмах сотрудничества, она отдельно выделила государственно-частное партнерство. По ее мнению, государство через различные механизмы поддержки должно обеспечить условия для нормального функционирования частного бизнеса.

С этими словами полностью согласился А.В.Салтанов, председатель Ассоциации экономического сотрудничества со странами Африки (АЭССА). В своем выступлении он сообщил, что Ассоциация была создана год назад и сегодня заняла серьезную нишу среди российских бизнес-объединений по продвижению российских экономоператоров в Африку. А.В.Салтанов подчеркнул, что время разговоров закончилось, и на второй саммит Россия-Африка мы можем прийти только с конкретными проектами и контрактами. Он согласился со словами М.Л.Богданова, что российская сторона предпринимает значительные усилия на африканском направлении, но в то же время был вынужден констатировать, что этих усилий недостаточно. По мнению главы АЭССА, для совершения качественного прорыва необходима серьезная государственная

поддержка и использование предыдущих успешных наработок СССР в Африке с учетом новых реалий и положительного опыта других стран.

Для расширения объемов продажи отечественной продукции, востребованной в Африке⁸, необходима организация логистических и сервисных центров в 4-5 точках Африканского континента. И здесь без господдержки в формате государственно-частного партнерства не обойтись. Опыт показывает, что ни одна частная компания не в силах решить такую задачу самостоятельно, практически всегда необходима комплексная сборка заказов разных поставщиков. Раньше эта функция возлагалась на государственные внешнеторговые компании. Создание такой компании в формате государственно-частного партнерства сможет реально обеспечить увеличение объемов российского несырьевого высокотехнологичного экспорта в Африку.

По мнению А.В.Салтанова, сложнейшая задача - финансирование российских проектов. Следует признать, что российские компании проигрывают конкурентную борьбу иностранным предпринимателям в Африке, т.к. имеющихся на сегодняшний день в России механизмов финансирования проектов недостаточно. Необходимо создание государственного финансового фонда прямых инвестиций для работы российского бизнеса в африканских странах. Структура такого фонда уже проработана Ассоциацией и находится на стадии обсуждения в органах государственной власти.

Крайне важная тема, подчеркнул А.В.Салтанов, - информационное продвижение российско-африканской повестки. Ее текущий уровень крайне низок, наши бизнесмены ничего не знают об экономических возможностях современной Африки, у африканцев тоже очень поверхностное и искаженное представление о России. Глава АЭССА предложил открыть бюро *Russia Today* в Африке и установить постоянные прямые отношения между российскими крупнейшими информационными агентствами и ведущими африканскими СМИ.

В этой связи Ассоциация запускает проект Единого информационного пространства Россия-Африка совместно с Фондом содействия развитию инвестиций «РК-Инвестиции», «Электронной торговой площадкой ГПБ» и компанией «Эктив Дата». Суть проекта - создание единого интернет-портала по российско-африканскому сотрудничеству с представлением различных сервисов для российских и африканских компаний по поиску контрагентов, продвижению товаров и услуг, включая туризм, а также поддержанию контактов в научной и образовательной сферах. Презентация портала намечена на октябрь 2021 г., где мы сможем представить сервисы и предложения для российских и африканских участников на ключевых языках континента.

Вопрос подготовки африканских кадров - один из приоритетных для продвижения российского бизнеса в Африку. В этой связи АЭССА в координации с компанией «Иннопрактика» и при финансовой поддержке АО «Газпромбанк» реализует проект в области образования. Цель проекта - отбор африканских студентов, проходящих обучение в России, для стажировок в российских компаниях, работающих в африканских странах. Едва стартовав, Ассоциация уже получила подтверждение на участие в проекте от 6 крупных российских компаний, деятельность которых на Африканском континенте весьма активна (среди них ТМК, КАМАЗ, УРАЛХИМ, УРАЛКАЛИЙ), и от 15 вузов России в разных регионах. Результаты проекта, безусловно, будут способствовать совершенствованию программ обучения африканских студентов в России и, одновременно, удовлетворению потребностей российского бизнеса в подготовке местных кадров.

СЛОВО БИЗНЕСУ: УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ В АФРИКЕ

Далее И.О.Абрамова передала слово руководителям российских компаний, давно и успешно работающих в Африке.

Первым выступил К.В.Липа, генеральный директор АО «Трансмашхолдинг» (ТМХ). ТМХ обладает уникальным опытом развития производственных и сервисных площадок, востребованным и за пределами России. Сегодня компания занимает 1-е место среди производителей железнодорожного и городского рельсового транспорта в России и СНГ и 4-е - на международном рынке. Группа объединяет 100 тыс. сотрудников, 25 производственных и ремонтных заводов и свыше 100 сервисных депо по всему миру. В 2020 г. общий оборот группы ТМХ, включая сервис и управление движением, составил €5,6 млрд.

К.В.Липа отметил в своем выступлении, что Африка - самый быстро растущий регион мира по темпам прироста населения и урбанизации. Все это требует дальнейшего развития инфраструктуры (13 стран к югу от Сахары, в принципе, не охвачены железнодорожной сетью) и обновления подвижного состава. Прогнозы показывают, что до 2035 г. среднегодовой рост грузовых железнодорожных перевозок в Аф-

⁸ Африка смотрит в сторону российских технологий. <https://africa-rus.com/novosti-rossiya-afrika/afrika-smotrit-v-storonu-rossijskix-it-technologij> (accessed 22.06.2021)

рике составит 3,7%, а пассажирских перевозок - 6,2%, что значительно превышает среднемировые показатели и открывает широкие возможности для транспортных компаний, в т.ч. и российских⁹.

Трансмашхолдинг успешно реализует в Африке крупные проекты. Сегодня в двух государствах континента работают полноценные дочерние компании ТМХ: *ТМН Egypt* в Египте и *ТМН Africa* в ЮАР.

ТМХ выиграл крупнейший в истории египетских железных дорог контракт на подвижной состав. Соглашение о поставке 1300 вагонов в АРЕ стало крупнейшим событием на Экономическом форуме Россия-Африка в Сочи. На данный момент поставлено уже порядка 400 пассажирских вагонов из 1300. Причем более четверти из них - в 2021 г. Составы, сформированные из новых вагонов ТМХ, уже курсируют на направлениях Каир - Александрия (208 км), Каир - Асьют (380 км) и Каир - Сохна (473 км). Одновременно прорабатываются новые направления деятельности российской компании в Египте, включая строительство метро, поставку локомотивов, техническое обслуживание российской техники. В Российской промышленной зоне в перспективе планируется построить предприятие по производству вагонов и поставлять их в другие африканские страны.

Но еще более интересный проект ТМХ реализует в ЮАР. В 2018 г. компания приобрела машиностроительный завод в г. Боксбурге в 60 км от Йоханнесбурга, где сегодня работают 280 сотрудников. Предприятие производит подвижной состав, осуществляет сборку, техническое обслуживание и ремонт техники, в т.ч. сторонних производителей. Руководство ТМХ рассчитывает, что завод станет центром производства тепловозов и пассажирских вагонов для региона Южной Африки и, со временем, для всего Африканского континента. Сейчас в *ТМН Africa* работает школа сварщиков, которая занимается подготовкой и повышением квалификации действующего и вновь нанятого персонала. В рамках программы подготовки кадров 20 сварщиков из ЮАР в декабре 2020 г. прошли стажировку на предприятии ТМХ в Твери. Они не только приобрели новые знания и навыки, но и использовали преимущества личного человеческого общения, что позволило российским и африканским партнерам лучше понять друг друга.

В заключение, К.В.Липа отметил, что ТМХ интересен не только экспорт готовой продукции, но и постоянное присутствие на целевых рынках, предполагающее промышленное и технологическое партнерство. ТМХ выходит на новые рынки, опираясь, в т.ч. на локальные производственные мощности. Компания не просто производит современный подвижной состав, но видит свою задачу шире - вместе с правительствами африканских стран сформировать на территории континента современную железнодорожную «экосистему». Она позволит развивать сеть поставщиков, как российских, так и местных, и одновременно обеспечит благоприятные условия для привлечения наших партнеров к проектам локализации.

Следующий докладчик, С.А.Павлов, первый заместитель генерального директора ОАО «РЖД» согласился с выводами К.В.Липы и подчеркнул, что РЖД сотрудничала, сотрудничает и будет сотрудничать с Трансмашхолдингом на африканском направлении.

РЖД рассматривает Африку как привлекательный рынок с высоким потенциалом¹⁰. Это обусловлено растущей потребностью населения и промышленности континента в железнодорожной инфраструктуре. Сегодня страны Африки выходят на лидирующие позиции по многим важным социальным и экономическим показателям. Сохранить эту динамику развития на перспективу будет невозможно без железных дорог [3].

По своей эффективности железная дорога кратно превосходит другие виды транспорта и очень выгодна для перевозки больших объемов грузов. При этом железнодорожный транспорт - наиболее экологически чистый по сравнению с автомобильным и авиационным транспортом. Например, в России около 40% пассажирооборота осуществляется железнодорожным транспортом, в то время как на железные дороги приходится не более 2% всего объема выброса парниковых газов в стране.

Экспортные возможности холдинга «РЖД» включают такие высокотехнологичные продукты, как оборудование и IT-решения для управления перевозками и инфраструктурой, а также квантовые технологии передачи данных. Все эти направления бизнеса предлагаются под брендом «РЖД» и по желанию заказчика могут быть «упакованы» в единый проект, преимущества которого мы и предлагаем Африке. В Африке холдинг «РЖД» уже представлен дочерней транспортно-логистической компанией *GEFCO*.

Два года назад на первом экономическом форуме Россия-Африка компания заключила соглашения с транспортными ведомствами четырех государств: Нигерии, Египта, Конго и Анголы. Во время бизнес-диалога Россия-Африка на полях ПМЭФ С.А.Павлов подтвердил интерес холдинга к африканскому континенту, но уточнил, что географические приоритеты при этом изменились. В нынешних экономических условиях наибольший интерес для ОАО «РЖД» представляют такие страны, как Египет, Танзания, Гана, Ботсвана и Марокко.

«РЖД» ведет активную подготовку к реализации инфраструктурных проектов в Египте. Специалистами этого холдинга совместно с локальными компаниями-партнерами проведено обследование египетских

⁹ Международные проекты. <https://www.tmholding.ru/products/international-project/> (accessed 22.06.2021)

¹⁰ РЖД изучают рынок Африки. <http://rzdvtv.ru/2021/06/04/rzhd-izuchajut-rynok-afriki/> (accessed 22.06.2021)

железных дорог. В частности, прорабатывается проект по обслуживанию национальной железнодорожной инфраструктуры Египта.

Определенные перспективы есть и в Танзании. На полях Саммита Россия-Африка прошли переговоры с премьер-министром Танзании Кассимом Маджаливой, на которых танзанийская сторона сообщила о заинтересованности в привлечении ОАО «РЖД» к развитию железнодорожной сети страны.

При этом, как отметил С.А.Павлов, изучая африканский рынок, компания столкнулась с тем фактом, что преобладающее число железнодорожных проектов в Африке реализуется, либо имеет тенденцию структурироваться национальными правительствами в формате концессий. Такой формат предполагает значительные инвестиции со стороны заинтересованного бизнеса при всех сопутствующих рисках.

Кроме того, законодательство, регулирующее государственно-частное партнерство в африканских странах, требует совершенствования, особенно в части защиты интересов иностранных инвесторов.

Ситуацию осложняет и то, что текущие меры российской экспортной поддержки (лимиты АО «ЭКСПАР») по ряду африканских государств весьма ограничены. Это сужает и возможности нашего участия в крупных инвестиционных проектах, к которым относится строительство железных дорог. Руководство РЖД видит выход из этой ситуации в активной работе с региональными и международными институтами развития, а также в привлечении к партнерству как локальных бизнесов, так и российских компаний, присутствующих за рубежом и заинтересованных в эффективных транспортных решениях.

Таким образом, может быть обеспечено адекватное распределение рисков и привлекательные для заказчика условия заемного финансирования. Так, компания тесно взаимодействует с Афрэксимбанком. «Здесь, на полях ПМЭФ, мы провели переговоры с исполнительным директором Афрэксимбанка и обсудили наши дальнейшие шаги. В июле встречаемся и выберем один из нескольких проектов и начнем по нему работать», - заявил С.А.Павлов [1]. Он подчеркнул, что участие профильных финансовых институтов имеет принципиальное значение для развития масштабных проектов строительства африканских железнодорожных магистралей. Важно преодолеть декларативный характер подобных инициатив и придать дополнительный импульс практической работе по инфраструктурным проектам на Африканском континенте.

Ключевую роль в развитии железных дорог играют национальные правительства и профильные министерства. Они формируют инвестиционный климат и нормативно-правовую среду. Инвестиции в железные дороги всегда осуществляются с участием государства, которое помогает привлекать средства, обеспечивает гарантии инвесторам. Их поддержка также очень важна.

В заключение, С.А.Павлов подчеркнул, что для решения задач комплексного развития африканских государств необходимо создавать современные железнодорожные транспортные системы, которые обеспечивают весь набор услуг, начиная с организации движения и логистики и заканчивая управлением системами связи и квантовыми технологиями передачи данных. Именно такие системы отвечают потребностям растущей африканской экономики. Все соответствующие технологии в России есть, и РЖД готова к работе с африканскими правительствами и железнодорожниками.

Предоставляя слово Д.В.Коняеву, председателю совета директоров АО ОХК УРАЛХИМ, И.О.Абрамова отметила, что вопросы продовольственной безопасности для африканских стран в эпоху пандемии приобретают особую актуальность. УРАЛХИМ активно способствует развитию африканского аграрного сектора, нарастив за последние несколько лет объемы поставок удобрений в Африку в 5 раз - до 750 тыс. т в год. Модератор поинтересовалась, готова ли компания - лидер по внедрению цифровых технологий в сельское хозяйство - делиться своими наработками с африканскими партнерами.

Д.В. Коняев согласился с модератором, что вопрос обеспечения продовольствием - один из острых на Африканском континенте, особенно в период пандемии *COVID-19* и осуществления карантинных мероприятий. По его словам, к 2050 г. в Африке будет проживать более 2 млрд человек, или 25% мирового населения. Между тем, средний рацион африканца на сегодняшний день составляет 1800 килокалорий, в то время как в развитых странах этот показатель достигает 3500. При этом Африка обладает уникальными возможностями для развития сельского хозяйства (там можно собирать по 3-4 урожая в год и выращивать как продовольственные, так и технические культуры), но остается нетто импортером продовольствия.

Дело в том, подчеркнул Д.В.Коняев, что сельское хозяйство ведется там, в основном, традиционными методами, без использования современных аграрных технологий. Например, на каждый га сельхозугодий в Африке вносится, в среднем, всего 17 кг удобрений, что в 10-15 раз меньше, чем в развитых государствах.

Для активизации сотрудничества с африканскими странами в сельскохозяйственной сфере российским компаниям необходимо обратить внимание на 4 момента. Первое - это локализация производства на континенте, именно в этом заинтересованы африканские партнеры. УРАЛХИМ начал реализацию двух таких проектов - в Анголе и Мозамбике. Второе - расширение присутствия России не только на уровне крупных поставок ФОБ, но и на рынке дистрибуции, т.е. доведения продукции непосредственно до каждого потребителя. Третье - подготовка кадров. Африканские фермеры должны быть обучены пра-

вильно использовать российскую продукцию, в частности удобрения. И, наконец, активное внедрение в аграрный сектор цифровых технологий. По словам Д.В.Коняева, в этой сфере в Африке есть очень много интересных стартапов.

Что мешает развитию нашего сотрудничества? По мнению Д.В.Коняева, это отсутствие государственного института развития по поддержке российского бизнеса в Африке. Это может быть фонд, агентство или другая структура, которая бы обеспечивала субсидирование ставок по кредитам, брала на себя страховые риски и осуществляла софинансирование бизнес-проектов на этапе их реализации. Затрудняет взаимодействие и отсутствие двусторонних соглашений с рядом африканских стран о защите инвестиций и отсутствии двойного налогообложения. И, наконец, низкий уровень прямых контактов между российскими и африканскими компаниями. И здесь необходимо активизировать деятельность межправкомиссий (МПК), увеличить их число и расширить функции, а также обеспечить поддержку российских компаний со стороны МИД РФ.

ДИСКУССИЯ НА БИЗНЕС-ДИАЛОГЕ РОССИЯ-АФРИКА: НОВЫЕ ИДЕИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Конкретный разговор на тему, что способствует и препятствует российско-африканскому сотрудничеству, продолжили дискуссионты из зала. Первым взял слово Н.В.Гусаков, генеральный директор АО «Эксар» - Российского агентства по страхованию экспортных кредитов и инвестиций¹¹. Основная цель «Эксар» - поддержка российского высокотехнологичного экспорта и инвестиций за рубеж посредством страхования предпринимательских и политических рисков. Глава агентства отметил, что за прошедшие после Саммита Россия-Африка полтора года на африканском направлении сделать удалось намного меньше, чем планировалось. В рамках объявленной на Экономическом форуме Россия-Африка финансовой платформы объемом \$5 млрд для активизации товарооборота со странами Африки, удалось реализовать только 2 сделки объемом \$50 млн.

Карантинные меры не позволили организовать бизнес-миссии на Африканский континент (только 3 мероприятия за этот период прошли онлайн) и принимать участие в выставочных мероприятиях. Однако дело не только в пандемии *COVID-19*, но и в отсутствии информации об особенностях ведения бизнеса в Африке у российских предпринимателей, а также в незнании российских продуктов и технологий с африканской стороны. При этом глава «Эксар» согласился с предыдущими выступающими, что нет четкой регуляторики наших взаимоотношений как на законодательном уровне, так и на уровне практических шагов. Он отметил растущий интерес российского бизнеса к Африке, подчеркнув, что российские коммерческие банки готовы финансировать проекты в Африке под страховые гарантии «Эксар». Важной, по мнению Н.В.Гусакова, является такая форма, как акционерное финансирование. Российским компаниям нужны африканские инвестиционные партнеры и институциональная поддержка. Что касается создания государственного инвестиционного фонда Россия-Африка, то тут надо оценить все риски, хотя, безусловно, его появление может дать большой мультипликационный эффект для развития наших отношений.

В свою очередь, директор по связям с клиентами Афрэксимбанка¹² Рене Авамбенг, подчеркнул, что банк уже имеет партнерские соглашения с российскими корпорациями ПАО «Компания «Сухой», РЖД, УРАЛКАЛИЙ, Трансмашхолдинг и участвует в реализации их проектов на Африканском континенте, в частности в Замбии, Анголе и Мозамбике.

Наиболее перспективными направлениями сотрудничества с Россией Р.Авамбенг назвал технологическую сферу, здравоохранение, кибербезопасность, сельское хозяйство и инфраструктуру. Для преодоления «информационного разрыва» между Россией и Африкой Афрэксимбанк создал специальное информационное бюро для российских торговых операторов. Р.Авамбенг вспомнил о том огромном вкладе, который внес СССР в борьбу африканских государств за политическую независимость и выразил надежду, что современная Россия окажет мощную поддержку странам Африки в их битве за экономическую самостоятельность.

Выступивший следом Джошуа Сетипа, управляющий директор Банка технологий ООН для наименее развитых стран¹³, который был создан совсем недавно, в 2018 г., отметил большую роль научной дипломатии и необходимость формирования «экономики знаний» на Африканском континенте. По его мнению, сотрудничество с российскими учеными и передача российских технологий могут вывести развитие Африки на совершенно новый уровень. Дж.Сетипа отметил, что инновационный потенциал континента достаточно высок, а в сфере онлайн финансов Африка занимает передовые позиции в мире и может поделиться своим опытом с Россией.

¹¹ Развитие страхового инструментария. <https://www.exiar.ru/> (accessed 23.06.2021)

¹² About us. <https://www.afreximbank.com/our-bank/about-us/> (accessed 23.06.2021)

¹³ Technology Bank for the Least Developed Countries. <https://www.un.org/technologybank/> (accessed 23.06.2021)

Заместитель председателя Комитета ГД по международным делам А.В.Чева рассказал участникам бизнес-диалога, что с использованием наработок российской компании *Seldon* разрабатывается уникальный продукт в области международного сотрудничества, созданный на основе искусственного интеллекта и самых последних цифровых технологий - торгово-инвестиционная платформа «Россия-Африка». Платформа формирует юридически значимые документы в электронном виде, без бумажного документооборота в любой точке земного шара. С помощью электронной подписи можно заключать сделки дистанционно в соответствии с законодательством каждой из стран, а также производить электронное таможенное оформление. Запуск торгово-инвестиционной платформы планируется в 2022 г. к открытию второго Саммита «Россия-Африка».

В конце дискуссии выступил Витал Боневезизи, вице-спикер парламента ДР Конго, председательствующей в этом году в Африканском Союзе (АС). Он поблагодарил руководство РФ за предоставленную президенту ДРК, Феликсу Чисекеди, возможность выступить с видеообращением на торжественном открытии ПМЭФ-2021. В.Боневезизи подчеркнул, что ДР Конго, вторая по территории страна Африки с населением более 100 млн человек, обладает уникальными богатствами, включая огромные запасы руд металлов (кобальт, колтан, золото, алмазы, бериллий и др.), леса, сельскохозяйственные угодья и водные ресурсы. Руководство ДР Конго очень много делает для обеспечения безопасности, особенно на Востоке страны и надеется на вклад России в развитии инфраструктуры, в первую очередь, дорог и портов, в освоение природных ресурсов и в борьбу с природными катастрофами, одну из которых (извержение вулкана) страна переживает прямо сейчас.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение, И.О.Абрамова подвела итоги заседания, отметив, что Россия нужна Африке для достижения амбициозных целей «Повестки 2063», но и Африка нужна России для реализации новой стратегии развития РФ, которая делает акцент на увеличении несырьевого экспорта и технологическом прорыве. Африканский быстрорастущий рынок, формируемый самым молодым населением в мире, предъявляет повышенный спрос на современные российские товары и технологии, в первую очередь, в таких сферах, как здравоохранение, сельское хозяйство, инфраструктура, освоение ресурсов, цифровые продукты.

Для активизации сотрудничества необходимо использовать весь набор инструментов государственно-частного партнерства, на полную мощность задействовать информационный ресурс, развивать сотрудничество в сфере науки и образования. Для нас сейчас главное - вывести наше взаимодействие, в т.ч. в экономической сфере, на принципиально новый уровень, отвечающий интересам наших народов. И России, и Африке есть, чему поучиться друг у друга, а наши экономические стратегии могут быть реализованы, если мы объединим свои усилия.

Перед Россией и Африкой стоят сегодня амбициозные задачи. Но все они вполне реализуемы и могут создать ту основу для российско-африканских отношений, которая так нужна и россиянам, и африканцам, и перевести их на новый *стратегический* уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдримова М., Лежнева А. Ворота в Японию и Африку. *Гудок*. 2021, выпуск № 97 (27191). <https://gudok.ru/newspaper/?ID=1567330> (accessed 22.06.2021)
2. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на африканском направлении. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019, т. 63, № 12, с. 90-100. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100>
3. Баринов А.К., Шарова А.Ю. Инфраструктурное развитие Африканского континента (транспорт Восточной Африки). *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 7, с. DOI: 10.31857/S032150750015770-9
4. Волков С. Новая эпоха в развитии российско-африканского сотрудничества. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020, т. 64, № 12, с. 113-122. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-113-122>
5. Волков С.Н., Шарова А.Ю. Роль электроэнергетики в экономическом развитии Египта. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018, т. 1, № 5, с. 86-104. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-86-104>
6. Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 4, с. 14-24. DOI: 10.31857/S032150750014642-8
7. Фитуни Л.Л. Российско-африканское сотрудничество в научно-технической сфере: стратегический и операционный подходы. *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 5, с. 33-43. DOI: 10.31857/S032150750015008-0
8. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012, № 7, с. 3-15. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-7-3-15>
9. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Развивающиеся страны в политической экономии посткоронавирусного мира. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020, т. 64, № 9, с. 5-14. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-5-14>
10. Al-Mashat R. 2011. The Evolution of Monetary Policy in Egypt and Steps towards Inflation Targeting. In Cobham D., Boughzala M. (eds.). *Inflation Targeting in MENA Countries: An Unfinished Journey*. Palgrave Macmillan, London, pp. 230-255. DOI: 10.1057/9780230316560_9

REFERENCES

1. Abdrimova M., Lezhneva A. 2021. Gateway to Japan and Africa. *Gudok*. № 97 (27191). (In Russ.). <https://gudok.ru/newspaper/?ID=1567330> (accessed 06/22/2021)
2. Abramova I., Fituni L. 2019. Russia's New Strategy in the African Direction. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. № 12. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100>
3. Barinov A.K., Sharova A.Yu. 2021. Infrastructure development in Africa (East African transport). *Aziya i Afrika segodnya*. № 7. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015770-9
4. Volkov S. 2020. A New Epoch in the Development of Russian-African Cooperation. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. № 12. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-113-122>
5. Volkov S.N., Sharova A.Yu. 2018. The Role of the Electricity Sector in the Economic Development of Egypt. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. № 5. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-86-104>
6. Fituni L. 2021. Science, technology and innovation in Africa: Stereotypes, realities and prospects. *Aziya i Afrika segodnya*. № 4. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014642-8
7. Fituni L. 2021. Russian-African cooperation in science and technology: strategic and operational contexts. *Aziya i Afrika segodnya*. № 5. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015008-0
8. Fituni L., Abramova I. 2012. Patterns of World Economic Development Models Formation and Change. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. № 7. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-7-3-15>
9. Fituni L., Abramova I. 2020. Developing Countries in the Political Economy of the Post-Coronavirus World. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, № 9. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-5-14>
10. Al-Mashat R. 2011. The Evolution of Monetary Policy in Egypt and Steps towards Inflation Targeting. In Cobham D., Boughzala M. (eds.). *Inflation Targeting in MENA Countries: An Unfinished Journey*. Palgrave Macmillan, London, pp. 230-255. DOI: 10.1057/9780230316560_9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абрамова Ирина Олеговна, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института Африки РАН, Москва, Россия.

Irina O. Abramova, Member of the Presidium, Russian Academy of Sciences (RAS), Corresponding Member, RAS; Dr.Sc. (Economics), Professor, Director, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
29.06.00.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
10.07.2021

Принята к публикации (Accepted)
20.07.2021

Точка зрения

DOI: 10.31857/S032150750015952-9

Оригинальная статья / Original article

Что нового в «новом» курсе США в отношении КНДР?

© Жебин А.З.^а, 2021

^а Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия
 ORCID ID: 0000-0002-3060-2390
 alexzheb1948@gmail.com

Резюме. В статье анализируются перспективы американо-северокорейских и межкорейских отношений с учетом политики новой администрации США в отношении КНДР и результатов визита президента Республики Корея Мун Чжэ Ина в Вашингтон в мае 2021 г., его переговоров с президентом Джо Байденом.

На наш взгляд, т.н. «новый» курс США в отношении КНДР не приведет к решению ядерной проблемы Корейского полуострова и будет препятствовать нормализации межкорейских отношений. В ходе визита президент Мун Чжэ Ин не смог получить согласия США на проведение РК более «независимой политики» в отношении Северной Кореи. Несмотря на щедрые инвестиции в экономику США и другие уступки, Сеул был вынужден пообещать координировать с США и Японией свои подходы к КНДР и поддержать позицию США по Тайваньскому проливу и Южно-Китайскому морю.

Автор полагает, что в таких условиях введение режима ограничения и контроля над вооружениями в Корею должно стать необходимым этапом на пути к полной денуклеаризации полуострова. Переход к такому способу урегулирования ядерной проблемы может привести к возобновлению переговорного процесса, взаимным уступкам, в т.ч. снижению уровня военно-политического противостояния, частичной или масштабной отмене экономических санкций в обмен на ограничения Северной Кореи своего ядерного оружия и ракетных систем.

Ключевые слова: США, КНДР, Республика Корея, ядерная проблема, альянс, контроль над вооружениями

Для цитирования: Жебин А.З. Что нового в «новом» курсе США в отношении КНДР? *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 8. С. 16-22. DOI: 10.31857/S032150750015952-9

What's new in the "new" US course towards the DPRK?

© Alexander Z. Zhebin^а, 2021

^а Institute of Far Eastern Studies,
 Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 ORCID ID: 0000-0002-3060-2390
 alexzheb1948@gmail.com

Abstract. The article analyzes the prospects for US-North Korean and inter-Korean relations, taking into account the completed policy review of the new US administration towards the Democratic People's Republic of Korea (DPRK), as well as the results of the President of the Republic of Korea Moon Jae-in's trip to Washington in May 2021 and his talks with US President Joe Biden. It is concluded that the "new" course proposed by the United States in relation to the DPRK will not lead to a solution to the nuclear problem of the Korean Peninsula and will interfere with the normalization of inter-Korean relations. During his visit to the US President Moon failed to obtain the US consent on ROK more "independent policy" toward North Korea. In spite of lavish investments into US economy and other concessions, Seoul was forced to promise to coordinate his approaches to the DPRK with US and Japan and support US position on Taiwan straits and South China Sea. The author argues that in the current conditions, the introduction of a regime of arms limitation and arms control in Korea should be a necessary stage on the way to complete denuclearization of the peninsula. The transition to a such method of the settlement of the nuclear problem could lead to the resumption of the negotiation process, mutual concessions, including reductions in the level of military-political confrontation, partial or large-scale lifting of economic sanctions in exchange for North Korea's restrictions of its nuclear weapon and missile systems.

Keywords: USA, DPRK, Republic of Korea, nuclear issue, relations, alliance, arms control

For citation: Alexander Z. Zhebin. What's new in the "new" US course towards the DPRK? *Aziya i Afrika segodnya*. 2021, № 8. Pp. 16-22. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015952-9

ВВЕДЕНИЕ

30 апреля 2021 г. пресс-секретарь Белого дома Джен Псаки объявила, что администрация Байдена наконец-то завершила пересмотр политики США в отношении Северной Кореи.

Главная особенность предлагаемого курса заключается в том, что Дж.Байден, в отличие от своих предшественников, которые предпочитали с порога отвергать наработки предыдущих администраций, решил опираться на ранее достигнутые сторонами соглашения, в частности Совместное заявление, одобренное Д.Трампом и Ким Чен Ыном по итогам их первого саммита 12 июня 2018 г. в Сингапуре [1]. Вместе с тем, «пересмотренная» политика Вашингтона по-прежнему ставит целью достижение «полной денуклеаризации Корейского полуострова» [1].

ЧТО СКРЫВАЕТ «НОВЫЙ» КУРС США В КОРЕЕ

В «новом» американском подходе, который обрисован пока лишь в самых общих выражениях, обращают на себя внимание два момента. Первый из них касается «денуклеаризации Корейского полуострова». До сих пор все предшествующие администрации США говорили исключительно о «денуклеаризации Северной Кореи», оставляя, таким образом, за скобками территорию Южной Кореи. А там, как известно, дислоцировано свыше 28 тыс. американских военнослужащих, в ее портах частые гости - американские атомные авианосцы и атомные подводные лодки. В воздушное пространство над Южной Кореей нередко прилетают стратегические бомбардировщики США для отработки нанесения ядерных ударов по КНДР.

Но главная причина того, почему внешнеполитическая команда Байдена, резко критиковавшая дипломатию Д.Трампа в отношении КНДР, вдруг решила опереться на Сингапурское заявление и «другие договоренности, достигнутые предыдущими администрациями» с КНДР, заключается в том, что среди этих договоренностей, во всяком случае, по словам самого Трампа, было якобы полученное им обещание Ким Чен Ына воздерживаться от ядерных испытаний и пусков межконтинентальных баллистических ракет [2].

В администрации Дж. Байдена, отмечают американские обозреватели, практически нет иллюзий по поводу бесперспективности попыток заставить КНДР полностью отказаться от ее ядерного оружия [3]. Расчет, видимо, делается на то, чтобы, декларируя приверженность довольно расплывчатому и ничему не обязывающему Сингапурскому заявлению, в ответ добиться от северокорейцев выполнения вполне конкретных, хотя и не зафиксированных в этом документе обещаний не испытывать ядерное оружие (ЯО) и межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Это, в свою очередь, приостановило бы качественное совершенствование и количественное наращивание северокорейских ракетно-ядерных «сил сдерживания».

Похоже, что попытаться придать юридически обязывающий статус якобы добытому Трампом одностороннему северокорейскому мораторию - это максимум того, что рассчитывает добиться нынешняя администрация США. Делается это под завесой расплывчатых описаний «нового курса». Не удивительно, что подобный «успех» нуждается в тщательной маскировке его истоков.

Насколько известно, Пхеньян также выступает за диалог с США на основе Сингапурского заявления. Однако в нем задаче денуклеаризации, упомянутой лишь в пункте 3 этого документа, предшествуют два других положения, которые, по всей вероятности, имеют для Пхеньяна значение никак не меньшее, чем денуклеаризация. Речь идет о том, что, во-первых, США и КНДР обещали «построить новые отношения», а во-вторых, они «объединят свои усилия по созданию прочного и стабильного мирного режима на Корейском полуострове» [4].

Пока неизвестно, в какой степени эти положения включены в новую политику США в отношении КНДР. Кроме того, обе стороны так и не договорились о том, что они подразумевают под денуклеаризацией, тем более о том, что означает «полная» денуклеаризация. Пока что никаких конкретных планов или дорожной карты для реализации «пересмотренной» командой Дж.Байдена политики не обнаружено.

Развернутого ответа из Пхеньяна на предложения Вашингтона еще не последовало. Американцы утверждают, что северокорейцы дважды отклонили их предложение познакомить КНДР с «новым курсом» США.

Однако выступление Байдена в Конгрессе США 28 апреля 2021 г., в котором он изложил основные принципы внешней политики своей администрации, в т.ч. в отношении Северной Кореи, вызвало жесткую отповедь Пхеньяна, хотя и озвученную на довольно низком уровне - директором департамента МИД КНДР, отвечающего за американские дела [5].

В американском экспертном сообществе развернулась дискуссия о том, что в первую очередь должны делать участники переговоров. Некоторые полагают, что сторонам следует выработать общее понимание того, что означает денуклеаризация. Другие считают, что необходимо начать с практических шагов по осуществлению денуклеаризации и определить, какие санкции следует отменить или ослабить в ответ на эти шаги.

Обратило на себя внимание, что все дискуссии по этому вопросу подозрительно обходят стороной очень важную проблему: как будут верифицироваться достигнутые соглашения.

В свете трудностей осуществления полной, поддающейся проверке денуклеаризации и того, сколько времени это займет, США могут начать с предложения о том, чтобы все работы по производству расщеп-

ляющихся материалов и средств доставки ЯО были заморожены. Этот путь оставляет уже созданный ядерный потенциал практически нетронутым, но он также потребует допуска инспекторов на все объекты ядерной инфраструктуры страны: местоположение некоторых из них, по-видимому, совершенно неизвестно иностранным наблюдателям.

Остается открытым еще один немаловажный вопрос - что Пхеньян потребует в обмен на выполнение предложенных ограничений и какие из них он согласится принять?

Общее требование Пхеньяна к Вашингтону - отказ последнего от «враждебной политики» в отношении КНДР. Приоритет, скорее всего, будет отдан гарантиям безопасности и выстраиванию новых отношений с США. Если кратко резюмировать содержание таких отношений, то, по мнению Пхеньяна, они должны характеризоваться полным устранением военной, в первую очередь, ядерной угрозы КНДР со стороны США. Отказ от «враждебной политики» также включает в себя прекращение Вашингтоном всех враждебных действий против КНДР, в т.ч. не только отказ от проведения совместных американо-южнокорейских военных учений вблизи границ КНДР, но и прекращение поставок Южной Корее новейших вооружений и снятие санкций, которые рассматриваются как бесспорное проявление враждебности.

В Пхеньяне, безусловно, учитывают, что после неудачного саммита в феврале 2019 г. в Ханое и после прихода в Белый дом администрации Байдена в основе курса США в отношении КНДР де-факто осталась трамповская политика «максимального давления». Неудивительно, что Пхеньян, руководствуясь принципом «отвечать силой на силу», продолжил развивать свои ядерные и ракетные программы. Если за 8 лет - два срока президентства Барака Обамы - КНДР провела 61 ракетное испытание, то за 2 года после встречи в Ханое состоялось более 30 пусков [6].

Решимость КНДР и впредь наращивать «средства самообороны» была подтверждена Ким Чен Ыном в его выступлении на военном параде по случаю 75-летия правящей Трудовой партии Кореи (ТПК) в октябре 2020 г. и в докладе ЦК ТПК VIII съезду партии в январе 2021 г. [7].

Именно действия КНДР по укреплению своих «сил сдерживания» заставили ряд известных экспертов и бывших высокопоставленных правительственных чиновников признать, что денуклеаризация КНДР - «невыполнимая миссия», и призвать к нормализации отношений с этой страной в качестве условия достижения прогресса на переговорах о ее денуклеаризации. Такую позицию, в частности, занимает бывший министр обороны США У. Перри [8].

Все больше аналитиков утверждают, что политика США, заключающаяся в том, чтобы настаивать на полном отказе КНДР от своих ракетно-ядерных «сил сдерживания», откладывая при этом любые значимые ответные шаги - нереалистична [9]. По их мнению, с учетом позиции КНДР, заявленной на VIII съезде ТПК, и неготовности США принять меры, которые удовлетворили бы интересы Северной Кореи и тем самым побудили бы ее начать демонтаж своих ядерных объектов, лучшим способом предотвратить дальнейшее наращивание и совершенствование Пхеньяном своего ядерного арсенала и средств доставки могла бы стать замена требования о денуклеаризации в качестве первоочередной задачи мерами по ограничению и контролю над вооружениями на Корейском полуострове.

Эксперты влиятельного Центра Стимсона считают, что в нынешних обстоятельствах «недостижимая цель полной, поддающейся проверке и необратимой денуклеаризации (CVID) должна быть отброшена в пользу более реалистичного, поэтапного подхода, основанного на равной приверженности как денуклеаризации, так и миру» [10].

Остается надежда, что в команде Байдена, в которой много сотрудников, работавших в предыдущих администрациях США, есть понимание того, что каждый этап денуклеаризации должен сопровождаться устранением озабоченностей Пхеньяна в отношении американских усилий по подрыву безопасности, политической и социальной стабильности в КНДР.

Пока что вопрос о том, насколько мнения людей, придерживающихся такой точки зрения, были учтены администрацией нынешнего президента при пересмотре политики США в отношении КНДР, остается открытым.

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТИ «МОНОЛИТНОГО АЛЪЯНСА»

Прояснить ситуацию мог бы широко разрекламированный саммит Байдена с президентом РК Мун Чжэ Ыном, известным своим стремлением перевести межкорейские отношения в русло цивилизованного общения и сотрудничества еще с тех пор, когда он занимал пост главы аппарата президента РК Но Му Хена (2003-2008), продолжившего политику «солнечного тепла»¹ своего предшественника президента Ким Дэ Чжуна (1998-2003).

¹ Название политики основано на сюжете одной из басен Эзопа о соревновании между Северным Ветром и Солнцем, чтобы решить, кто из них сильнее. Задача заключалась в том, чтобы заставить путника снять плащ. Как бы сильно ни дул Север-

Можно было бы предположить, что нарочито заметная расплывчатость формулировок «нового» курса Байдена в отношении КНДР и отсутствие конкретных предложений могли быть продиктованы стремлением «спасти лицо» младшему союзнику и не ставить Мун Чжэ Ина перед свершившимся фактом в виде однозначно сформулированной стратегии на северокорейском направлении.

В Совместном заявлении лидеров США и РК, принятом на саммите 21 мая 2021 г. в Вашингтоне, президент Мун Чжэ Ин фактически одобрил новый подход США, заявив, что он «приветствует завершение обзора политики Соединенных Штатов в отношении КНДР, предусматривающей взвешенный и практический подход, открытый для дипломатии с КНДР с целью достижения ощутимого прогресса, который повысит безопасность США и Республики Корея» [11].

Оба лидера также подтвердили общую убежденность в том, что «дипломатия и диалог, основанные на предыдущих межкорейских и американско-северокорейских обязательствах, таких как Сингапурское заявление и Пханмунчжомская декларация 2018 г., необходимы для достижения полной денуклеаризации и установления постоянного мира на Корейском полуострове» [11].

Хотя администрация Байдена еще не раскрыла, какие конкретные шаги она предпримет, чтобы выйти из тупика в отношениях с КНДР, уже совершенно ясно, что ее политика в отношении Кореи будет подчинена более широкой американской стратегии в Азии, или, как сейчас предпочитают говорить в Вашингтоне, в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), где основная цель США - сдерживание роста Китая [12].

Судя по всему, приоритеты Байдена в отношении Южной Кореи состояли в том, чтобы укрепить заметно подорванный бесцеремонными требованиями Д.Трампа к руководителям РК военно-политический союз с этой страной и заручиться ее согласием на практическое участие в антикитайской стратегии США за счет подведения ее к «*Quad*»² и к другим американским усилиям по изоляции Китая.

Важный элемент американской политики - постоянное давление, оказываемое Вашингтоном на Сеул, с тем, чтобы он, наконец, урегулировал свои исторические споры с Японией. Это, полагают американцы, позволит наладить полноценное военное сотрудничество в треугольнике Вашингтон-Токио-Сеул, в т.ч. в области противоракетной обороны.

На практике укрепление альянса означает увеличение военного присутствия США в Северо-Восточной Азии и наращивание поставок американского оружия в РК, что, как следствие, порождает гонку вооружений на Корейском полуострове [13]. Кроме того, США, как сообщается, без излишнего шума и церемоний интегрировали свои системы *THAAD*³, развернутые в Южной Корее и Японии, с системами, размещенными на о. Гуам, где находится одна из крупнейших американских баз за пределами континентальной части США [14].

Этот процесс уже вынудил Китай увеличить свой оборонный бюджет. Милитаризация Китая, в свою очередь, заставит Японию еще больше укрепить свой военный потенциал, и это затем спровоцирует Южную Корею, исторического соперника Японии, сделать то же самое. Это всего лишь один пример того, как возрастание военного присутствия США в Азии ведет к гонке вооружений и может привести к дестабилизации всего региона.

Президент РК Мун Чжэ Ин в ходе майского визита в Вашингтон призвал укрепить союз США и РК и «перезапустить часы мира и продвинуть мирный процесс на Корейском полуострове». Но, по мнению Пхеньяна, укрепление военного альянса и продвижение мирного процесса не могут идти рука об руку.

Альянс США и РК был создан в ходе Корейской войны с заявленной целью сдерживания «коммунистической угрозы». Сегодня военные планы альянса включают упреждающие удары по КНДР и операции по «обезглавливанию» противника, т.е. уничтожение северокорейского руководства. Укрепление альянса США и РК фактически означает совершенствование планов войны с КНДР, и это явно противоречит декларациям о «продвижении мирного процесса».

Декларация о мире или другое соглашение, которое официально положит конец Корейской войне и учтет интересы безопасности всех соседей Кореи, может изменить правила игры для всего региона. Такой шаг мог бы привести к появлению объединенного, неприсоединившегося Корейского полуострова, который будет выступать как нейтрализующая сила в соперничестве великих держав.. Это позволило бы всем

ный Ветер, путник только плотнее в него закутывался, чтобы согреться, но когда вышло Солнце, ему стало жарко, и он сам снял свой плащ. Политика «солнечного тепла» была инициирована президентом РК Ким Дэ Чжуном в 1998 г. и предусматривала «открытие» КНДР путем вовлечения ее в разнообразные обмены, контакты и сотрудничество с РК с целью «размягчения» северокорейского режима (*прим. авт.*).

² Четырёхсторонний диалог по безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue - Quad*), реализуемый США, Японией, Австралией и Индией, который подразумевает проведение регулярных встреч по проблематике безопасности. Инициирован в 2007 г. японским премьер-министром Синдзо Абэ при поддержке американского вице-президента Дика Чейни.

³ *THAAD (Terminal High Altitude Area Defense)* - противоракетный комплекс подвижного наземного базирования для высотного заатмосферного перехвата ракет средней дальности (*прим. ред.*).

сторонам избежать гонки вооружений и заложило бы основу для обсуждения вопросов о денуклеаризации полуострова и сокращении своих войск и вооружений в регионе. Это также позволило бы всем сторонам сместить свои приоритеты на неотложные общие проблемы, такие, как здравоохранение, защита окружающей среды и экономика.

Второй после ракетно-ядерной проблемы, а может быть, и не менее важный раздражитель в отношениях между нынешней южнокорейской администрацией и США - постоянное торможение и, зачастую, блокирование американцами попыток Сеула наладить межкорейские связи. Причем, требуя от Сеула «шагать в ногу», в Вашингтоне считают само собой разумеющимся, что равняться на США всегда должен младший союзник, а не наоборот.

Во время подготовки к саммиту Байдена и Мун Чжэ Ина южнокорейская сторона обсуждала с США план, согласно которому лидеры двух стран должны подтвердить «независимость межкорейских отношений» от ситуации в диалоге КНДР-США. Сеул пытался добиться от США «понимания», которое заключалось бы в том, чтобы США не мешали Северу и Югу продолжать улучшать свои отношения независимо от прогресса на американско-северокорейских переговорах [15].

Причина, по которой южнокорейское правительство пыталось заручиться пониманием такого подхода, связана с критикой в Сеуле системы реализации санкций США. Пример этой системы - деятельность «рабочей группы Южная Корея - США», активно функционировавшей во время администрации Д.Трампа. Южнокорейские официальные лица неоднократно отмечали, что неспособность улучшить межкорейские отношения настолько, насколько это ожидалось после трех межкорейских саммитов в 2018 г., в значительной степени связана с чрезмерным применением санкций в отношении Северной Кореи со стороны США [15].

Однако в интервью южнокорейскому агентству *Yonhap*, как раз накануне саммита Байден - Мун, координатор политики США в ИТР Курт Кэмпбелл заявил, что еще слишком рано обсуждать смягчение санкций в отношении КНДР: «Санкции ООН в отношении КНДР остаются в силе, и мы будем продолжать обеспечивать их соблюдение... Преждевременно рассуждать дальше этого» [16].

Судя по всему, и при Байдене, как и во времена Трампа, Сеулу надо оставить мечты о «независимой политике» в отношении Северной Кореи. Вместо одобрения столь непозволительной для Южной Кореи свободы рук лидеры США и РК в совместном заявлении без обиняков напомнили, что обе страны должны «шагать нога в ногу» в отношениях с КНДР [11].

На этом неудачи Сеула не закончились. Вашингтон, уступая, видимо, настойчивым просьбам японцев, напрочь отвергающих возможность какого-либо улучшения отношений с КНДР без разрешения т.н. «проблемы похищенных», пролоббировал включение в Совместное заявление по итогам саммита пункта о «фундаментальной важности трехстороннего сотрудничества США - РК - Японии для решения проблемы КНДР», тем самым фактически получив обещание Южной Кореи координировать свою политику в отношении Северной Кореи не только с США, но и с Японией [11].

Между тем, президент РК в своих речах в ходе визита всячески избегал даже упоминания о Японии, в т.ч. в своем выступлении на совместной пресс-конференции с Дж.Байденом. В ходе саммита лидеры обеих стран не раз напоминали о том, что в 2022 г. они будут отмечать 140-летие установления отношений между США и Кореей - в то время единой страной, только начавшей освобождаться от многовекового китайского вассалитета.

При этом в Сеуле предпочитают не замечать, что, освободившись от одной зависимости, они все глубже увязают в другой. Сумев избежать открытого подсоединения к пресловутому «*Quad*», Южная Корея, как следует из совместного заявления, фактически солидаризировалась с формируемой американцами интерпретацией позиции этого новообразования относительно обстановки «мира и стабильности» в Тайваньском проливе, а также свободы судоходства в Южно-Китайском море и полетов над его акваторией [11].

Более того, Вашингтон сумел подключить своего союзника к решению ряда собственных внутривнутриполитических задач, в частности, выполнению предвыборных обещаний Байдена по контролю миграции в США из стран Центральной и Латинской Америки. Сеул пообещал предоставить в 2021-2024 гг. только трем странам т.н. «северного треугольника» Центральной Америки \$220 млн на «устранение коренных причин» исхода их населения в США и осуществить ряд программ в этих целях в странах Латинской Америки и Карибского бассейна [11].

Но поистине беспрецедентным по щедрости стало объявленное накануне саммита решение 4 южнокорейских конгломератов - «Самсунг», *LG*, «Хендэ моторз» и *SK* - инвестировать в американскую экономику свыше \$39 млрд. Чтобы были понятнее масштабы этой «дани», можно напомнить, что указанная сумма в 10 (!) с лишним раз превышает весь объем накопленных инвестиций Южной Кореи в России за 30 лет (после установления в сентябре 1990 г. дипломатических отношений между нашими странами). Только один завод по производству полупроводников и микросхем обойдется «Самсунг» в \$17,4 млрд, будут построены также предприятия по выпуску батарей для электромобилей и ряд других современных производств [17].

В США не скрывают, что одна из главных целей этих проектов - создание независимых от Китая цепочек снабжения продукцией, без которой невозможно развитие и функционирование современных информационных технологий, других производств. К разряду мер с антикитайским подтекстом можно отнести заявленную приверженность США и РК созданию «открытых, прозрачных и эффективных сетей» 5G и 6G, согласие насчет «важности отслеживания иностранных инвестиций и сотрудничества в контроле над экспортом критических технологий» [11].

Между тем, проблема сбалансированного регионально развития остается одной из самых острых в самой Южной Корее. Преподнесенные американцам инвестиции с учетом дополнительных расходов на «антимиграционные» программы в государствах Центральной Америки и Карибского бассейна приблизительно равны годовым ассигнованиям на реализацию 5-го «Комплексного национального территориального плана» (CНТР) самой Южной Кореи.

Отправляться за океан с многомиллиардной данью стало уже своеобразной традицией южнокорейских властей. Так, в сентябре 2019 г. в канун поездки президента Мун Чжэ Ина на сессию ГА ООН, во время которой была запланирована его встреча с тогдашним президентом США Д.Трампом, те же самые компании объявили об инвестициях в США на сумму более \$3 млрд [18].

Ситуация позволяет еще раз задаться вопросом об адекватности любимого объяснения южнокорейских официальных лиц относительно причин сохраняющегося упомянутого выше крайне низкого объема южнокорейских инвестиций в России. Российскую сторону все время уверяют, что крупный бизнес РК считает недостаточно благоприятными условия для работы в России, а власти РК, мол, не могут приказывать крупным компаниям, куда им вкладывать свои капиталы. Поразительная синхронность крупнейших вложений в экономику США с визитами южнокорейских президентов в эту страну не оставляет сомнений в том, за кем в Сеуле последнее слово в реализации внешнеэкономической стратегии этой страны.

Кроме того, вот уже второе десятилетие остаются на бумаге планы межкорейского экономического сотрудничества. Еще на первом межкорейском саммите в 2000 г. тогдашние лидеры Севера и Юга - Ким Чен Ир и Ким Тэ Чжун - пообещали поработать над сбалансированным развитием двух частей страны, для чего потребуются десятки, если не сотни миллиардов долларов.

Еще одним направлением втягивания Южной Кореи в антикитайскую стратегию США стало снятие Вашингтоном всех ограничений на ракетную программу Сеула [19]. До сих пор южнокорейские ракеты имели дальность полета до 800 км, что, кстати, покрывало не только всю территорию КНДР, но и существенные площади соседних стран, и могли нести боеголовку весом до 2 тонн. В Сеуле отлично поняли, куда, по мнению американцев, должны быть нацелены новые южнокорейские ракеты. Некоторые горячие головы сразу занялись подсчетами: ракетами какой дальности удастся им отныне надежно «сдерживать» Китай.

Впрочем, за эйфорией по поводу обретенного «ракетного суверенитета» как-то потерялся тот факт, что без разрешения американцев такие ракеты, как, впрочем, и все другие, южнокорейцам запускать нельзя без разрешения старшего союзника: право командования вооруженными силами РК в военное время остается за американским генералом - командующим дислоцированными в РК уже более 70 лет войсками США. Американцам удалось забить еще один «клинышек» в отношении Сеула с Пекином, и так далеко не безоблачные.

Одной из главных задач визита Мун Чжэ Ина было заручиться обещанием США о внеочередной поставке вакцины против COVID-19 в РК. Совсем отказать союзнику американцы не могли и поступили, как всегда, руководствуясь, прежде всего, своими геополитическими интересами. Вакцину получают 550 тыс. южнокорейских военнослужащих. Они ведь всегда должны быть готовы к бою, да и тесно взаимодействуют с размещенным в Южной Корее 28-тысячным воинским контингентом США [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, главные задачи, которые ставила администрация Мун Чжэ Ина в ходе визита президента РК в США в мае 2021 г., раздавая позарез нужные самой Южной Корее миллиарды, так и остались нерешенными. Похоже, в Сеуле еще не пришли к выводу о том, что чем крепче будет его альянс с Вашингтоном, тем дальше будет отодвигаться день объединения и еще туманнее станут перспективы денуклеаризации Корейского полуострова. Как тут не вспомнить слова А.Эйнштейна: «Бессмысленно продолжать делать то же самое и ждать других результатов».

REFERENCES

1. Jon Herskovitz. Jon. Biden Looks to Build on Trump's Singapore Deal With North Korea. *Bloomberg*. 19.05.2021. https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-05-19/biden-looks-to-build-on-trump-s-singapore-deal-with-north-korea?utm_medium=email&utm_source=newsletter&utm_term=210519&utm_campaign=bop (accessed 22.05.2021)

2. North Korea Fires More Ballistic Missiles Ahead of U.S.-South Korea Military Drill. <https://www.nytimes.com/2019/08/05/world/asia/north-korea-missile-launch.html> (accessed 08.06. 2021)
3. Ignatius, David. Opinion: Biden's approach to North Korea is the opposite of 'fire and fury'. "*Washington Post*", April 16, 2021. https://www.washingtonpost.com/opinions/bidens-approach-to-north-korea-is-the-opposite-of-fire-and-fury/2021/04/15/58711ed4-9e12-11eb-9d05-ae06f4529ece_story.html?utm_medium=email&utm_source=newsletter&wpisrc=nl_opinions&utm_campaign=wp_opinions (accessed 08.06. 2021)
4. Joint Statement of President Donald J. Trump of the United States of America and Chairman Kim Jong Un of the Democratic People's Republic of Korea at the Singapore Summit (2018). <https://th.usembassy.gov/joint-statement-president-donald-j-trump-united-states-america-chairman-kim-jong-un-democratic-peoples-republic-korea-singapore-summit/> (accessed 15.05. 2021).
5. Statement of DPRK Foreign Ministry Director General of Department of U.S. Affairs. *KCNA*, 02.05.2021. <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf> (accessed 12.05.2021)
6. Cha Victor. Engaging North Korea Anew. Nov. 17, 2020. <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-korea/2020-11-17/engaging-north-korea-anew> (accessed 06.06.2021)
7. Great Programme for Struggle Leading Korean-style Socialist Construction to Fresh Victory. On Report Made by Supreme Leader Kim Jong Un at 8th Congress of WPK. <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=eng&ptype=cfrev&stype=2&ctype=3&mtype=view&no=32399> (accessed 15.05. 2021)
8. Lee Je-hun. S. Korean, US experts say Washington needs to guarantee regime security and normalize relations with Pyongyang to progress in denuclearization negotiations. *Hankyoreh*. Dec. 3, 2020. http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/972696.html (accessed 10.05.2021)
9. Yun, Joseph, Aum, Frank. A practical approach to North Korea for the next US president. *Bulletin of Atomic Scientists*. October 2, 2020. <https://thebulletin.org/2020/10/a-practical-approach-to-north-korea-for-the-next-us-president/> (accessed 05.06.2021)
10. A Principled US diplomatic Strategy Towards North Korea/ Feb. 22, 2021. <https://www.38north.org/2021/02/a-principled-us-diplomatic-strategy-toward-north-korea/> (accessed 04.06. 2021)
11. U.S.-ROK Leaders' Joint Statement. May 21, 2021. Statements and releases. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/21/u-s-rok-leaders-joint-statement/> (accessed 25.05.2021)
12. Lee Hyen. Biden and Moon Are on a Collision Course with North Korea and China. *Common Dreams*, 21.05.2021. https://www.commondreams.org/views/2021/05/21/biden-and-moon-are-collision-course-north-korea-and-china?utm_medium=40digest.7days3.20210521.carousel&utm_source=email&utm_content=&utm_campaign=campaign (accessed 04.06. 2021)
13. Choe, Sang-hun. A Quiet Arms Race Is Rapidly Heating Up Between the Two Koreas. April 19, 2021. https://www.nytimes.com/2021/04/19/world/asia/korea-missiles-arms-race.html?campaign_id=7&emc=edit_mbae_20210420&instance_id=29426&nl=morning-briefing%3A-asia-edition®i_id=74077585&segment_id=55894&te=1&user_id=dc36ba9154ec36d1ae473a84720d1b14 (accessed 23.04. 2021)
14. Won-Gi Jung. Biden's North Korea outreach may be supported by missile defense. *NKnews*, May 11, 2021. <https://www.nknews.org/2021/05/bidens-north-korea-outreach-may-be-supported-by-missile-defense/> (accessed 07.06. 2021)
15. Kim Ji-eun. S. Korea to demand more autonomy in pursuing inter-Korean relations at upcoming Moon-Biden summit. *Hankyoreh*, May.20, 2021. <https://english.hani.co.kr/arti/996014.html> (accessed 08.06.2021)
16. Byun Duk-kun. U.S. will build on Singapore agreement with N. Korea: Campbell. *Yonhap*, May 19, 2021. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210518003200325> (accessed 08.06. 2021)
17. Kim Eun-jung (News Focus) Korean firms set to make splash with massive US investment plans in line with bilateral summit. *Yonhap*, May 20, 2021. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210520003500320> (accessed 08.06. 2021)
18. Nam Hyun-woo. Korean firms bet high on US market amid Moon's visit. *The Korea Times*, September 26, 2019. https://www.koreatimes.co.kr/www/tech/2019/10/419_276170.html (accessed 29.09. 2019)
19. Lifting of US missile restrictions signifies Seoul's missile sovereignty, Washington's China strategy: experts. *The Korea Herald*, 22.05.2021. <http://www.koreaherald.com/common/newsprint.php?ud=20210522000103> (accessed 07.06. 2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, Москва, Россия.

Alexander Z. Zhebin, PhD (Political Science), Director, Center for Korean studies, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
30.05.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
20.06.2021

Принята к публикации (Accepted)
11.07.2021

Эр-Рияд меняет приоритеты: «умные» города и гостиницы вместо нефти?

© Дударев К.П.^а, 2021

^а Востоквед-арабист, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5416-6709
kdudarev@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается ход реализации в Саудовской Аравии социально-экономических реформ, начатых в 2016 г. после обнародования новой «Стратегии Королевства Саудовская Аравия», более известной как «Видение 2030» и направленной на ослабление сырьевой зависимости, диверсификацию экономики и модернизацию страны. В центре внимания - два основных новых направления экономики: туризм и строительство «умных» городов.

В соответствии с логикой новой стратегии, меняется и экономическая география Королевства. Если в прошлом усилия государства и инвестиции направлялись, в основном, на восток страны - на побережье Персидского залива, где сосредоточены месторождения нефти, то сегодня, при переходе к постнефтяной эпохе, главное внимание уделяется раскрытию потенциала западных районов, прилегающих к побережью Красного моря.

Подводятся некоторые итоги первых 5 лет реформ (2016-2021 гг.). Это и близкое к завершению строительство гигантского курорта «Красное море», и разворачивание работ по строительству «умных городов будущего» - *Neom* и *The Line*, и новые электростанции, использующие возобновляемые источники энергии.

В качестве свидетельств поддержки населением реформ автор приводит результаты опроса сотрудниками ООН жителей Королевства, большинство которых выразили удовлетворение качеством жизни и действиями властей по управлению страной, а также отчет миссии МВФ, давшей позитивную оценку выбору правительства КСА в пользу развития индустрии туризма и развлечений, его действий по борьбе с пандемией *COVID-19*, по увеличению роли частного сектора в экономическом развитии страны.

Вместе с тем, автор считает, что, несмотря на очевидные успехи, было бы заблуждением полагать, что все риски, связанные с проведением реформ, остались позади.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, реформы, «Видение 2030», туризм, курорты, Красное море, «умные» города, нефть, новейшие технологии

Для цитирования: Дударев К.П. Эр-Рияд меняет приоритеты: «умные» города и курорты вместо нефти? *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 23-31. DOI: 10.31857/S032150750015991-2

Riyadh changes priorities: “Smart” cities and resorts instead of oil?

© Konstantin P. Dudarev^a, 2021

^a Orientalist-arabist, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-5416-6709
kdudarev@gmail.com

Abstract. The article examines the progress of the implementation of socio-economic reforms, which began in 2016 after the promulgation of the new "Strategy of the Kingdom of Saudi Arabia" called "Vision 2030", and aimed at diversification of the economy and modernization of the country. The focus is on two main areas of economic development - tourism and the construction of "smart" cities of the future.

In accordance with the logic of the new strategy the economic geography of the Kingdom is also changing. If in the previous decades the state's efforts and investments were directed mainly to the east of the country, on the coast of the Persian/Arabian Gulf, where oil deposits are concentrated, today, during the transition to the post-oil era, the main attention is paid to unlocking the potential of the western regions adjacent to the coast of the Red Sea.

In brief, the result of 5 years of reforms is that the words "post-oil era" have ceased to be an abstract concept. As an evidence of the population's support for the reforms, the author cites the results of a survey by UN staff members of the Kingdom's residents, most of whom expressed satisfaction with the quality of life and the actions of the authorities, as well as the report of the IMF mission, which praised the activities of the KSA government on tourism and the entertainment industry development, to combat the pandemic, and to increase the role of the private sector in the country's economic development.

At the same time, the author believes that despite the obvious successes, it would be a delusion to believe that all the risks associated with the implementation of reforms have been left behind.

Keywords: Saudi Arabia, reforms, Vision 2030, tourism, resorts, the Red Sea, “smart” cities, oil, new technologies

For citation: Dudarev K.P. Riyadh changes priorities: “Smart” cities and resorts instead of oil? *Aziya i Afrika segodnya*. 2021, № 8. Pp. 23-31. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015991-2

ВВЕДЕНИЕ

Перемены, происходящие сегодня на Ближнем Востоке, да и во всем мире, уже мало кого удивляют. И все же стремительность и радикальность преобразований в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) - новое явление. Еще вчера одна из самых консервативных стран мира во внутренней и внешней политике, стремится совершить крутой разворот. Сегодня там «в почете» умеренность в исламе, а экстремизм считается преступлением - служители мечетей, упорствующие в экстремизме, отправляются в тюрьмы, отменяются многие устаревшие религиозно-этические нормы и широко распахиваются закрытые еще вчера двери перед иностранными туристами. Будучи одним из крупнейших производителей и экспортеров нефти, Эр-Рияд стремится отказаться от ее использования внутри страны, продолжая поставки углеводородов на мировой рынок.

Эти метаморфозы осуществляются в рамках нового стратегического курса «Видение 2030», сформулированного 5 лет назад, в апреле 2016 г., королем Сальманом и его сыном - наследным принцем Мухаммедом бин Сальманом (подробнее см.: [8]). Цель нового курса - ослабление нефтяной зависимости, диверсификация экономики, создание динамичного общества и модернизация страны.

ПЛЯЖИ ВМЕСТО НЕФТИ?

Толчком для начала реформ стали экономические проблемы, с которыми столкнулось Королевство в 2013-2016 гг. Резкое и длительное падение цен на нефть на мировом рынке, растущий дефицит бюджета привели к осознанию властями Королевства, что сегодня даже такой ценнейший товар как нефть уже не может быть единственным источником доходов. Пришло понимание необходимости избавления от нефтяной зависимости, диверсификации экономики, создания новых направлений хозяйственной деятельности и общей модернизации экономической и общественной жизни.

Перед страной, привыкшей десятилетиями жить на «нефтяную ренту», встали непростые задачи. Надо было понять, где кроется неиспользуемый потенциал. В ходе поиска новых сфер хозяйственной деятельности (естественно, до пандемии *COVID-19*) обнаружилось, что эффективной отраслью является индустрия туризма и развлечений. Причем 6-8 лет назад речь шла только о внутреннем туризме, т.к. въездного «светского» туризма тогда не существовало, не было даже туристических виз для иностранцев. Хотя сами саудовские подданные активно путешествовали по миру и охотно тратили за рубежом десятки миллиардов долларов.

Первоначальный импульс развитию внутреннего туризма и был дан благодаря стремлению властей сохранить внутри страны эти уплывавшие за рубеж огромные средства. Было начато создание туристической инфраструктуры, которая облегчила бы подданным возможность путешествовать по своей собственной стране, было создано немало новых туристических маршрутов, обустроено гостиниц, восстановлено много исторических памятников.

Опыт развития путешествий внутри страны показал что, наряду с индустрией развлечений, туризм может стать рекордсменом по темпам создания новых рабочих мест и генерированию прибыли - т.е. в решении важнейших задач, от которых зависит ход и судьба реформ. Так, по словам тогдашнего главы Департамента по туризму и древностям принца Султана бин Сальмана, в период с 2004 по 2016 гг. доходы от туризма показали беспрецедентный рост - с 57,3 до 166 млн риалов (\$1 = 3,75 риала), а количество сотрудников туротрасли за тот же период увеличилось с 333 тыс. до 936 тыс.¹ Стало ясно, что туристический потенциал Королевства должен быть задействован ради обеспечения успеха реформ.

Был снят архаичный запрет на въезд в страну иностранцев без приглашения саудовских партнеров или работающих в Королевстве родственников. В новой Стратегии туризм включен в перечень тех отраслей экономики, которые должны получить приоритетное развитие - наряду с автомобилестроением, металлургией, производством алюминия и фармацевтической отраслью. Поставлена задача - к 2030 г. увеличить число туристов до невероятных 100 млн человек в год, а долю доходов от туризма к тому же сроку - с 3% до 10% ВВП. Численность работников туристической отрасли, по планам Комиссии по туризму и национальному наследию (КТНН), должна составить к 2030 г. 1,5 млн, или 10% от общего числа работающих в Королевстве². (Подчеркнем, что все эти планы были намечены до пандемии.)

До недавнего времени понятия «Саудовская Аравия» и «туризм» были настолько же несовместимы, насколько неразделимы были понятия «Саудовская Аравия» и «нефть». Но времена меняются. Еще вчера наглухо закрытая для иностранных туристов страна сегодня претендует на то, чтобы стать одним из цен-

¹ Arab News. 13.05.2017.

² Сообщение Reuters из Эр-Рияда 25.09.2019. Изложение выступления председателя КТНН Ахмеда аль-Хатыба на совещании министров туризма стран-членов G-20 в Японии (прим. авт.).

тров международного туризма. Реализация, возможно, самых амбициозных в мире туристических проектов уже началась на северо-западе Королевства - это *Red Sea Project* («Красное море»). Так назван «глобальный туристический проект», который раскинется на 28 тыс. кв. км между гг. Умлудж и Аль-Ваджх и на 22 из 90 прилегающих к нему островов³. Размеры нового курорта не намного меньше площади такого европейского государства, как Бельгия.

В соответствии с проектом, анонсированным в августе 2017 г., близится к завершению создание инновационной туристической инфраструктуры, строительство фешенебельных отелей, вилл, бутиков, ресторанов, аттракционов и других развлекательных объектов. Обустраиваются новые пляжи, строятся причалы для яхт. В отличие от курортов на египетском побережье Красного моря, таких как Хургада, Шарм аш-Шейх и других, рассчитанных на массовый туризм, саудовский планирует специализировать на состоятельных туристах. По предварительным данным, двухнедельный отдых на экзотическом курорте *Red Sea* обойдется примерно в \$6 тыс. на одного человека.

В реализацию первого в Королевстве международного туристического проекта решено инвестировать более \$4 млрд. Надеются, что такой же будет ежегодная прибыль курорта. Благодаря ему в Королевстве планируют создать около 35 тыс. новых рабочих мест⁴. Качество объектов и оказываемых услуг гарантируется участием в проекте крупнейших иностранных фирм гостиничного бизнеса. Финансирование строительства осуществляет возглавляемый наследным принцем Мухаммедом бин Сальманом Публичный инвестиционный фонд (ПИФ) (*Public Investment Fund - PIF*), а также частные компании.

Сердцевиной и центром концепции проекта станет остров Шурайра, отобранный из 90 островов архипелага. На нем планируется построить 11 отелей. Все сооружения будут одноэтажными и должны как бы вписаться в окружающий их ландшафт. Планируют улучшить природные особенности острова, окаймленного «коралловым ожерельем». Эта особенность и дала название проекту - «Коралловый цветок» (*Coral Bloom*).

При проектировании учтены и специфические требования, возникшие в связи с пандемией коронавируса, - просторные и изолированные пространства. Кстати, и этот фактор также имеет значение для перспектив развития туристической отрасли: саудовским властям удалось сохранить в стране относительно низкий уровень заболеваемости *COVID-19*/

Для полноты картины следует добавить, что всю электроэнергию намечено получать только из возобновляемых источников. Бесперебойную работу электрооборудования в течение 24 часов в сутки должно обеспечить, как сообщил телеканал «Аль-Арабия», крупнейшее в мире хранилище электроэнергии, которое также предстоит построить в рамках проекта. Пресная вода будет очищаться и использоваться многократно, а для сохранения зеленого покрова острова в питомнике, созданном на участке в 100 га, уже сейчас выращивается 15 млн саженцев⁵.

Руководители возглавляемой наследным принцем Мухаммедом бин Сальманом компании *The Red Sea Development*, которая отвечает за проектирование и реализацию проекта, поставили перед собой задачу сделать так, чтобы курорт стал «инновационным люксовым и круглогодичным туристическим направлением»⁶.

При всей его экстравагантности *Red Sea Project* - важная составная часть социально-экономических преобразований, проводимых в рамках «Видения 2030». В ходе реформ, в т.ч. ради развития иностранного туризма, отменяются многие запреты. Например, запрет на выдачу туристических виз: въезд на новый курорт, скорее всего, будет безвизовым или визы будут выдаваться по упрощенной схеме. В отличие от остальной территории Королевства, женщины-иностранки смогут приезжать на курорт без сопровождения близких родственников мужского пола. Рассматривается вопрос о разрешении употребления алкоголя на курорте. Ему будет предоставлен статус «полуавтономной» туристической зоны. В некотором смысле речь идет о создании «королевства в королевстве». Весь вопрос, окупятся ли колоссальные инвестиции?

Несмотря на сложность, уникальность и инновационность проекта, несмотря на пандемию коронавируса, реализация проекта успешно продвигается. Сумма подписанных контрактов уже достигла расчетных \$4 млрд. Первых посетителей *Red Sea* намеревается принять уже в конце 2022 г. после открытия международного аэропорта и сдачи в эксплуатацию первых 4 отелей.

Этот новый для Саудовской Аравии вид туризма - т.н. «светский» въездной туризм - развивается параллельно с традиционным для этой страны религиозным туризмом - хаджем (большим и малым), или паломничеством мусульман со всего мира к святыням ислама в Мекке и Медине. До начала добычи нефти хадж был основным источником дохода «пустынного королевства», как его привыкли называть в западных СМИ. И сейчас бурное развитие приема паломников сдерживается лишь ограниченными возможностями инфраструктуры. Рост числа «гостей Аллаха» иногда задерживается, но не останавливается. Если в

³ Red See resort an essential element of Saudi Vision 2030. *Arab News*, 03.08.2017.

⁴ Ibidem.

⁵ TV Channel "Al-Arabiya", 12.02.2021.

⁶ Ibidem.

2017 г. их численность составляла около 8 млн в год, то затем она увеличилась до 15 млн и, как планируют авторы «Видения», к 2030 г. может достичь 30 млн человек [1].

Несмотря на то, что эти цифры кажутся завышенными, они могут стать реальными, ибо уже сегодня число желающих совершить хадж в разы больше тех, кто имеет такую возможность. Правительство вынуждено сдерживать поток «гостей Аллаха» квотами, введенными для каждой страны. Для России она составляет 20 тыс. 500 паломников в год, хотя каждый раз желающих совершить хадж значительно больше [2].

«Красному морю» неизбежно придется вступить в непростую конкуренцию с уже хорошо известными и популярными курортами в соседних странах. Это дало основание некоторым обозревателям выразить сомнения в успешности проекта. Безусловно, законы конкуренции невозможно отменить, и ради того, чтобы добиться успеха, компании *The Red Sea Development* предстоит приложить немало усилий.

Red Sea Project - первый, но уже не единственный туристический проект в Саудовской Аравии. В конце февраля 2021 г. принц Мухаммед бин Сальман объявил о решении создать еще один курорт на побережье Красного моря, но уже в горных районах Асира - далеко к югу от курорта *Red Sea*. Для реализации этого проекта Публичным инвестиционным фондом создана новая компания - *Soudah Development Company* с капиталом в \$3 млрд. Наряду с туристической инфраструктурой ей предстоит с нуля построить 2700 гостиничных номеров, 1300 жилых домов для персонала и несколько десятков развлекательных и коммерческих объектов в горах⁷.

В отличие от *Red Sea* с пляжным отдыхом, ориентированным в основном на иностранцев, горный курорт в Асире намечен для саудовской элиты и богатых людей из соседних стран. Горный климат этих мест привлекателен прохладой особенно в летний сезон, когда жители полуострова ищут спасения от жары.

Открытие Саудовской Аравии для внешнего мира с интересом воспринято в туристическом сообществе за рубежом. Так, по утверждению саудовских СМИ, уже сегодня в нескольких туристических агентствах «туманного Альбиона» покупают турпакеты в новый экзотический уголок.

Однако туризм - не единственное направление развития северо-запада Саудовской Аравии. Другое направление, связанное с географическим положением Королевства на стыке Азии и Африки - более эффективное использование его большого транзитного потенциала, например, путем установления сухопутной транспортной связи между саудовским и египетским побережьями Красного моря. В результате, возник проект строительства автомобильного и железнодорожного моста над Тиранским проливом, который свяжет две крупнейшие страны арабского мира в северной части Красного моря, соединив мыс Рас-Хумайд на побережье Саудовской Аравии через остров Тиран с хорошо известным многим россиянам курортным городом Шарм аш-Шейх на юге Синайского полуострова.

Соглашение о строительстве 10-километрового объекта было подписано в апреле 2016 г. в ходе визита короля Сальмана в Египет. После завершения строительства по мосту высотой около 80 м преодолеть расстояние между двумя странами на автомобиле можно будет за 20 минут! Мост станет крупной транспортной артерией, которая будет способствовать экономическому развитию северо-запада Саудовской Аравии, Синайского полуострова, всего Египта и, конечно, развитию туризма на обоих берегах. Не менее важно, что благодаря мосту через Красное море появится возможность соединить железнодорожные сети, создаваемые сегодня на Аравийском полуострове, с египетскими и африканскими железными дорогами.

Но пандемия *COVID-19* вносит свои коррективы в сроки возведения этого объекта.

«УМНЫЕ ГОРОДА БУДУЩЕГО»

Амбициозные планы развития западных районов Королевства не ограничиваются созданием курортов и расширением транспортной инфраструктуры. Если в нефтяную эпоху с 1930-х гг. по середину 2010-х гг. основной акцент в хозяйственном развитии страны делался на восточные районы, прилегающие к Персидскому заливу, где находятся месторождения нефти, то сегодня становится ясно, что в начавшейся «постнефтяной эпохе» главное внимание уделяется «раскупориванию» потенциала западных территорий на побережье Красного моря.

При этом задача ставится так: не просто освоить пустующие территории, а создать города нового типа, с учетом новейших тенденций в мировом градостроительстве, а также высших достижений мировой науки и техники. Причем амбициозность отдельных проектов вполне соответствует амбициозности самой стратегии «Видение 2030».

Осуществление именно такого сверхамбициозного мега-проекта по созданию гигантского «умного города будущего» - *NEOM*, управляемого искусственным интеллектом, с широким применением роботов, беспилотных транспортных средств и других новейших технологий начато на северо-западе Королевства.

⁷ Saudi Arabia announces launch of Soudah Development Company. *Arab News*, 24.02.2021.

Необычное название города состоит из греческой частицы «нео» - «новый» с добавлением первой буквы арабского слова «мустакбаль» - «будущее».

Презентация проекта состоялась в октябре 2017 г. на международном форуме «Инвестиционная инициатива будущего» в Эр-Рияде. Представляя проект, наследный принц Мухаммед бин Сальман подчеркнул, что город *NEOM* будет работать якобы независимо от «существующей государственной системы», с собственным налоговым и трудовым законодательством и автономной судебной системой.

Привлечение высоких технологий - первейшая задача страны, и правительство Саудовской Аравии поставило ее реализацию во главу угла своей практической деятельности.

Мега-проект *NEOM* предусматривает строительство самого крупного в Королевстве (а возможно, и в мире) инновационного города, который протянется почти на 500 км вдоль северного побережья Красного моря. По предварительным оценкам, инвестиции в проект составят около \$500 млрд. Участвовать в нем приглашены крупнейшие высокотехнологичные компании из США, Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона. Многие из них дали согласие и начали работу. Между Публичным инвестиционным фондом (ПИФ) КСА и Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) также достигнута договоренность об участии в проекте и российских высокотехнологичных компаний [3].

И здесь уместен вопрос: достигнут ли за эти годы прогресс в осуществлении новой стратегии? Ведь в апреле 2021 г. исполнилось 5 лет со дня обнародования «Видение 2030», т.е. пройдена треть пути.

С учетом масштабов и радикального характера проводимых реформ, 5 лет - недостаточный срок для подведения итогов. Однако и проект курорта «Красное море», который продвигается, и проекты «умных городов будущего», где также начата работа, и ряд проектов создания электростанций с использованием возобновляемых источников энергии - это, хотя и промежуточные, но конкретные и вполне реальные первые шаги.

Например, строительство первой в Саудовской Аравии и крупнейшей на Ближнем Востоке фермы ветряных турбин общей мощностью 400 МВт в местечке Думат аль-Джандал на крайнем севере страны ведется консорциумом под руководством французского гиганта *EDF Renewables*. В апреле 2021 г. состоялась сдача в эксплуатацию первой очереди объекта, способной производить 200 МВт электроэнергии. В то же время поблизости от Джидды ведется строительство солнечной электростанции мощностью 300 МВт с участием *EDF Renewables* и еще одного лидера в этой области - эмиратской компании *Masdar*.

Сдача проекта намечена на 2022 г. К 2030 г. уже половина всей производимой в стране электроэнергии будет получена, как надеются саудовские энергетики, от возобновляемых источников, прежде всего солнца и ветра.

Если коротко, то итог 5 лет реформ - это контуры «постнефтяной эпохи» на западе Королевства.

Скорее всего, именно вышеупомянутая ферма ветряных генераторов в Думат аль-Джандал и солнечная электростанция в пригороде Джидды могут стать поставщиками электроэнергии для еще одного «умного города будущего» - *TheLine* («Линия»), который планируется построить частично в пределах города *NEOM*.

Он будет состоять из цепи тесно связанных между собой городских поселений, тянущихся вдоль линии от побережья Красного моря, идущей на северо-восток к гористым районам. Коммуникации будут находиться в подземном туннеле, на который будут «нанизаны» все поселения. Авторы проекта образно называют его «позвоночник». Административный центр города будет находиться в существующем городе Табук.

ОТВЕТ НА ВСЕЛЕНСКИЕ ВЫЗОВЫ

Революционность проекта состоит в том, что он должен создать совершенно новую, гораздо более здоровую и комфортную среду обитания человека, дав ответ на некоторые важнейшие вызовы, встающие перед человечеством, в частности, на перенаселение и загрязненность атмосферы городов.

Для обеспечения жизнедеятельности новых поселений будут использоваться только возобновляемые источники энергии. Предполагается, что в городе, рассчитанном на 1 млн жителей, не будет ни одного автомобиля или иного устройства, приводимого в действие двигателем внутреннего сгорания. Внутри города не будет и крупных автомобильных дорог. Он спланирован таким образом, что от жилых домов до любого объекта городской инфраструктуры - магазинов, поликлиник, офисов компаний, спортивных и развлекательных объектов, можно будет добраться пешком за несколько минут. С автомагистралью, проходящей в стороне от городских кварталов, их будут соединять подъездные пути.

Строительство намечено вести с максимальным вниманием к сохранению природы и окружающей среды. Планируется, что расстояние от одного конца «Линии» до другого - 170 километров - на скоростном электропоезде или каком-то новом виде общественного транспорта можно будет преодолеть за 20 минут. Не исключено, что будет реализован проект создания высокоскоростного поезда *Hyperloop*, перемещающегося в вакуумной трубе. Акционер этого проекта - и Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ).

Важнейшая особенность, придающая инновационному проекту футуристический характер, состоит в том, что управление городом будет осуществляться с помощью искусственного интеллекта и новейших цифровых технологий. Именно поэтому в СМИ ему и дано название «умный город». Проект *The Line* должен стать прямым ответом на вселенские вызовы⁸.

Что касается финансовой стороны вопроса, в ближайшее десятилетие \$3 из \$6 трлн инвестиций в саудовскую экономику должны быть направлены на реализацию новых экономических проектов. 85% инвестиций ожидают из местных источников - от ПИФ и саудовского частного сектора, а остальные 15% - от зарубежных инвесторов⁹.

Говоря об итогах первых 5 лет реформ, надо отметить, что в психологическом плане важно то, что слова «постнефтяная эпоха» перестали быть для жителей страны абстрактным понятием.

«Проект компетентных мечтателей, направленный на повышение качества жизни людей», *The Line* переносит нас в будущее без вредных выбросов! Будущее наступает сегодня!» - под такими заголовками сообщения о проекте публиковались в саудовских газетах. В интервью журналистам саудовцы выражают надежду на то, что *The Line* резко повысит качество жизни и поставит Саудовскую Аравию в один ряд с развитыми странами мира. Задача «только» в том, чтобы «проект мечтателей» превратить в реальность.

По мнению министра торговли Маджида аль-Касаби, оба проекта - *The Line* и *NEOM*- могут стать уникальными лабораториями для налаживания международного сотрудничества в создании модели города будущего для Саудовской Аравии и для всего мира¹⁰. Авторы проекта считают, что будущий город - это прямой ответ на основные вызовы, встающие перед человечеством, - такие, как загрязнение окружающей среды, все более интенсивное автомобильное движение и перенаселенность городов.

БУДУЩЕЕ КОРОЛЕВСТВА СВЯЗАНО НЕ С НЕФТЬЮ, А С ПЕРЕДОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ

На первый взгляд, может показаться нелогичным, что Королевство с гигантскими запасами нефти намерено отказаться от ее использования внутри страны. Дело в том, что использование тяжелой нефти с многочисленными примесями в качестве топлива на электростанциях и заводах по опреснению морской воды, работающих с ними в едином цикле, наносит серьезный ущерб окружающей среде. На Аравийском полуострове, где отсутствуют леса, поглощающие углекислый газ, загрязнение окружающей среды еще более чувствительно, чем в других частях планеты с обильной растительностью и лесами.

Тонны сажи и иных вредных продуктов горения ежегодно извергают в атмосферу трубы лишь одного не самого крупного опреснительного завода в Джидде. Построенный много лет назад на окраине, завод в результате разрастания города сегодня оказался в самом его центре. Поэтому выбрасываемая заводскими трубами сажа ежедневно оседает на улицы, крыши домов, машин и головы жителей. Вредными продуктами очистки вновь загрязняется вода в местах ее забора и на побережье вблизи заводов. А таких заводов сегодня в Королевстве насчитывается уже более трех десятков.

В 2015 г. общая производительность 30 опреснительных заводов в Саудовской Аравии достигла 5 млн куб. м чистой воды в день. Это делает Королевство мировым рекордсменом по объемам производства опресненной воды. Сегодня 60% всей потребляемой населением питьевой воды составляет вода, производимая опреснительными заводами¹¹. Причем в связи с быстрым ростом численности населения потребление воды и электроэнергии также стремительно увеличивается. Постоянно происходит и загрязнение окружающей среды. Разорвать этот порочный круг можно лишь путем отказа от нефти в качестве топлива и перехода на возобновляемые источники энергии.

Но не только и даже не столько соображения защиты окружающей среды побуждают саудовские власти делать ставку на новейшие технологии. Они считают, убедившись на собственном опыте, что благополучие и все дальнейшее развитие страны в XXI в. должно основываться не на доходах от экспорта нефти, а на экономике знаний и новейших технологиях.

Вместе с тем, нельзя сказать, что в уходящую нефтяную эпоху предшественники короля Сальмана полностью игнорировали северо-запад страны. Так, 3 из шести «Новых экономических городов» (НЭГ), спроектированных в начале 2000-х гг., находятся на побережье Красного моря.

Самый крупный НЭГ - Экономический город короля Абдаллы (*King Abdullah Economic City- KAEC*), который занял площадь почти в 170 кв. км и возводится с декабря 2005 г. поблизости от города Рабиг, может создать около 1 млн новых рабочих мест [4, с. 75-76].

⁸ Saudi Arabia's revolutionary zero carbon city 'The Line' hailed as dawn of tech-based future. *Arab News*, 12.01.2021.

⁹ Crown prince: \$6 trillion of investment opportunities available in Saudi Arabia over next decade. *Arab News*, 14.01.2021.

¹⁰ Saudi Arabia's revolutionary zero carbon city...

¹¹ Kingdom wins laurels in water desalination, SWCC information, *Arab News*, 28.10.2015; Saline Water Conversion Corporation receives its Guinness Book of Records certificate, *Arab News*, 09.02.2018.

Второй крупный проект - Экономический город Джазан (*Jazan Economic City - JEC*) находится на самом юге Красноморского побережья, недалеко от границы с Йеменом. Он занимает более 100 кв. км и уже превратился в индустриальный центр, включающий в себя металлургический завод, алюминиевый комбинат, нефтеперерабатывающий и нефтехимический заводы, автосборочное производство, современный морской порт, а также социальные объекты.

Третий проект уходящей «нефтяной эпохи» на Западе страны - новый экономический город Табук (*Tabuk Economic City - TEC*), самый северный город на побережье. Табук, находящийся на пересечении транспортных путей, - одно из наиболее привлекательных направлений для инвестиций в таких отраслях, как транспорт и логистика.

Новые экономические города сознательно создавались в малонаселенных, отдаленных и отсталых районах с тем, чтобы превратить их в центры притяжения инвестиций, рабочей силы и образования, чтобы дать толчок развитию и подтянуть, насколько возможно, эти районы к общему уровню экономического развития страны. Как и сегодня, при проектировании НЭГ важная роль отводилась иностранным высокотехнологичным компаниям, что делает эти проекты, по сути дела, преработкой нынешних городов *NEOM* и *TheLine*, которые, можно сказать, «выросли» из вчерашних *KAEC*, *JEC* и *TEC*.

Почти прямым аналогом проекта *TheLine* можно считать самый крупный проект нефтяной эпохи, получивший название Фейсалия. Он предусматривал увеличение размеров Мекки, находящейся в горах и перенаселенной, на 150 км в сторону Красного моря путем застройки пустынного пространства между священным городом и побережьем. Проект был разработан еще в начале 2000-х гг., но затем долго уточнялся, пересматривался и лишь в августе 2017 г. было объявлено о его готовности к началу реализации. Как и сегодняшние проекты *NEOM* и *TheLine*, «проект Фейсалия» преследовал две цели: во-первых, расселить переполненный людьми город и, во-вторых, освоить в хозяйственном отношении и заселить пустующее пространство на западе страны. Но срок его реализации затягивается.

СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ - «РЕЗУЛЬТАТ ИСТОЩЕНИЯ РЕСУРСОВ»?

В комментариях зарубежных СМИ на проводимые в Саудовской Аравии реформы некоторые авторы высказывают мнение о том, что ставка властей Королевства на диверсификацию экономики и их стремление отказаться от использования нефти внутри страны продиктованы «банальным истощением» саудовских запасов углеводородов.

Эти утверждения регулярно опровергаются руководством Королевства. Однако, со временем продолжающийся спор все больше теряет практический смысл. Диверсифицируя экономику и создавая независимые от нефти источники поступлений в бюджет, Королевство начинает все меньше зависеть от нефтяного экспорта. Поэтому разговоры о том, каковы запасы нефти в КСА, постепенно отходят на второй план. И все более интересными становятся вопросы, насколько конкурентоспособными будут саудовские курорты и насколько жизнеспособными и привлекательными будут «умные» города на Западе страны.

Тем временем, начатый после провозглашения нового стратегического курса процесс диверсификации экономики набирает обороты. Уже в 2020 г. тренд на превышение ненефтяных доходов государства над нефтяными закрепился. А в III квартале 2020 г., по данным министерства финансов КСА, превышение ненефтяных доходов над нефтяными составило более 30 млрд риалов [5].

В случае если, несмотря на все трудности и риски, связанные с пандемией коронавируса, нестабильностью на мировых энергетических рынках, взрывоопасным положением на Ближнем Востоке, в целом, и в зоне Персидского залива и Красного моря, в частности, «компетентным мечтателям» все же удалось бы осуществить эти впечатляющие проекты, Саудовская Аравия получила бы шанс стать при участии зарубежных высокотехнологичных компаний пионером в области строительства экологически чистых «умных городов будущего».

САУДОВЦЫ - САМЫЕ СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ СРЕДИ АРАБОВ?

Прогрессирующее строительство курортов и «умных городов будущего», так же, как и электростанций, работающих на энергии солнца и ветра, - это ощутимые, видимые результаты реформ.

А произошли ли сдвиги в общественном сознании, согласны ли подданные с крутыми изменениями привычного уклада их прежней комфортной жизни? Как они относятся к ранее запретным и неприемлемым для них вещам - таким, как свободные от мужской опеки, сами выбирающие себе профессию и судьбу, управляющие собственными автомобилями саудовские женщины; возобновившие работу кинотеатры и театры, концерты классической и джазовой музыки; развлекательные центры в Эр-Рияде и строящееся здание оперы мирового класса в Джидде; невиданный в прошлом и взимаемый сегодня налог на добавленную стоимость?

Все эти перемены произошли в последние несколько лет в ходе реализации «Видения 2030». По логике вещей, первые годы реформ должны быть самыми трудными. Причем к вполне закономерным в начале преобразований трудностям прибавились чрезвычайные в виде пандемии *COVID-19*, что еще больше усложнило задачу реформаторов. Иными словами, как воспринимают саудовские подданные радикальные реформы и как они относятся к тем, кто их проводит?

Ответ на эти вопросы, хотя и косвенный, но, тем не менее, вполне определенный, дают результаты исследования, проведенного, Институтом глобальной инновации здоровья ООН (*Institute of Global Health Innovation*) в 96 странах мира, в т.ч. в КСА. Судя по результатам исследования, сформулированным в ежегодном «Всемирном докладе о счастье» (*World Happiness Report 2021*), составленном с участием независимых экспертов на основании опросов населения, в которых оценивалось качество жизни, саудовские подданные якобы могут считаться самыми счастливыми людьми в Арабском мире. Саудовская Аравия заняла 1-е место среди арабских стран и 21-е - во всемирном «рейтинге счастья». За ней следует такая благополучная страна, как Объединенные Арабские Эмираты, занявшая 27-е место, Бахрейн - 35-е, Марокко - 80-е, Тунис - 82-е и Египет - 87-е место. [6].

При всей субъективности ответов на заданные вопросы, включавшие и отношение людей к действиям правительства по борьбе с пандемией, ясно, что в своей массе жители Королевства, переживающего переломный момент в своей истории, чувствуют себя достаточно комфортно. В исследовании ООН отмечается, что «одним из самых сильных шагов властей» в ходе проведения реформ было «вселить реальное чувство оптимизма в молодое поколение» [6].

Мнение экспертов ООН о ходе реформ в Саудовской Аравии подтвердила и миссия Международного валютного фонда, посетившая Королевство в апреле 2021 г. Именно благодаря проводимым властями экономическим реформам и общей модернизации страны, считают эксперты МВФ, удалось свести к минимум негативное влияние пандемии *COVID-19* на экономику и ограничить масштабы распространения болезни в Королевстве. Реакция властей на пандемию, убеждены авторы отчета, была «быстрой и решительной», а система здравоохранения оказалась «достаточно жизнеспособной, надежной» и успешно противостояла распространению вируса. Этому способствовала и своевременно начатая вакцинация населения [7].

В отчете дана позитивная оценка проводимого властями курса на диверсификацию экономики и концентрацию усилий на развитии индустрии туризма и развлечений. Эксперты МВФ высказались в поддержку действий правительства по созданию условий для увеличения роли частного сектора в развитии экономики. «Все экономические показатели свидетельствуют о том, - считают эксперты МВФ, - что страна движется в правильном направлении». После драматичного падения на 4,1% в разгар пандемии *COVID-19* в 2020 г., указывается в отчете, реальный ВВП в 2021-м будет расти, как ожидается, на 2,1%. Ненефтяной сектор, просевший в первой половине 2020 г., уже во второй половине года вырос, а в текущем году, по расчетам экспертов МВФ, вырастет на 3,9% [7].

Ожидается, что в 2022 г. ВВП будет расти. В пользу реформ свидетельствуют и показатели инфляции, которая, по прогнозам, составит комфортные 2,8% в нынешнем году, и безработицы, которая среди саудовских подданных в конце 2020 г. снизилась до 12,6% (эти данные не учитывают массовый отток рабочих-мигрантов в 2020 г.). МВФ поддержал также курс саудовского руководства в деле стабилизации мирового рынка нефти, отметив, что он благоприятно отразился и на состоянии самого саудовского ТЭК [7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, первая треть пути пройдена. И все же было бы заблуждением полагать, что реформы стали необратимы и что риски реставрации прежних порядков перестали существовать. Просто потому, что так не бывает нигде в мире, где проводятся реформы. Возможно, «дать бой» реформаторам попытаются их противники - консервативное духовенство, члены клана Аль Саудов, лишившиеся в ходе преобразований привычных льгот и привилегий, конкуренты и просто недоброжелатели наследного принца, бывшие высокопоставленные чиновники и олигархи, которые были вынуждены несколько лет назад в ходе спецоперации «шоковой терапии» в столичном отеле «Ритц-Карлтон» вернуть в государственную казну десятки и, возможно, сотни миллиардов долларов, акций компаний, и многие гектары земли, по словам властей, ранее похищенные путем различных коррупционных схем.

Отсутствие до сих пор открытых оппозиционных выступлений не значит, что в глубине общества их нет. До 2030 г. остается пройти еще две трети пути. Реформаторам рано почивать на лаврах. Успех реформ и превращение Саудовской Аравии в современное государство с устойчивой полноценной экономикой, сбалансированной и позитивной внешней политикой отвечает интересам не только самого Королевства.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Стратегия Королевства Саудовская Аравия» (пер. с араб. на рус. язык; предоставлен автору Посольством КСА в РФ).
2. Нуриманов И.А. Паломничество мусульман России в святые места Аравии (2014-2018 гг.): анализ и перспективы развития. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 7. DOI: 10.31857/S032150750005570-9
3. Дударев К.П. «Умный город» возведут на Красном море. *Независимая газета*. 29.02.2021.
4. Dudarev K.P. "Smart city" will be built on the Red Sea. *Nezavisimaya gazeta*. Moscow. 29.02.2021. (In Russ.)
4. Дударев К.П. «Саудовская Аравия. XXI век на родине ислама: от «всемирной бензоколонки» к «лаборатории инноваций и совершенства». М., ИД «Недра», 2017 с. 75-76.
5. Alshammari H. Saudi Arabia continues progress toward diversified economy. *Arab News*. 30.10.2020.
6. What Saudi Arabia's impressive rank in World Happiness Report 2021 signifies. *Arab News*. 05.05.2021.
7. Kane F. Positive IMF assessment seen as vote of confidence in Saudi reform strategy. *Arab News*. 09.05.2021.
8. Дударев К.П. Ветры перемен над Саудовской Аравией. *Азия и Африка сегодня*. 2017, № 11.

REFERENCES

1. "Strategy of the Kingdom of Saudi Arabia" (In Russ.) (translation from Arabic into Russian was provided to the author by the KSA Embassy in the Russian Federation).
2. Nurimanov I.A. 2019. Pilgrimage of Russian Muslims to the sacred sites of Arabia (2014-2018): analysis and development prospects. *Aziya i Afrika segodnya*. № 7 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750005570-9
3. Dudarev K.P. "Smart city" will be built on the Red Sea. *Nezavisimaya gazeta*. Moscow. 29.02.2021. (In Russ.)
4. Dudarev K.P. 2017. Saudi Arabia. XXI century in the homeland of Islam: from the "global gas station" to the "laboratory of innovation and excellence. Moscow. Pp. 75-76.
5. Alshammari H. Saudi Arabia continues progress toward diversified economy. *Arab News*. 30.10.2020.
6. What Saudi Arabia's impressive rank in World Happiness Report 2021 signifies. *Arab News*. 05.05.2021.
7. Kane F. Positive IMF assessment seen as vote of confidence in Saudi reform strategy. *Arab News*. 09.05.2021.
8. Dudarev K.P. 2017. Winds of change over Saudi Arabia. *Aziya i Afrika segodnya*. № 11. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дударев Константин Петрович, востоковед-арабист,
журналист-международник, Москва, Россия.

Konstantin P. Dudarev, Orientalist-Arabist, International journal-
nalist, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
05.05.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
10.06.2021

Принята к публикации (Accepted)
15.07.2021

«Дипломатия добрососедства» Китая в странах Южной Азии (на примере Пакистана, Индии, Непала и Бутана)

© Ширгазина Э.Р.^а, 2021

^а Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-7715-2991
elvenelanor@mail.ru

Резюме. Концепция «мягкой силы» в полной мере соответствует традиционной стратегии Китая в отношении внешнего мира. Она получила всеобъемлющее воплощение в политическом курсе страны. Официальная линия на развитие дружественных и добрососедских отношений во внешней политике КНР явно обозначилась в эпоху правления Дэн Сяопина и последовательно развивается с тех пор, получая новые импульсы для этого. Мирная и стабильная окружающая среда видится одним из ключевых условий для развития страны. Принимая во внимание ставшую уже традиционной конкуренцию Китая с Индией, особенный интерес представляют успехи Пекина в поддержании двусторонних отношений со странами Южной Азии. В статье исследуются механизмы «мягкой силы», используемые КНР в отношении соседних государств Южной Азии (Пакистана, Индии, Непала и Бутана) в рамках декларируемой Пекином «дипломатии добрососедства». Автор анализирует ее реализацию на примере четырех сфер взаимодействия: инфраструктурного строительства, торговли и инвестиций, политических контактов, оказания гуманитарной помощи и распространения культурного влияния. В каждом случае последовательно рассматривается китайская политика в отношении выше названных стран, исследуются наиболее значимые инициативы и определяются факторы, мешающие и помогающие реализации этих инициатив. Автор приходит к выводу, что сама идея «дипломатии добрососедства» укоренена в китайской внешнеполитической традиции, но ее реализация сталкивается с рядом как внутренних, так и внешних факторов.

Ключевые слова: Китай, «дипломатия добрососедства», Южная Азия, Индия, Пакистан, Бутан, Непал

Для цитирования: Ширгазина Э.Р. «Дипломатия добрососедства» Китая в странах Южной Азии (на примере Пакистана, Индии, Непала и Бутана). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 32-39. DOI: 10.31857/S032150750014026-0

China's Good Neighborhood Diplomacy in South Asia (the cases of Pakistan, India, Nepal and Bhutan)

© Elsa R. Shirgazina^a, 2021

^а Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7715-2991
elvenelanor@mail.ru

Abstract. In the contemporary world using of rigid methods of external policy increasingly loses its effectiveness. The popular concept of "soft power" is fully consistent with China's traditional strategy towards the outside world and it has received here a comprehensive and specific implementation in the country's political course. Meanwhile, the official line on the development of friendly and good-neighborly relations in the foreign policy of the People's Republic of China was clearly outlined during the era of Deng Xiaoping's rule and has been consistently developing since then, receiving new impulses for this. A peaceful and stable environment is seen as one of the key conditions for the country's development. Taking into account the traditional competition between China and India, Beijing's success in maintaining bilateral relations with the countries of South Asia is of particular interest. The article examines the mechanisms of «soft power» used by the PRC in relation to the neighboring states of South Asia (Pakistan, India, Nepal and Bhutan) within the framework of Beijing's declared «good neighborhood diplomacy». The author analyzes its implementation by the cases of four areas of interaction: infrastructure construction, trade and investment, political contacts, humanitarian assistance and the spread of cultural influence. In each case, the Chinese policy towards Pakistan, Nepal, Bhutan and India is sequentially examined, the most significant initiatives are explored, and the factors that hinder and help in the implementation of these initiatives are identified. The author comes to the conclusion that the very idea of «good neighborhood diplomacy» is rooted in the Chinese foreign policy tradition, but its implementation faces a number of both internal and external factors.

Keywords: China, good neighborhood diplomacy, South Asia, India, Pakistan, Bhutan, Nepal

For citation: Elsa R. Shirgazina. China's Good Neighborhood Diplomacy in South Asia (the cases of Pakistan, India, Nepal and Bhutan). *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 8. Pp. 32-39. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014026-0

Близкий сосед лучше дальней родни.

Китайская пословица

ВВЕДЕНИЕ

Задача этой работы - исследование роли «добрососедской дипломатии» во внешнеполитической стратегии Китая и специфики ее применения в ряде стран Южной Азии. Ее эффективность варьируется от государства к государству. Для того, чтобы оценить ее в полной мере, в статье анализируются различные аспекты двустороннего сотрудничества, в частности, развитие транспортной инфраструктуры, торгово-экономических связей, политических контактов и гуманитарной составляющей взаимодействия Китайской Народной Республики с Пакистаном, Непалом, Бутаном и Индией.

Из наиболее ценных работ, использованных в данной статье, хотелось бы выделить изданный в Нидерландах сборник исследований антропологов, географов и историков различных стран «Искусство соседствования: налаживание отношений через границы Китая» («*The Art of Neighbouring: Making Relations Across China's Borders*») [1], а также работу бывшего сотрудника Госдепартамента США, специализирующегося по изучению проблем международных отношений, Марки Д.С «Западный горизонт Китая: Пекин и новая геополитика Евразии» («*China's Western Horizon: Beijing and the new geopolitics of Eurasia*») [2].

Основной акцент, однако, автор делает на анализе выступлений официальных лиц и лидеров государств, публикаций в СМИ и статей экспертов, вместе формирующих внешнеполитический дискурс в этих 5 странах Индокитая, что позволяет дать актуальный обзор китайских практик применения «дипломатии добрососедства».

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОКОВ

На всем протяжении долгой и сложной истории Китая его границы многократно изменялись: каждая династия стремилась к приращению территорий или возвращению утраченных земель. Это вынуждало центральные и местные китайские власти выстраивать систему взаимоотношений с приграничными племенами и народностями, причем базовым был даннический принцип, в соответствии с которым окрестные племена и государства платили дань китайскому императору [3].

Политические элиты современного Китая частично унаследовали традиционный взгляд на мир, присущий китайской цивилизации. С другой стороны, руководствуясь практическими соображениями, они творчески приспособили его к нынешнему уровню политического, экономического и культурного развития. Выстраивание добрососедских отношений с другими государствами считается одним из приоритетов внешней политики, а развитие периферийной дипломатии рассматривается как важный фактор достижения поставленной руководством КНР цели - «великого возрождения китайской нации» [4].

Еще Чжоу Эньлай в речи на Бандунгской конференции 1955 г. подчеркнул необходимость всестороннего стремления к сотрудничеству и готовность Пекина установить добрососедские отношения со всеми государствами на основе «5 принципов мирного сосуществования» и нормализации отношений с конфликтным потенциалом [5].

В 1964 г. Чжоу Эньлай очертил и «8 принципов, на основе которых должна оказываться экономическая помощь и техническое содействие другим странам» [6]. Ключевыми из них стали принципы равенства и взаимной выгоды, уважения суверенитета стран-получателей и общей ориентации на постепенное обеспечение самостоятельности и налаживания независимого экономического развития.

Опыт реализации этих принципов оказался востребован на новом этапе внешнеполитического развития КНР, который начался в 2007 г. В этот период в китайских политических элитах произошло переосмысление сложившихся в мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) отношений и тенденций мирового развития. Выступая в 2007 г. с докладом на XVII съезде КПК, тогдашний председатель КНР Ху Цзиньтао обозначил необходимость расширения внешних связей, открытия КНР миру, «привлечения к себе» и «собственного выхода за рубеж» [7].

Ключевым моментом в оформлении нового подхода КНР к международным отношениям можно считать Центральное совещание по работе в области внешнеполитической деятельности, проведенное в октябре 2013 г. Его главной темой стал вопрос взаимодействия с сопредельными странами [8]. В качестве 4-х столпов новой политической линии были заявлены «доброжелательность, искренность, взаимная выгодность и инклюзивность (равные условия для совместной деятельности)» (*Qin, chéng, huì, róng*) [4]. Эта формула предусматривает проведение комплексной стратегии, основанной на открытом отношении к соседям, увеличении числа дружественных стран и партнеров. При этом сотрудничество должно носить взаимовыгодный характер, а общие интересы - создавать тесную и активную сеть взаимодействия.

Главной проблемой при реализации поставленной задачи формирования благоприятной атмосферы в Азиатско-Тихоокеанском регионе стало преодоление страха «китайской угрозы». Яркий пример выстраивания отношений в подобных условиях - взаимодействие с Вьетнамом.

Несмотря на тесную историческую сопряженность, связи двух стран со времени обретения независимости испытали серьезную турбулентность: от стремления к расширению международных контактов и проведению независимой внешней политики Ханоем до прямых вооруженных столкновений между сторонами на протяжении второй половины XX в. (1979-1990 гг.). От принудительного исхода этнических китайцев (хоа) из Вьетнама (в 1970-х гг.) до продолжающихся споров из-за островов Спратли и Парасельских в Южно-Китайском море (ЮКМ).

Разумеется, экономический, военный потенциалы Ханоя и Пекина несравнимы, однако южному соседу удастся, не поддаваясь распространению влияния азиатского гегемона, балансировать между конфликтом и всеобъемлющим сотрудничеством. Как представляется, основное препятствие для нормализации двусторонних отношений - именно неурегулированность вопроса о территориях в ЮКМ. Оно дополняется исторически выработанным недоверием к могущественному партнеру.

В рамках общего курса на нормализацию региональных отношений, которая впоследствии должна стать базой для укрепления позиций КНР во всем мире, эта стратегия дает определенные результаты. Как следует из итогов совместного исследования, проведенного Академией исследований современных Китая и мира и консалтинговым агентством *Kantar Group* в 2018 г., восприятие Китая в мире стабильно улучшается, причем преимущественно среди молодежи и в развивающихся странах оно уже достигло 7.1 из 10 возможных пунктов¹.

Наиболее безоблачными выглядят отношения Китая с Пакистаном: оба государства заинтересованы в углублении и развитии подобной «стратегической дружбы», учитывая их сложные отношения с Индией. В Индии еще свежа память о войне 1962 г.², а ее политические элиты рассматривают КНР как конкурента, пытающегося расширить свою сферу влияния и вытеснить Индию из стран Юго-Восточной Азии и Африки, а также подорвать ее влияние в Южной Азии. Непал пытается маневрировать между двумя гигантскими соседями, стремясь сохранить самостоятельность; Бутан является, по сути, страной-клиентом Индии и вынужден всегда учитывать индийские интересы. Ниже будет рассмотрена политика КНР в отношении этих стран по 4 направлениям: инфраструктурные проекты, торговля, политическое и гуманитарное сотрудничество.

ПУТИ ДОБРОСОСЕДСТВА

Из всех вышеперечисленных стран наиболее тесные отношения у КНР сложились с **Пакистаном**. Благодаря привлечению китайских инвестиций развитие пакистанской дорожной сети идет быстрыми темпами: строится магистраль Хакла-Дера Исмаил-Хан, которая была спроектирована как западное ответвление Китайско-пакистанского экономического коридора (далее - КПЭК) [9].

Активно ведутся работы по строительству глубоководного порта Гвадар, начатые по инициативе бывшего президента Пакистана Первеза Мушаррафа³. Долгосрочный (последний этап планируется завершить к 2045 г.) масштабный проект помог привлечь в Пакистан значительные китайские инвестиции. В силу крайней заинтересованности КНР в реализации проекта строительство ведется очень быстро: в 2016 г. Гвадар уже начал частично функционировать [10], управление портом осуществляет Холдинговая компания зарубежных портов Китая (*China Overseas Ports Holding Company*, далее - Холдинговая компания).

Развитие инфраструктуры на границе КНР и Индии носит двойственный характер. С одной стороны, обе стороны с подозрением относятся друг к другу, выстраивая пограничные дорожные сети с расчетом на быструю переброску войск к угрожаемым участкам. С другой, товарооборот между Китаем и Индией в последние годы неуклонно рос. Хотя львиная доля его приходится на морской транспорт, перспектива прокладки сухопутных коридоров, которые бы способствовали развитию приграничных районов, выглядит заманчивой. Но прямого железнодорожного сообщения между странами до сих пор нет [11] как по политическим (нежелание Нью-Дели участвовать в проекте «Пояса и пути», способствуя тем самым усилению влияния Китая), так и по чисто логистическим причинам (разная ширина железнодорожной колеи).

В настоящий момент на Линии фактического контроля⁴ между Индией и Китаем действуют 5 пунктов встреч пограничных служб. Торжественные встречи проводятся в знаменательные для той или другой

¹ China National Image Global Survey, Academy of Contemporary China and World Studies (China). <http://www.accws.org.cn/achievement/201912/P020191203506623981407.pdf> (accessed 04.01.2021)

² Пограничный конфликт между Индией и Китаем, в результате которого Индия потерпела поражение, а Китай занял ряд районов, включая Аксай-Чин (*прим. авт.*).

³ Президент Пакистана в 2001-2008 гг. (*прим. ред.*).

⁴ Линия фактического контроля (*Line of Actual Control - LAC*) - условная линия пограничной демаркации между Индией и Китаем, которая сегодня определяет фактические границы обоих государств (*прим. авт.*).

стороны даты, включают спортивные и иные мероприятия по налаживанию контакта между военнослужащими и сохраняют актуальность на фоне резкого обострения ситуации в восточной части Ладакха. Очевидно, что руководство ни одной из ядерных держав не желает эскалации конфликта, и подобные жесты, символизирующие добрососедские отношения, способствуют разрядке обстановки.

Непал представляет для КНР особый интерес ввиду стратегического географического положения. Из китайских инфраструктурных проектов в Непале наиболее известна автомагистраль «Дружба», которая связывает Лхасу с приграничным городом Чжанму. Установленная Индией в 2015 г. неофициальная пограничная блокада Непала лишь подтолкнула Катманду к дальнейшему сближению с северным соседом: за последнее время дополнительно было введено в эксплуатацию несколько дорог и официальных пунктов пересечения границы.

В 2016 г. была запущена первая комбинированная (железнодорожная и автомагистральная) грузовая линия, связавшая развитый промышленный город Ланьчжоу (провинция Ганьсу на севере КНР) через Шигадзе в Тибете со столицей Непала [12]. В том же году была одобрена идея строительства трансграничной китайско-непальской железной дороги. Через два года было подписано соглашение о трансграничном железнодорожном сотрудничестве с продлением путей Цинхай-Тибетской железной дороги от Лхасы. Помимо этого, китайские компании задействованы в строительстве международных аэропортов в Покхаре и Лумбини и реконструкции международного аэропорта Катманду имени Трибхувана [13].

Иначе обстоят дела с сопряжением дорог между Китаем и **Бутаном**. Территориальные проблемы и фактический статус Бутана как государства-клиента Индии приводят к тому, что Тхимпху по примеру южного соседа настроенно относится к любым китайским инфраструктурным инициативам, игнорируя «Пояс и путь».

ТОРГОВЛЯ - ОСНОВА ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Экономические отношения Пекина и Исламабада устойчиво развиваются на протяжении последних десятилетий. Еще в январе 1963 г. между Китаем и **Пакистаном** и было заключено первое полноценное соглашение о торговле, которое заменило ряд отдельных документов о товарообмене. 12 февраля 1989 г. было подписано соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций, с 2006 г. - о свободной торговле.

Приоритеты двустороннего сотрудничества на современном этапе обозначил в 2013 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян: развитие сети связывающих магистралей, энергетики и производства электроэнергии [14]. Ключевой в этом сотрудничестве - Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), а рамках которого создаются инфраструктуры автомобильных, железнодорожных и воздушных перевозок, а также объектов энергетики. По оценкам пакистанской стороны, только с 2013 г. Китай инвестировал в него около \$60 млрд [15]. Пакистан, в свою очередь, ввел налоговые льготы для китайских компаний (в частности, налоговые каникулы для уже упомянутой Холдинговой компании).

Однако для реализации задуманных проектов требуется увеличение финансирования. Именно нехваткой средств объясняется задержка строительства автомагистралей Хакла - Дера Исмаил Хан, Карачи - Лахор, а также западного маршрута КПЭК [16].

Реализация китайских проектов в Пакистане сталкивается с рядом сложностей. В числе основных - проблемы с обеспечением безопасности персонала и самих объектов, а также слабо развитая транспортная инфраструктура, коррупция и нехватка финансирования для полноценного развития отдельных районов страны.

Сегодня китайско-индийские отношения представляют собой набор противоречий. С одной стороны, страны тесно связаны в экономике и стремятся к созданию полицентричной системы международных отношений, в которой они займут достойные места центров. Однако с другой - государства ограничены сравнительно небольшой территорией, которой вплотную примыкают друг к другу, к тому же остаются самыми населенными странами мира. Это закономерно приводит к конкуренции за ресурсы, пространства и распространение своего влияния.

Неурегулированность пограничного спора и глубоко укоренившееся в сознании индийской правящей элиты недоверие к соседу (в первую очередь в результате разгромного для Индии поражения по итогам войны 1962 г.), в конечном счете, периодически сводят к минимуму попытки КНР наладить добрососедские отношения. А стремление Нью-Дели наладить тесные контакты с другими государствами, в т.ч. и с оппонентами Пекина (к примеру, с США, Японией или Австралией), не вызывает доверия последнего. Сейчас страны рассматривают друг друга как конкурентов, а не хороших соседей, и ни одна из сторон не готова идти на уступки. Не исключено, впрочем, что налаженные механизмы двустороннего сотрудничества, в первую очередь, неформальные встречи премьер-министра Индии с председателем КНР, помогут переломить эту тенденцию, хотя это и займет довольно много времени.

В течение последних лет товарооборот между Китаем и **Индией** постоянно рос: даже в 2020 г. на фоне пограничного конфликта и спада экономики обеих стран в связи с пандемией он составил впечатляющие \$87,6 млрд, причем удалось снизить тревоживший Нью-Дели дефицит торгового баланса с более чем \$50 млрд до пятилетнего минимума в размере \$45,8 млрд [17]. Начавшееся в мае 2020 г. приграничное противостояние⁵ дало Нью-Дели необходимый предлог, чтобы организовать кампанию по снижению зависимости от китайского импорта.

При этом действия Нью-Дели нанесли чувствительный урон двусторонним отношениям. Китайская сторона указала на «избирательный и дискриминационный подход», использованный Министерством электроники и информационных технологий Индии при введении ограничений, и нарушение правил ВТО [18].

Основы нынешнего этапа хозяйственных взаимоотношений Китая с **Непалом** были заложены еще в 1960 г. подписанием соглашения об экономической помощи. Хотя основным внешнеторговым партнером Непала остается Индия, Китай активно выдает Катманду займы по сниженным либо беспроцентным ставкам, осуществляет грантовую поддержку социально значимых сфер и объектов. Одна из наиболее перспективных отраслей - туризм: в этот сектор и связанные с ним сферы идут китайские инвестиции, которые по объемам уже превзошли индийские [19].

Развитие торговых связей с **Бутаном** осложняется отмеченной выше близостью Бутана к Индии. Тем не менее, Китай наращивает поставки на внутренний рынок Тхимпху продуктов питания, товаров бытового назначения и высокотехнологичной продукции. Массовый характер в последние десятилетия приобрел туризм из Китая⁶. Такой всплеск интереса обусловлен религиозными, культурными и историческими связями Бутана и Тибета, который в последние годы стал одним из популярных направлений внутреннего туризма в КНР.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЛЯ

Политические отношения Китая и **Пакистана** уже много десятилетий остаются образцово дружественными и де-факто союзническими. Это вызывает понятное недовольство Индии, при том, что Пекин достаточно осторожно подходит к формулировкам в отношении принадлежности Кашмира, призывая стороны к диалогу на основе резолюций Совета Безопасности ООН. В свою очередь, Пакистан со времени обретения независимости последовательно поддерживает суверенитет КНР над Тайванем, Сицзаном (Тибетом) и Синьцзяном. У Пекина и Исламабада нет взаимных территориальных претензий: кратковременный пограничный спор был улажен в 1963 г. КНР и Пакистан постоянно подтверждают приверженность стратегическому партнерству, проводят совместные военные учения. Пекин остается крупнейшим поставщиком вооружений и технологий Исламабаду [21].

В 2020 г. Китай и **Индия** отметили 70-летие дипломатических отношений. За прошедшие годы они претерпели значительную трансформацию - от «5 принципов мирного существования» к обстановке взаимного недоверия, ставшей итогом войны 1962 г., в результате которой Индия потерпела поражение. К юбилейной дате две страны пришли с грузом неразрешенных вопросов: территориальный спор и нарастающая экономическая и геополитическая конкуренция двух держав нейтрализуют усилия по нормализации атмосферы, предпринимаемые в двустороннем формате, а также в рамках РИК⁷ и БРИКС.

При этом трудный диалог по вопросу о границе приносит свои плоды: соглашения 1993, 1996, 2005 и 2013 гг. по вопросу применяемых процедур урегулирования возникающих споров позволили предотвратить разрастание столкновения на границе 15 июня 2020 года в полноценный конфликт между двумя державами. Свою роль в преодолении взаимного недоверия играют контакты в рамках международных объединений и механизм неформальных встреч лидеров обоих государств (в Ухане в 2018 г. и в Ченнаи в 2019 г.).

Пекин, в свою очередь, предлагает повестку совместной работы на основе следующих 5 пунктов:

1) Китай и Индия должны стать партнерами, а не соперниками; 2) обе стороны заинтересованы в мире, а не конфронтации; 3) сторонам нужно стремиться к взаимовыгодному сотрудничеству, а не воспринимать взаимодействие как игру с нулевой суммой; 4) странам нужно стремиться укреплять взаимное доверие; 5) стороны должны ориентироваться на движение вперед, не фиксировать все внимание на прошлом [22].

⁵ Вооруженное столкновение, разгоревшееся из-за спорного района Аксай Чин, который Индия включает в состав своей союзной территории Ладакх (*прим. авт.*).

⁶ China woos Bhutan, to India's displeasure. <https://www.france24.com/en/20181017-china-woos-bhutan-indias-displeasure> (accessed 06.01.2021)

⁷ Заседания министров иностранных дел в формате РИК (Россия, Индия, Китай). Первое прошло в 2002 г., с 2007 г. эти встречи стали проводиться ежегодно (*прим. ред.*).

Однако, судя по динамике индийско-китайских отношений, обе стороны пришли к выводу, что стратегическое соперничество неизбежно. Не исключено, впрочем, что налаженные механизмы двустороннего сотрудничества, в первую очередь неформальные встречи премьер-министра Индии с председателем КНР, помогут переломить эту тенденцию.

Отношения Китая и **Непала** сейчас носят достаточно дружественный характер: Пекин ценит линию Катманду на поддержку политики «одного Китая», тем более что Непал граничит с Тибетским автономным районом, и его позиция оказывает непосредственное влияние на обстановку в Сичзяне. Во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Непал в октябре 2019 г. было объявлено о переходе двусторонних отношений на уровень стратегического партнерства [23].

До последнего времени КНР избегала вмешиваться во внутренние дела Непала, но конфликт, разгоревшийся внутри Коммунистической партии Непала (КПН) в 2020 г., вынудил Пекин нарушить это правило. Посол КНР в Катманду Хоу Яньци провела ряд закрытых встреч с президентом, премьер-министром страны и лидерами КПН, призывая стороны к диалогу и сохранению единства [24]. Эти действия демонстрируют, как работает механизм «идеологического экспорта» из КНР, способствующий расширению политического взаимодействия.

В отличие от Непала, **Бутан** относится к политическим инициативам КНР с явным недоверием, опираясь на поддержку Индии, и последовательно отвергает предложения китайской стороны об установлении полноценных дипломатических отношений, контакты между Тхимпху и Пекином осуществляются преимущественно через посольства обеих стран в Нью-Дели. Серьезным препятствием для развития отношений остается неурегулированный пограничный вопрос, разрешение которого, по мнению властей Бутана - необходимое условие для установления официальных контактов на высоком уровне.

Переговорный процесс в рамках рабочей группы, продолжавшийся с 1984 по 2016 гг., отличался крайней медлительностью и был заморожен после конфликта в 2017 г. на плато Доклам. В последние годы территориальный спор между Бутаном и Китаем разгорается все сильнее: в 2020 г. во время онлайн-заседания Глобального экологического фонда представитель КНР выступил против выделения гранта на развитие и сохранение биоразнообразия природного заказника Сактен на востоке Бутана, заявив, что заказник находится на спорной территории. Это было расценено рядом экспертов как попытка давления на Индию [25]. Вероятнее всего, однако, таким образом Китай старается побудить руководство Бутана разморозить переговорный процесс и после этого предложить новую пакетную сделку по приграничному урегулированию, призвав третьи стороны не вмешиваться в двусторонний процесс.

КОНТАКТЫ ДОБРОЙ ВОЛИ

Еще одно традиционное средство реализации китайской «мягкой силы» - изучение китайского языка. В **Пакистане** интерес к нему остается стабильно высоким: во многом благодаря КПЭК, в рамках которого специалисты со знанием китайского имеют шанс получить более престижную и высокооплачиваемую работу. В стране действуют 5 Институтов Конфуция при высших учебных заведениях и 2 класса при поддержке Канцелярии Международного Совета китайского языка.

В **Непале** работают 2 Института Конфуция при университетах Катманду и Трибхуван. Помимо этого, в рамках расширения сотрудничества с КНР в школьную программу введено изучение китайского языка, причем в некоторых случаях даже без получения согласия от родителей учеников; преподавателей предоставляет китайская сторона. Наблюдается ограниченный рост изучения китайского языка в **Бутане**: рост числа туристов из Китая (с общим количеством 7353 чел. за 2019 г. Китай вошел в тройку стран, обеспечивающих туристическую отрасль малой страны, после Индии и США⁸) привел к тому, что туристические агентства начали направлять своих гидов для обучения в китайские образовательные учреждения. В **Индии** же на фоне общественных выступлений против действий КНР в Ладакхе и призывов к бойкоту китайской продукции развернута кампания по ревизии деятельности образовательных учреждений, где преподается китайский язык - в частности, 3-х Институтов Конфуция, действующих при индийских университетах.

Начало пандемии *COVID-2019* значительно усложнило ситуацию в регионе и нанесло удар по имиджу Китая, но вместе с тем открыло и новые возможности для реализации «мягкой силы». С одной стороны, сам факт появления пандемии в КНР используется как средство в информационной войне против Пекина. В антикитайски настроенных журналистских и аналитических материалах обычным делом стали спекуляции о том, что КНР скрывает причины возникновения инфекции и масштабы ее распространения. Но в ситуации, когда китайская экономика первой в мире начала оправляться от последствий пандемии, Пекин

⁸ Bhutan Tourism Monitor 2019. Publication of the Tourism Council of Bhutan. https://www.tourism.gov.bt/uploads/attachment_files/tcb_K11a_BTM%202019.pdf (accessed 05.04.2021)

получил шанс продемонстрировать готовность к сотрудничеству и оказать финансовую помощь развивающимся странам, улучшив свое реноме в мире.

Вскоре после начала пандемии Пекин объявил, что готов делиться своим опытом борьбы с болезнью и оказывать посильную помощь всем нуждающимся государствам. Индия, Пакистан, Непал и Бутан приняли участие в видеоконференции, организованной для представителей органов здравоохранения и органов государственной власти стран Евразии и представителей ВОЗ [26], а в Исламабад были направлены группа медицинских экспертов из Китая, в задачу которых входила помощь местным специалистам, и оборудование для профилактики, диагностирования и лечения COVID-2019 [27]. Катманду получил несколько партий медикаментов от Пекина, хотя отверг предложения Китая и Нью-Дели отправить в Непал своих медиков.

При этом Индия во время резкого роста заболеваемости в Китае сама направила 15 т помощи в виде средств индивидуальной защиты, а также оборудование для оказания неотложной медицинской помощи [28]. Кроме того, в странах Азии и, в первую очередь, в странах-участницах СААРК⁹, Индия инициировала проведение онлайн-конференций медицинских специалистов, а также предложила помочь с поставками медикаментов, медицинского оборудования и защитного снаряжения для медперсонала. Нью-Дели стал фактически единственным поставщиком медицинской и гуманитарной помощи Бутану.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно утверждать, что КНР последовательно и комплексно реализует внешнеполитический курс на «добрососедскую дипломатию». Он - органическая часть стратегической культуры Китая, которая уходит корнями вглубь веков. В настоящее время она переосмыслена в соответствии с изменившимся пониманием национальных интересов страны и принципов международных отношений - в частности, принципом взаимности, что зачастую побуждает китайскую сторону отказываться от односторонних попыток наладить взаимодействие и перейти к зеркальной реакции на действия другой стороны.

У китайской «дипломатии добрососедства» в Южной Азии есть ряд внешних ограничителей: боязнь окружающих стран попасть в экономическую, политическую и культурную зависимость от КНР, историческая память о конфликтах с Китаем, конкуренция за сферы влияния, наконец, вмешательство внешних акторов в двусторонние и многосторонние процессы в регионе. Преодолеть эти внешние ограничители КНР при всем желании не в состоянии: они уже укоренились в общественном сознании населения стран-соседей и зачастую отражаются во внешнеполитических стратегиях государств. При этом при благоприятных обстоятельствах возможна корректировка этих ограничителей, но не полная их ликвидация.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Saxer M., Zhang J. 2017. *The Art of Neighbouring: Making Relations Across China's Borders*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 268 p.
2. Markey D.S. 2020. *China's Western Horizon: Beijing and the new geopolitics of Eurasia*. New York: Oxford University Press, 313 p.
3. Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: в 4 т. Т. 2: Азия / МГИМО МИД России. М., 2016. 599 с.
Political systems of modern states: An encyclopedic reference book: in 4 vols. Vol. 2: Asia. Moscow, 2016. 599 p. (In Russ.)
4. 习近平在周边外交工作座谈会上的讲话要点. (The Key Points of Xi Jinping's Speech at the Symposium on Foreign Affairs around the World (In Chin.). <http://cpc.people.com.cn/xuexi/n/2015/0721/c397563-27338114.html> (accessed 03.01.2021)
5. Zhou Enlai. 1955. Main Speech by Premier Zhou Enlai, Head of the Delegation of the People's Republic of China, Distributed at the Plenary Session of the Asian-African Conference, April 19, 1955. <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121623> (accessed 03.01.2021)
6. Zhou Enlai. 1964. «The Chinese Government's Eight Principles for Economic Aid and Technical Assistance to Other Countries, January 15, 1964», History and Public Policy Program Digital Archive. <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121560> (accessed 03.01.2021)
7. Hu Jintao. 2007. Report at the XVII Congress of the Communist Party of China (full text). http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_12.htm. (In Russ.) (accessed 04.01.2021)
8. Лексюткина Я.В. «Добрососедская дипломатия» Китая в Восточной Азии. *Азия и Африка сегодня*. 2017, № 9. с. 12-18.
Leksyutina Ya.V. 2017. «Good neighborhood diplomacy» of China in East Asia. *Aziya i Afrika segodnya*. № 9 (In Russ.)
9. NHA's interactive map (Draft). <https://www.google.com/maps/d/u/0/embed?mid=1Ypl-rj2JVcefZ7SgKF9yNHV41zk&ll=32.383995791993016%2C74.46538086716183&z=13> (accessed 05.01.2021)
10. 'Today marks dawn of new era': CPEC dreams come true as Gwadar port goes operational. <https://www.dawn.com/news/1296098/today-marks-dawn-of-new-era-cpec-dreams-come-true-as-gwadar-port-goes-operational> (accessed 05.01.2021)

⁹ Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (*South Asian Association for Regional Cooperation - SAARC*) - экономическое и политическое объединение 8-ми стран Южной Азии, образованное в 1985 г. (*нпум. авт.*).

11. Railway Map of India. Survey of India. The National Survey and Mapping Organization, Department of Science & Technology. http://www.surveyofindia.gov.in/files/Railway%20map_Eng_C.jpg (accessed 05.01.2021)
12. Sanjeev Giri. Beijing 'sends' freight train for Nepal. <https://kathmandupost.com/national/2016/05/13/beijing-sends-freight-train-for-nepal> (accessed 05.01.2021)
13. Nepal-China tourism cooperation expected to flourish. <https://www.chinadaily.com.cn/a/202001/16/WS5e1fd272a3101282172716d6.html> (accessed 05.01.2021)
14. Zofeen T.Ebrahim. China's new silk road: What's in it for Pakistan? <https://www.dawn.com/news/1177116> (accessed 05.01.2021)
15. Pamir Sahill, Israr Alam Mohmand. Pakistan Attempts to Reset Economic Ties with China. <https://gandhara.rferl.org/a/pakistan-attempts-to-reset-economic-ties-with-china/30208118.html> (accessed 06.01.2021)
16. Bureau Report. Special economic zone to be set up in Rashakai. <https://www.dawn.com/news/1480084/special-economic-zone-to-be-set-up-in-rashakai> (accessed 06.01.2021)
17. Ananth Krishnan. India's trade with China falls in 2020, deficit at five-year low. <https://www.thehindu.com/business/Economy/indias-trade-with-china-falls-in-2020-deficit-at-five-year-low/article33581648.ece#:~:text=India's%20exports%20to%20China%2C%20however,billion%2C%20the%20lowest%20since%202015> (accessed 07.01.2021)
18. Ananth Krishnan. China expresses concern over India's ban on 59 Chinese apps. <https://www.thehindu.com/news/international/china-expresses-concern-over-indias-ban-on-59-chinese-apps/article31952665.ece> (accessed 07.01.2021)
19. Nepal-China tourism cooperation expected to flourish. <https://www.chinadaily.com.cn/a/202001/16/WS5e1fd272a3101282172716d6.html> (accessed 06.01.2021)
20. Anil Giri. Nepal signs deal with China to access seven Chinese sea and land ports. <https://kathmandupost.com/national/2019/04/30/nepal-signs-deal-with-china-to-access-seven-chinese-sea-and-land-ports> (accessed 06.01.2021)
21. Muhammad Asif Noor. Pakistan-China strategic partnership. <https://dailytimes.com.pk/370041/pakistan-china-strategic-partnership/?cn-reloaded=1> (accessed 07.01.2021)
22. H.E. Mr. Sun Weidong, Ambassador of China to India. 30 July, 2020. Special lecture India China Relations: The Way Forward. <https://www.icsin.org/uploads/2020/08/10/1cf6f46bcbf0129c329dd9cde60ef206.pdf> (accessed 07.01.2021)
23. 关系提升一层中国与尼泊尔成战略合作伙伴. (China and Nepal become strategic partners (In Chin.)). <https://beltandroad.zaobao.com/beltandroad/news/story20191014-996929> (accessed 07.01.2021)
24. Anil Giri. Chinese ambassador making the rounds at a time of internal crisis invites much criticism. <https://kathmandupost.com/national/2020/07/06/chinese-ambassador-making-the-rounds-at-a-time-of-internal-crisis-invites-much-criticism> (accessed 07.01.2021)
25. Bertil Lintner. Why China wants a Himalayan dispute with Bhutan. <https://asiatimes.com/2020/07/why-china-wants-a-himalayan-dispute-with-bhutan/> (accessed 06.01.2021)
26. China ready to share its experience to control coronavirus spread with India, provide assistance. <https://timesofindia.indiatimes.com/india/china-ready-to-share-its-experience-to-control-coronavirus-spread-with-india-provide-assistance/articleshow/74776483.cms> (accessed 08.01.2021)
27. Chinese medical team arrives in Pakistan to aid fight against COVID-19. <https://news.cgtn.com/news/2020-03-28/China-sends-medical-experts-to-Pakistan-for-fight-against-COVID-19-PecdfkpmMM/index.html#:~:text=The%20Chinese%20foreign%20ministry%20said,Geng%20Shuang%20in%20a%20statement> (accessed 08.01.2021)
28. Shri V. Muraleedharan. Answer of the Minister of State in the Ministry of External Affairs to the Question No. 3951 of Lok Sabha on 18.03.2020. Ministry of External Affairs, Government of India. https://www.mea.gov.in/lok-sabha.htm?dtl/32559/question_no3951_medical_supply_to_china (accessed 09.01.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ширгазина Эльза Рифовна, аспирантка, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Elsa R. Shirgazina, Post-graduate student, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (ИММО), Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
26.02.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
20.04.2021

Принята к публикации (Accepted)
25.05.2021

Религиозный фактор в политическом процессе Замбии: взаимное влияние религии и политики

© Прокопенко Л.Я.^а, 2021

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1121-8828
skole60@mail.ru

Резюме. В статье исследуется тема роста политизации некоторых конфессий, прежде всего христианства, в процессе демократизации, в начале 1990-х гг. начавшегося в Замбии. Она принадлежит к числу африканских стран, где религиозные деятели на протяжении всей истории играли заметную роль в жизни общества. Особо отмечается, что провозглашение президентом Фредериком Чилубой в 1991 г. Замбии христианской нацией во многом способствовало усилению взаимного влияния политики и религии.

В современной Замбии религиозные организации, в основном, придерживаются нейтралитета, либеральная часть всех конфессиональных групп видит свою задачу в решении первостепенных социальных проблем. В последние десятилетия в стране не отмечено ярко выраженных этнических и религиозных противоречий, которые могут способствовать возникновению открытых кровопролитных конфликтов, угрожающих внутренней безопасности и стабильности.

В статье показано, что с приходом в 2015 г. к власти Эдгара Лунгу (партия Патриотический фронт, ПФ) Замбия вновь была провозглашена христианской нацией, что было закреплено в новой редакции конституции. Кампании президентских выборов 2015 г. и всеобщих выборов 2016 г. показали, что в политическом процессе стал актуальным дискурс о религии и политике, прежде всего аспект множественных отношений между религией, этнической принадлежностью и политикой.

Страна находится в преддверии всеобщих выборов, которые должны состояться в августе 2021 г. В непростой экономической ситуации, которую усугубила пандемия COVID-19, правительство и представители церкви призывают избирателей обеспечить мирное проведение выборов.

Ключевые слова: Замбия, религия, политика, христианство, декларация, мусульмане, выборы

Для цитирования: Прокопенко Л.Я. Религиозный фактор в политическом процессе Замбии: взаимное влияние религии и политики. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 40-47. DOI: 10.31857/S032150750015933-8

Religious factor in the political process in Zambia: Mutual influence of religion and politics

© Liubov Ya. Prokopenko^а, 2021

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-1121-8828
skole60@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of growing politicization in some religious confessions, primarily Christianity, in the process of democratization that began in Zambia in the early 1990s. Zambia is one of the African countries whose religious leaders have played a prominent role in social life throughout their history. It is especially noted that the proclamation of Zambia a Christian nation in 1991 by President Frederick Chiluba contributed greatly to the strengthening of mutual influence between politics and religion.

In modern Zambia religious organizations adhere generally to neutrality, the liberal part of all confessional groups seeing their task in solving primary social problems. In recent decades there have been no pronounced ethnic and religious contradictions in the country which could contribute to an emergence of open bloody conflicts threatening internal security and stability.

The article shows that with Edgar Lungu's (Patriotic Front, PF) coming to power in 2015, Zambia was proclaimed a Christian nation again, which was enshrined in the new edition of its Constitution. The campaigns for presidential elections in 2015 and for general elections in 2016 have shown that "religion-politics" discourse has become relevant in the political process, regarding primarily multiple relationships between religion, ethnicity and politics. The country is on the eve of new general elections due in August 2021. In a difficult economic situation, exacerbated by the COVID-19 pandemics, Zambian government and Church officials are calling on voters to ensure peaceful electoral process.

Keywords: Zambia, religion, politics, Christianity, declaration, Muslims, election

For citation: Liubov Ya. Prokopenko. Religious Factor in the political process in Zambia: Mutual influence of religion and politics. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 8. Pp. 40-47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015933-8

ВВЕДЕНИЕ

При исследовании политического процесса в странах Африки необходим более детальный анализ религиозного фактора. Он оказывал и продолжает оказывать влияние различной степени на политическую культуру. Например, на мировоззрение многих лидеров и видных политиков - Кеннета Каунды (Замбия), Роберта Мугабе, Моргана Тсвангираи (Зимбабве) и др. - повлияла их учеба в миссионерских школах и колледжах. Религиозность была и остается важной составляющей имиджа некоторых президентов.

Замбия принадлежит к числу африканских стран, где религиозные деятели играли заметную роль в жизни общества, а в процессе демократизации, начавшегося в 1990-е гг., происходит определенный рост политизации представителей некоторых конфессий, прежде всего христианства.

Христианство начало распространяться в Замбии (тогда - Северной Родезии) протестантскими миссионерами во второй половине XIX в. Христианские миссии, с одной стороны, способствовали укреплению колониаторских властей, а с другой, решали ряд социальных задач: образование коренного населения, оказание медицинских услуг.

В то же время в Замбии, как и в ряде других стран континента, христианская религия во многом стала объединительным фактором для развития общественного сознания. Некоторые принявшие христианство замбийцы стали проповедниками и создали афрохристианские церкви и секты. Ряд их был негативно настроен против традиционной церкви, прежде всего католической, а их деятельность была проникнута антиколониальным духом. Среди участников борьбы за независимость было много членов религиозных организаций. Немалая заслуга в формировании национального самосознания населения принадлежала печатным изданиям католических и протестантских миссионеров, которые начали издаваться на местных языках. Например, в Китве католики-францисканцы печатали информационные бюллетени, религиозные гимны и молитвенники на языке *чибемба*.

Политизированность некоторых афрохристианских церквей и сект носила радикальный характер. Например, летом 1964 г. прихожане церкви «Лумпа», созданной в 1953 г. Элис Леншиной Муленга, совершили нападения на полицейские участки, после чего церковь была запрещена.

ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ ПРИ ОДНОПАРТИЙНОМ ПРАВЛЕНИИ К. КАУНДЫ

Первый президент страны К.Каунда (1964-1991 гг.) и лидер правящей Объединенной партии национальной независимости (ЮНИП - *United National Independence Party, UNIP*), скончавшийся 17 июня 2021 г., был сыном священника-пресвитерианина в церкви шотландской миссии Лубва; он получил образование в миссионерской школе. Религиозные убеждения молодого Каунды значительно повлияли на формирование его взглядов, ставших позже основой философской, политической и социально-политической концепции развития независимой Замбии.

После провозглашения независимости в 1964 г. старые миссионерские церкви стали терять свои позиции из-за развития отделившихся от них новых африканских церквей и деятельности новых миссионеров (в основном из США) пятидесятнического и харизматического толка. Учитывая сложный религиозный состав населения Замбии, Каунда часто повторял, что она является домом для разных религий, поэтому он не стал бы провозглашать одну из них государственной религией.

Для укрепления власти ЮНИП начала поиски объединяющей идеологии, которая объяснила бы необходимость продолжения борьбы с империализмом и определила задачи и пути построения экономически независимого общества. К.Каунда в своей работе «Гуманизм в Замбии» изложил вариант развития страны, приспособленный к социально-экономической отсталости сельских районов и религиозно-традиционному мировоззрению населения. Предполагалось устранять все формы дискриминации, основанные, в т.ч., «на различиях вероисповедания» [1, с. 175]. Философия «замбийского гуманизма» стала официальной государственной идеологической платформой ЮНИП, которая в 1972 г. добилась введения однопартийности.

В годы правления Каунды христианские церкви в политическом отношении придерживались нейтралитета. Главные религиозные организации страны - Евангелическое братство Замбии (*Evangelical Fellowship of Zambia, EFZ*), Епископская конференция Замбии (*Zambia Episcopal Conference, ZEC*) и Совет церквей в Замбии (*Council of Churches in Zambia, CCZ*) - работали в сотрудничестве, обеспечивая реализацию проектов социального назначения, прежде всего совместное финансирование строительства школ, больниц, домов для престарелых и лепрозориев. Однако ряд священнослужителей были недовольны проявлениями атеизма в стране. Например, в 1976 г. церкви отказались содействовать реформе в сфере образования, считая ее атеистической. А некоторые миссионерские издания не только просвещали прихожан по вопросам веры, здоровья, но и, как отмечает замбийский исследователь Ивонн Кабомбе, «стали платформой, на которой люди обсуждали вопросы государственной важности и даже выражали недовольство своим положением в обществе» [2, р. 111].

Власти пытались оградить избирателей от влияния некоторых священнослужителей. Например, в 1970-1980-е гг. очень популярным среди прихожан был Эммануэль Милинго, католический епископ и архиепископ Лусаки. Он проводил сеансы экзорцизма (изгнание дьявола), занимался изгнанием злых духов, утверждая, что они заметно влияют на политическую жизнь страны. Деятельность Милинго вызвала у части подверженного суевериям населения такие волнения, что в 1983 г. Каунде даже пришлось сотрудничать с Ватиканом по вопросу о его смещении [3, pp. 199-200].

Однако постепенно президент Каунда начал увлекаться восточным мистицизмом. Он пользовался услугами индийского гуру Ранганатана, с которым консультировался по широкому кругу вопросов [4, pp. 45-51]. Ряд авторов пишут, что многих замбийцев-христиан, как протестантов, так и католиков, удивляли новые религиозные убеждения президента. Их изменение постепенно привело к утрате доверия христианских церквей к Каунде. Участники первой официальной конференции религиозных деятелей Замбии, которая состоялась в октябре 1990 г., заявили о своем активном содействии властям в борьбе против болезней, нищеты, неграмотности и преступности. В то же время некоторые видные религиозные деятели ратовали за возвращение многопартийности в стране. Накануне всеобщих многопартийных выборов 1991 г. они призывали прихожан избегать насилия, создали специальную Группу мониторинга, которая обеспечивала наблюдение на избирательных участках.

Необходимо отметить, что накануне президентских выборов 1991 г. в англиканском кафедральном соборе в столице Лусаке состоялась встреча президента К.Каунды и лидера оппозиционной партии Движение за многопартийную демократию (ДМД – *Movement for Multi-party Democracy, MMD*) Фредерика Чилубы. Экс-президент США Джимми Картер, который по приглашению Каунды возглавлял команду международных наблюдателей за выборами, назвал Замбию прекрасным примером страны, где «церковь, облеченная доверием народа, вносит решающий вклад в восстановление демократии» [5].

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ НАЦИИ

Ф.Чилуба вошел в историю Замбии как президент, провозгласивший ее христианской страной. Первые слова инаугурационной речи, произнесенной им 1 ноября 1991 г., были обращены к Богу с благодарностью за происходящие перемены в стране [6, p. 81]. Он был ревностным христианином, с самого начала своего президентства постоянно заявлял о приверженности христианству и на различных государственных и партийных мероприятиях неизменно выступал с Библией в руках. Заметим, что на выборах 1991 г. за кандидатуру Чилубы активно агитировали представители церкви пятидесятников (протестантская ветвь христианства): их проповеди изобиловали хвалебными отзывами о человеке, который долгое время был лидером профсоюзов и сидел в тюрьме при однопартийном правлении Каунды.

Одним из первых действий новых властей стало принятие 29 декабря 1991 г. декларации, которая провозгласила Замбию христианской страной. Основанием для этого называлось то, что эту религию исповедовали более 70% населения (большинство христиан страны составляют протестанты). Чилуба заявлял также, что провозглашение Замбии христианской нацией поможет ей избавиться от коррупции и будет способствовать ее процветанию. Наверное, президент-прагматик руководствовался также соображениями экономического характера, надеясь на донорскую поддержку западных стран. Называется еще одна причина: замбийский исследователь Остин М.Чейека в 1998 г. объяснял это стремлением Чилубы «противостоять угрозе ислама» [7, p. 160].

Несмотря на то, что власти не консультировались с главными религиозными организациями страны по поводу провозглашения Замбии христианской нацией, Евангелическое братство Замбии, Епископская конференция Замбии и Совет церквей в Замбии уже через неделю выступили с совместным заявлением в поддержку решения президента. При этом, как пишет английский исследователь Пол Гиффорд, католики и Совет церквей в Замбии, в основном, придерживались мнения, что подобное провозглашение будет в лучшем случае неудачным, а «многие из евангелического братства очень поддерживали Чилубу очевидно потому, что рассматривали происходящее как предложение им доли политической власти» [8]. Тему роли церкви пятидесятников в политической истории Замбии затронул местный автор Гершом Ндхлову в своей книге «Провозглашение Замбии христианской нацией: благословение или проклятие?» (*The Declaration of Zambia as a Christian Nation: Blessing or Curse? Kindle Edition. 2013*). Он подчеркивал, что эта церковь наиболее активно поддерживала декларацию 1991 г.

В стране появились новые политические партии и организации с христианскими названиями, например «Коалиция христианской нации» (*Christian Nation Coalition*), «Фонд христианской нации» (*Christian Nation Foundation*). В армейских частях богослужения стали нормой, утвердился институт капелланов.

Но оппозиция заявляла, что христианская ориентация замбийцев фактически означала безоговорочное подчинение христианскому государству, которое могло превратиться в отказ признавать недостатки управления властей.

Правительство Ф.Чилубы приступило к либерализации экономики, которая базировалась на приватизации, поддержке частного предпринимательства и привлечении западных инвестиций. Начался наплыв новых христианских миссионеров. Старые и новые церкви активно призывали христиан Запада инвестировать в экономику страны, провозглашенной христианской нацией.

Ряд западных и замбийских исследователей (Пол Гиффорд, Пол Фрестон, Исаак Фири, Остин М.Чейека) считают, что декларация 1991 г. стимулировала распространение движения пятидесятников. О связи Чилубы с ними пишет также южноафриканский автор Чаммах Дж. Каунда, который отмечает, что после принятия декларации представители этого религиозного течения усилили свое влияние в обществе¹. Американские ученые Элизабет Спербер и Эрин Херн также пишут, что партия ДМД была «сильно про-пятидесятнической» [9, p. 857].

Действительно, Чилуба назначил некоторых евангелических пасторов на государственные должности. Рассчитывая на поддержку евангелической церкви перед выборами 1996 г., он выделял средства на ее нужды и обещал ряд льгот, например, выделение участков под строительство церквей [10, p. 537].

Амбициозному, склонному к авторитарности Чилубе удалось добиться того, чтобы положение о христианской нации было внесено в новую конституцию Замбии, принятую в мае 1996 г. Некоторые авторы отмечали, что «Чилуба не видит различий между своей личной религиозной верой и своей ролью в качестве президента» [11, p. 343]. Кстати, взгляды Чилубы разделял и убежденный христианин Годфри Миянда, вице-президент страны в 1994-1997 гг.

Замбия отнюдь не первая страна в Африке, провозглашенная христианской нацией. Либерия, созданная как страна бывших рабов, христианский статус провозгласила с самого начала своего существования. Однако Сэмюэль Доу, правивший в 1986-1990 гг., не только попустительствовал бесхозяйственности и злоупотреблениям, которые усугубляли социальную несправедливость, но и осуждал новые формы христианства, критиковавшие несправедливость социальной системы страны. Как отмечает П.Гиффорд, в Либерии «христианство стало настоящим инструментом господства, дегуманизации и неравенства...» [12, p. 145].

Правление и имидж президента Чилубы как ревностного христианина также были далеки от идеала. Он согласился на арест в первый день Рождества 1997 г. мирно передавшего ему власть Каунды, которого обвинили в причастности к неудачной попытке государственного переворота, предпринятой 28 октября 1997 г. группой во главе с капитаном Соло. Политическая система в период первого президентского срока Чилубы была отмечена печатью коррупции, поэтому декларация 1991 г. многими воспринималась с цинизмом. Но большинство видных религиозных деятелей хранили молчание по поводу коррупции в стране.

Важно отметить, что серьезная критика правительства Чилубы прозвучала именно из среды пятидесятников. В 1997 г. пастор Неверс Мумба первым из религиозных деятелей осудил отсутствие у властей морали и честности. На его примере хорошо видна вовлеченность религиозных деятелей в активную политику. Н.Мумба прошел путь от рядового члена движения пятидесятников в начале 1980-х до лидера политической партии и вице-президента страны в 2003-2004 гг. Поддержав в 1991 г. идею Чилубы о христианской нации, убежденный евангелист, наверное, рассчитывал на серьезные политические дивиденды. Разочарование от отсутствия таковых побудило его в 1997 г. создать христианское политическое движение «Национальная христианская коалиция» (*National Christian Coalition*). В 1998 г. оно было преобразовано в политическую партию, от которой в 2001 г. Н.Мумба баллотировался в президенты.

Пол Фрестон (Великобритания) природу такого изменчивого поведения некоторых религиозных деятелей-евангелистов объясняет следующим образом: они считают, что «управление народом ...должно осуществляться через прямую политическую власть - посредством получения священнослужителями государственных постов лично или через их доверенных лиц» [13, p. 162]. А Изабел Фири (ЮАР) отмечает: «На примере Мумбы видно, что для евангелистов важна тема христианской нации, следствием чего становится их вовлечение в политику» [14, p. 401]. Сам Мумба, объясняя мотивы, побудившие его стать политиком, в 2017 г. сказал: «Евангелист идет в темные области, чтобы явить Христа и принести свет. Я пошел в политику, потому что это темная область, где нужен свет»².

Необходимо отметить, что замбийский исследователь и практикующий христианин-католик Остин М.Чейека утверждает, что причинами активизации религиозно-политической деятельности пятидесятников при президенте Чилубе было, в т.ч., их желание получить финансовую поддержку [7, p. 171].

¹ Kaunda C.J. "From Fools for Christ to Fools for Politicians": A Critique of Zambian Pentecostal Theopolitical Imagination. https://www.researchgate.net/publication/319698554_From_Fools_for_Christ_to_Fools_for_Politicians_A_Critique_of_Zambian_Pentecostal_Theopolitical_Imagination (accessed 03.04.2021)

² Pastor Nevers Mumba says Islam plans to 'invade' Zambia. <https://www.lusakatimes.com/2017/10/05/pastor-nevers-mumba-says-islam-plans-invade-zambia> (accessed 14.04.2021)

ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 2001-2011 гг.

Метаморфозы религиозной принадлежности следующего президента Леви Мванавасы (2001-2008) также оказалась в центре внимания замбийской общественности. В 1991-1994 гг. он был вице-президентом и принадлежал к баптистской церкви. После ухода с этого поста Мванаваса присоединился к Свидетелям Иеговы. Но став главой государства в 2001 г., снова вернулся в баптистскую церковь, т.к. Свидетелям Иеговы запрещено заниматься политической деятельностью. Церемония крещения Мванавасы в 2005 г. в церкви Твин-Палм (г. Лусака) стала официальным мероприятием, на котором присутствовали государственные деятели и некоторые зарубежные послы.

Партия Н.Мумбы поддержала деятельность нового президента страны, не отказавшегося от концепции «христианской нации». Мумба и его сторонники способствовали тому, чтобы вызвать симпатию к Мванавасе у различных слоев населения. В мае 2003 г. партия Мумбы объединилась с правящей ДМД, и Мванаваса назначил его вице-президентом страны, которым тот, однако, проработал всего год.

Правление Мванавасы не было отмечено риторикой христианской нации. «Не грешил» этим и следующий глава государства Рупиа Банда (2008-2011). Он, как и его предшественники Чилуба и Мванаваса, представлял правящую ДМД. Новый президент принадлежал к англиканской церкви. Банда поддержал принятое в апреле 2010 г. решение Национальной конституционной конференции сохранить в конституции положение о том, что Замбия - христианская страна, и одновременно признать право каждого на свободу совести и религии.

Действия Банды свидетельствовали о понимании им потенциала священнослужителей как силы, способной содействовать консолидации общества. Он в прошлом дипломат и умело вел диалог с руководством церквей в надежде заручиться их поддержкой на очередных всеобщих выборах в 2011 г. Например, в марте 2010 г. на встрече с католическими епископами он заявлял, что правящая ДМД старается обеспечить все насущные нужды страны. В апреле того же года, принимая в своей резиденции группу епископов, Банда отметил, что счастлив быть лидером, который следует библейским правилам. Необходимо отметить, что в бюджете расходы для религиозных нужд тогда составляли менее 1% от ВВП, но после мирового экономического кризиса 2008 г. столько же выделялось и на культуру.

В кадровой политике Р.Банда также не пренебрегал практикой назначения представителей духовенства. Например, уже известный Н.Мумба в 2009-2011 гг. был высоким комиссаром Замбии в Канаде.

ПОБЕДИВШАЯ ОППОЗИЦИЯ И ЦЕРКОВЬ

В 2011 г. к власти пришла партия Патриотический фронт (ПФ – *Patriotic Front, PF*) во главе с Майклом Сатой, бывшим членом ДМД, который упорно боролся за президентский пост на всех выборах, начиная с 2001 г. Кандидата-популиста поддерживала значительная часть горняков, и в ряде случаев, как отмечают исследователи из Великобритании Майлз Лармер и Алистер Фрейзер, это произошло под влиянием католических проповедников [15, pp. 624-625].

М.Сата почти не использовал риторику христианской нации. Он поддерживал провозглашение Замбии христианской нацией, но считал при этом, что «замбийский народ христианский не вследствие принятия декларации, а по его делам» [7, p. 162]. Сата также выступал за уважение прав тех замбийцев, которые исповедуют другие религии. Приход к власти оппозиционного ПФ во главе с Сатой поддержали многие пятидесятники, несмотря на то, что их церковь ранее поддерживала правящую ДМД. Это подтверждает тот факт, что в их идентичности религиозная составляющая не была доминантной при формировании позиции на выборах.

Несмотря на то, что в предвыборной кампании Сата не обращался за поддержкой к религиозным лидерам, в общественном мнении утвердилась убежденность в том, что его поддерживала католическая церковь. Эти представления базировались, прежде всего, на том, что некоторые католические священники (например, епископы Ноэль О’Реган и Пол Даффи) часто критиковали руководство прежнего президента Р.Банды, а пастор Фрэнк Бвалья даже вел открытую кампанию за избрание Саты и в марте 2010 г. был арестован за призыв к отставке правительства.

После победы на выборах Сата сразу продемонстрировал, что надеется на сотрудничество с Церковью. И первыми в своей резиденции новый президент принял именно католических священников. В ходе встречи он, в т.ч., предложил, что при желании священнослужители после прохождения педагогической подготовки могут работать учителями в школах. Спустя несколько дней президент принял также делегацию из 26 пятидесятнических пасторов, которые заверили его в том, что будут молиться Богу дать ему силы для руководства страной. Они также принесли извинения за то, что некоторые пасторы критиковали Сату, когда он был лидером оппозиции, но тот заявил, что о прошлых разногласиях необходимо забыть.

Однако новый президент все же реагировал на критику священнослужителей в свой адрес и в адрес правительства. Сата был хорошо информирован и иногда по мобильному телефону выговаривал священникам, критиковавших власти в своих проповедях. А в 2013 г. католический священник из Руанды Виатер Баньянгандора, служивший в одном из приходов в Восточной провинции, был даже депортирован из Замбии якобы за подстрекательство общины к восстанию против правительства.

При Сате продолжилась политическая карьера Н.Мумбы. В 2012 г. он был избран лидером бывшей правящей партии ДМД и остается им по сей день. Не остались незамеченными заслуги Ф.Бвальи: Сата назначил его руководителем одной из государственных компаний. Но политические амбиции Бвальи вынуждали его оставаться активистом: в 2013 г. он создал собственную политическую партию «Альянс за лучшую Замбию» (*Alliance for Better Zambia, ABZ*). Он часто критиковал правительство и в 2014 г. был арестован. После оправдания судом неугомонный пастор рассорился с президентом Сатой. После его кончины в октябре 2014 г. Бвалья распустил свою партию, перешел в правящий ПФ и стал активным сторонником кандидата в президенты Эдгара Лунгу.

МУСУЛЬМАНЕ И ПОЛИТИКА

Политизация религии видна не только на примере христианства. Коснулась она и представителей ислама.

В Замбии ислам исповедует около 2% населения (в основном сунниты и исмаилиты), хотя мусульманское сообщество утверждает, что их количество достигает 25-30%. Статистика показывает, что ислам распространяется довольно быстрыми темпами. Число мусульман увеличивается за счет бывших христиан, увидевших в исламе альтернативу как христианству, так и традиционным верованиям.

В независимой Замбии постепенно возросла значимость в общественной жизни мусульманской общины, которая, активно участвовала в социальных программах и программах национального развития. Как отмечает замбийский автор Феликс Дж.Фири, это произошло «благодаря активной деятельности местных мусульманских ассоциаций» [16, p. 164].

В условиях провозглашения Замбии христианской страной возможности для участия мусульманских лидеров в политике были крайне ограниченными. По этой причине мусульманская молодежь, прежде всего студенты, бойкотировали всеобщие выборы 1996 г. В 2000-е гг. исламских радиостанций в радиовещании практически не было, в то же время действовали ряд христианских радиостанций, например, *Christian Voice Radio, Radio Chikuni, Radio Maria, Radio Incengelo*.

Партия Патриотический фронт проявляет большую лояльность к политическому участию мусульман. Усиление религиозности политики видна на примере выборов мэра Лусаки в 2016 г. Одним из кандидатов была мусульманка Сирре Мунтанг от партии Форум за демократию и развитие (*Forum for Democracy and Development, FDD*). Мунтанга активно использовала СМИ в качестве канала для объяснения мотивов участия мусульман в политике. Но одновременно и она, и мусульманская община использовали избирательную кампанию для трансляции религиозных посланий избирателям. Замбийский исследователь Нелли Мвале отмечает, что это яркое свидетельство «отсутствия четкой границы между политической и религиозной сферами» [17, p. 66]. Активизация мусульман в политической жизни страны критикуется некоторыми представителями других конфессий. Так, в октябре 2017 г. пастор Н.Мумба резко заявил, «что угроза ислама в стране - это реальность», и что «...ислам использует деньги для подкупа политиков, чтобы они позволили исламу с легкостью проникать в страну»³.

НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ, НОВЫЙ УРОВЕНЬ ВЗАИМОСВЯЗИ ВЛАСТИ И РЕЛИГИИ

На внеочередных президентских выборах в январе 2015 г. кандидат партии ПФ Эдгар Лунгу (баптист) максимально использовал христианскую риторику, и это расширило круг его сторонников. (Кстати, лидер ДМД Н.Мумба тоже баллотировался в президенты, но получил менее 1% голосов избирателей). Став президентом, Лунгу для сплочения замбийцев тоже обратился к идее христианской нации.

18 октября 2015 г. на центральной площади Лусаки при большом скоплении горожан, представителей СМИ, видных политиков, протестантских и католических священников и при непосредственном участии президента Лунгу состоялось национальное мероприятие - «Молитва, пост и примирение». Выступая перед собравшимися, он объявил, что отныне день 19 октября станет Национальным днем молитвы.

Дальнейшее «смыкание» государства и религии было закреплено законодательно. Конституция демократического государства априори должна быть нейтральной в отношении религии. Тем не менее, в новой

³ Pastor Nevers Mumba says Islam plans to 'invade' Zambia. <https://www.lusakatimes.com/2017/10/05/pastor-nevers-mumba-says-islam-plans-invade-zambia> (accessed 14.04.2021)

редакции конституции, утвержденной в январе 2016 г., Замбия снова провозглашалась христианской страной [18, р. 9], но при этом гарантировалась свобода вероисповедания (18, р. 11). А в августе 2016 г. было создано министерство по делам религий (*The Ministry of National Guidance and Religious Affairs, MNGRA*), цель которого - «...содействовать актуализации провозглашения Республики Замбия христианской нацией при одновременном обеспечении права отдельного человека на свободу совести, убеждений или религии и реализации национальных ценностей и принципов»⁴. Административные меры по регулированию деятельности религиозных организаций (например, сложная система регистрации новых религиозных групп, требования по регулированию богословского обучения для духовенства) вызвали недовольство у католической и протестантской церквей, которые сочли, что действия правительства стирают грань между Церковью и государством.

Согласно замбийской статистике, в 2019 г. из почти 17-миллионного населения страны христианство исповедовали 95,5% (75,3% протестанты и 20,2% католики)⁵, что значительно выше данных мировой статистики. Появление таких цифр после утверждения конституции вряд ли случайно.

Религиозная тема была в числе основных в избирательной кампании всеобщих выборов, состоявшихся в августе 2016 г. Правящий ПФ для поддержки кандидатуры Э.Лунгу активно использовал христианские образы: правительственные и подконтрольные СМИ часто писали, что он был «послан Богом» или «избран», чтобы возглавить нацию. Чаммах Дж.Каунда пишет, что искусный вброс подобной информации помог сформировать у избирателей образ Лунгу как христианского президента, что способствовало его легитимизации [19, р. 237]. Различные религиозные группы публично выражали поддержку политическим партиям, позиции которых отвечали их запросам. Вмешательство в политику ряда видных религиозных деятелей дискредитировало церковь как морального ориентира и поборника за социальную справедливость.

Некоторые политические лидеры называли членов оппозиционных партий (прежде всего, лидера Объединенной партии за национальное развитие (ОПНР – *United Party for National Development, UPND*) Хакаинде Хичилему - главного соперника Лунгу) сатанистами, что негативно влияло на отношение к ним верующих. После выборов некоторые нехристианские группы сообщали о социальной нетерпимости к ним, в ряде районов страны были случаи расправ над людьми, замеченных в колдовстве. По этой причине в 2017 г. многие церковные лидеры не участвовали в праздновании Национального дня молитвы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Близятся очередные всеобщие выборы, назначенные на август 2021 г. В обращении к парламенту Э.Лунгу обещал обеспечить мирное их проведение и назвал церковь в числе тех, кто должен содействовать в этом властям. В марте 2021 г. руководители христианской церкви, учитывая факты политического насилия в предвыборной кампании 2016 г., выступили с пастырским заявлением, в котором призвали замбийцев избегать насилия и проявлять терпимость. В документе сказано, что «в преддверии выборов церковь по-прежнему привержена примирению и миростроительству»⁶. В то же время выражалась озабоченность решением Избирательной комиссии Замбии отказаться от списка избирателей, составленного в 2006 г. Руководители церквей поддержали мнение оппозиции и представителей гражданского общества, что новый реестр избирателей недостаточно полный. В пастырском заявлении также говорилось, что пожертвования политиков Церкви могут поставить под угрозу ее пророческую миссию говорить власти правду.

С начала 2000-х гг. в Замбии не отмечено ярко выраженных этнических и религиозных противоречий, которые могут привести к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации. Всеобщие выборы 2016 г. продемонстрировали усиление влияния религиозного фактора в политике.

Дальнейшее мирное развитие Замбии зависит как от общей экономической ситуации, так и от взвешенной внутренней политики властей, направленной на решение сложных социальных проблем в сотрудничестве со всеми конфессиями страны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. История Африки в документах. 1870-2000 гг.: в 3 т. М., 2005. Т. 3.
History of Africa in documents. 1870-2000: in 3 volumes. 2005. Moscow. Vol. 3 (In Russ.).
2. Kabombwe Y.M. 2015. A History of the Mission Press in Zambia, 1970-2011. Lusaka.

⁴ Ministry of National Guidance and Religious Affairs. <https://www.mngra.gov.zm> (accessed 18.04.2021)

⁵ ZAMBIA 2019 INTERNATIONAL RELIGIOUS FREEDOM REPORT. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/05/ZAMBIA-2019-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed 12.04.2021)

⁶ Samasumo P. Zambian Bishops: Free, fair, credible, and peaceful national elections. <https://www.vaticannews.va/en/africa/news/2021-03/zambia-bishops-concerned-about-august-elections.html> (accessed 18.04.2021)

3. Ter Haar G. 1992. Spirit of Africa: the healing ministry of Archbishop Milingo of Zambia. London.
4. Chisala B.S. 1994. The downfall of President Kaunda. Lusaka.
5. Carter J. 1994. Foreword. *Religion, the Missing Dimension of Statecraft*. New York: Oxford University Press.
6. Inauguration Speech President Frederick Chiluba. The October 31, 1991, National Elections in Zambia. Lusaka. 1991.
7. Cheyeka A.M. 2016. Zambia, a 'Christian nation' in Post Movement for Multiparty Democracy (MMD) Era, 2011-2016. *International Journal of Humanities and Social Science*. Vol. 6, no. 7, pp. 159-172.
8. Gifford P. Chiluba's Christian nation: Christianity as a factor in Zambian politics 1991-1996. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13537909808580842?journalCode=cjcr20> (accessed 25.03.2021)
9. Sperber E., Hern E. 2018. Pentecostal Identity and Citizen Engagement in Sub-Saharan Africa: New Evidence from Zambia. *Politics and Religion*. Vol. 11, issue 4, pp. 830-862.
10. Smith R.D. 1999. Missionaries, Church Movements, and Shifting Religious Significance in the State of Zambia. *Journal of Church and State*. Vol. 41, issue 3, pp. 525-550.
11. Phiri I. 1999. Why African Churches Preach Politics: The Case of Zambia. *Journal of Church and State*. Vol. 41, issue 2, pp. 323-347.
12. Gifford P. 1993. Christianity and Politics in Doe's Liberia. Cambridge University Press.
13. Freston P. 2001. Evangelicals and politics in Asia, Africa and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Phiri I.A. 2003. President Frederick J.T. Chiluba of Zambia: The christian nation and democracy. *Journal of Religion in Africa*. Vol. 33, issue 4, pp. 401-428.
15. Larmer M., Fraser A. 2007. Of Cabbages and King Cobra: Populist Politics and Zambia's 2006 election. *African Affairs*. Oxford University Press. Vol. 106, issue 425, pp. 611-637.
16. Phiri F.J. 2008. Islam in Post-colonial Zambia. *One Zambia, Many Histories. Towards a History of Post-colonial Zambia*. Leiden: Brill Publishing, pp. 164-184.
17. Mwale N. 2019. The Nature and Significance of a Muslim Woman's Contest for Mayor of Lusaka, Zambia. *The African Journal of Gender and Religion*. Vol. 25, no 2, pp. 63-85.
18. Constitution of Zambia (Amendment). Act No. 2 of 2016. Preamble.
19. Kaunda C.J. 2018. Christianising Edgar Chagwa Lungu: The Christian nation, social media presidential photography and 2016 election campaign. *Stellenbosch Theological Journal*. Vol. 4, issue 1, pp. 215-245.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT AUTHOR

Прокопенко Любовь Ярославовна, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Liubov Ya. Prokopenko, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
20.04.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
17.05.21.2021

Принята к публикации (Accepted)
27.06..2021

Ислам и его роль в цивилизационном развитии Кот-д'Ивуара

© Садовская Л.М.^а, 2021

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3765-9736
lubowsadovskaya@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена анализу эволюции ислама в Кот-д'Ивуаре в свете глубоких изменений, произошедших в стране со времени обретения независимости в 1960 г. Автор исследует причины быстрого - по сравнению с другими западноафриканскими странами - увеличения числа исламизированных жителей, наблюдавшегося, прежде всего, в течение первых 30 лет независимого развития. Это был период пробуждения коллективного сознания и организационной сплоченности ивуарийских мусульман. Второй этап - с момента проведения в начале 1990-х гг. первых многопартийных выборов - ознаменовался политизацией религии и появлением новой, преимущественно городской, формы исламской религиозной культуры - прозелитизма.

Тарикаты из-за их недостаточной организованности играют второстепенную роль в современной истории мусульманских обществ Кот-д'Ивуара. К тому же, процессы модернизации еще сильнее ослабили их влияние. Но духовные братства не стали заслоном, сдерживающим распространение реформистских учений, которые ассоциировались с суннитским исламом и с уходом от суфийской духовности. Реформистская элита мусульманской общины Кот-д'Ивуара в своей религиозной пропаганде с ее заимствованной у арабо-исламского мира идеологией широко использовала кораническое понятие «да'ва». Ее главными целями были реисламизация мусульманского общества и внедрение политического ислама.

В работе рассматриваются проблемы взаимоотношений между ивуарийскими мусульманами и христианами, которые не всегда имели мирный характер, особенно в периоды военно-политических кризисов, когда они переплетались с этническими противоречиями. Приход к власти в 2011 г. А.Уаттары - первого президента-мусульманина - способствовал сохранению устойчивого баланса между конфессиями благодаря его клерикальной политике.

Keywords: Кот-д'Ивуар, ислам, прозелитизм, христианство, реформистские течения, да'ва

Для цитирования: Садовская Л.М. Ислам и его роль в цивилизационном развитии Кот-д'Ивуара. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 48-54. DOI: 10.31857/S032150750015954-1

Islam and its role in the civilizational development of Côte d'Ivoire

© Lubov M. Sadovskaya^а, 2021

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Science,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3765-9736
lubowsadovskaya@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the evolution of Islam in Côte d'Ivoire in the light of the profound changes that have taken place in the country since independence in 1960 and up to the present day. The author explores the reasons for the rapid increase in the number of Islamized residents compared to other West African countries, especially during the first 30 years of independent development. This was a period of awakening of the collective consciousness and organizational cohesion of Ivorian Muslims. The second stage, since the first multiparty elections in the early 1990s, is associated with the politicization of religion, with a new form of Islamic religious culture, especially in cities - proselytism.

The tariqas, due to their lack of organization, play a secondary role in the modern history of the Muslim societies of Côte d'Ivoire. In addition, the modernization processes have further weakened their influence. Spiritual brotherhoods did not become a barrier to the spread of reformist teachings that were associated with Sunni Islam, a departure from Sufi spirituality. The reformist elite of the Ivorian Muslim community made extensive use of the Quranic concept of da'wa in their religious propaganda, with its ideology borrowed from the Arab-Islamic world. Its main goal was the re-islamization of Muslim society, the introduction of political Islam.

The paper examines the problems of relations between Ivorian Muslims and Christians, which have not always been peaceful, especially during periods of military and political crises, when they were intertwined with ethnic ones. The coming to power in 2011 of A.Ouattara, the first Muslim president, contributed to the preservation of a stable balance between faiths thanks to his clerical policy.

Keywords: Côte d'Ivoire Islam, proselytism, Christianity, reformist movements, da'wa

For citation: Lubov M. Sadovskaya. Islam and its role in the civilizational development of Côte d'Ivoire. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 8. Pp. 48-54. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015954-1

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении первых трех десятилетий независимого развития Кот-д'Ивуара (1960-1990 гг.) религиозный фактор не оказывал сколько-нибудь заметного влияния на социально-политическую ситуацию в стране. По мнению французского исследователя Мари-Натали Лёблан, в тот период Кот-д'Ивуар считался в западноафриканском регионе носителем европейско-христианских ценностей, воплощавших прогресс. Страна воспринималась, скорее, как христианская, нежели как мусульманская. Ее политическая конфигурация создавалась благодаря религиозной принадлежности первого президента Феликса Уфуэ-Буаьи (1960-1993 гг.), исповедовавшего католичество¹ [1]. Ислам же, напротив, долгое время воспринимался в качестве «антитезы прогрессу, тормоза всего современного» [2, р. 141], и количество христиан в тот период в Кот-д'Ивуаре было больше численности мусульман.

Структурные изменения в экономике и проведение многопартийных выборов в начале 1990-х гг. привели к трансформациям в религиозной сфере и стали причиной раскола между конфессиями.

Важно и то, что к тому времени численность мусульман достигла около 40% населения страны по сравнению с 20% в 1960-е гг.² [3]. Тем не менее, они были меньше представлены в политических органах, чем христиане, доля которых в численности населения едва достигала 34% [4].

Это обстоятельство стало одной из главных причин политизации религии. Религиозные братства теряли свое влияние, особенно на молодое поколение, уступая место новым исламским объединениям, вписавшимся в постколониальный политический порядок и создававшим новые, более привлекательные, формы мусульманской общности, особенно в мегаполисе Абиджане, ставшем примером модернизации страны. Братства там стали считаться пережитком прошлого [5, р. 460]. В Абиджане и других больших городах, главным образом среди молодежи, зародилось прозелитическое движение «Да'ва»³.

М.Миран, крупнейшая исследовательница ивуарийского ислама, проанализировав результаты и последствия прозелитизма в Кот-д'Ивуаре, пришла к выводу, что «Да'ва» оказалась «замечательным мотором» социально-политической активности и «настоящей религиозной революции» в стране [2, р. 145].

Политизация религии совпала с политизацией этнической принадлежности. В стране проживает более 60 разных народов и этнических групп. Исторически северяне - *малинке, бамбара, диола/джола* и *сенуфо* - обращались в ислам с XIII в. Туда к тому времени ислам уже был привнесен *берберами* и *туарегами* из Северной Африки.

Обращение же местного населения в христианство связывают с появлением прибывших вместе с португальскими торговцами католических миссионеров. Оно началось в XVII в. на юге и в прибрежной полосе современной территории страны. В результате этих процессов северная часть нынешнего Кот-д'Ивуара оказалась под влиянием ислама, а южная и прибрежная - христианства.

В наши дни население страны исповедует ислам, христианство и традиционные религии. Согласно последней переписи, проведенной в 2014 г., при численности населения 14,2 млн человек⁴, 42,9% жителей придерживались ислама (большинство - сунниты маликийской школы), остальные: христиане - 33,9%, анимисты - 4,1, и 19,1% не считают себя приверженцами какой-либо религии [6].

Католическая церковь в Кот-д'Ивуаре представлена 4-мя архиепархиями и 11-ю диоцезами. Архиепископом Абиджана в 2005 г. был назначен кардинал Жан-Пьер Кутве. Местом паломничества христиан стала базилика Нотр-Дам-дэ-ля-Пэ (Богоматерь мира) в Ямусукро, столице страны. Ее строительство продолжалось в течение 5 лет - с 1985 по 1989 гг. В 1990 г. она была освящена Папой Иоанном Павлом II. Нотр-Дам-дэ-ля-Пэ - символ веры и силы католической церкви в Африке. Она считается вторым по величине в мире католическим храмом после собора Святого Петра в Риме, и напоминает его архитектурой и внутренним убранством.

Несмотря на заявления президента о финансировании строительства этого сооружения из его личных средств, мусульманская община сочла возведение храма вопиющей несправедливостью [7]. Чтобы не допустить усиления конфронтации между ивуарийскими христианами и мусульманами, в 1992 г. Уфуэ-Буаьи дал разрешение на предоставление в деловом районе Абиджана земли под строительство мечети, которое началось в 1996 г.

К тому времени стало очевидным, что в исламо-христианских отношениях, помимо ценностно-мировоззренческих различий, существовали острые цивилизационные противоречия, затрагивавшие общест-

¹ Для сравнения: если в 1950 г. в Абиджане было всего 5 мечетей, то сейчас их около 600 (*прим. авт.*).

² Столь быстрый рост мусульманского населения произошел, главным образом, за счет мигрантов из соседних с Кот-д'Ивуаром стран (Буркина Фасо, Мали, Гвинеи, Того и др.). Большая часть мигрантов была мусульманами: 72% против 18% христиан [3].

³ «Да'ва» («обращение к исламу») - классическое кораническое понятие (*прим. авт.*).

⁴ По оценкам, в 2020 г. численность населения Сенегала составляла около 17 млн при росте 3% в год (*прим. ред.*).

венные интересы и цели. В религиозной сфере наблюдались три процесса: плюрализации, глобализации и политизации. Религия становилась одним из главных компонентов политической борьбы.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ

Ксенофобская концепция «ивуарийности», автором которой был президент Кот-д'Ивуара А.К.Бедье (1993-1999 гг.), стала активно внедряться в политику и массовое сознание. Она формировала враждебное отношение коренных жителей, в большинстве своем исповедовавших христианство, к иммигрантскому населению, прибывавшему из мусульманских стран и оседавшему на территории государства.

Конфронтация усилилась, когда в стране приостановилось создание новых рабочих мест, но при этом не сократился приток иммигрантов из соседних мусульманских стран и Сахеля. Экономический кризис начала 1990-х гг. привел к дискриминации пришлого населения, которое воспринималось государством и коренными жителями как «чужое» [8, с. 28]. Происходили погромы, нападения на мечети и имамов.

Принятие в 1994 г. нового электорального кодекса обострило проблему натурализации мигрантов, в основном мусульман, имевших удостоверения личности, на основании которых они считались гражданами Кот-д'Ивуара.

Главной же целью введения понятия «ивуарийности» было намерение А.К.Бедье не допустить своего главного соперника - Алассана Уаттару, мусульманина, имевшего буркинийские корни, к президентским выборам 1995 г. Уаттара, бывший премьер-министр в правительстве Уфуэ-Буаньи, обладал высокими профессиональными навыками и авторитетом. Он мог рассчитывать на поддержку северян, в подавляющем большинстве исповедовавших ислам и бывших в массе своей беднее, чем жители юга - христиане.

Манипуляции, связанные с изменением электорального кодекса, помогли А.К.Бедье в 1995 г. занять пост президента. В 1998 г. он провел реформу землепользования, согласно которой только ивуарийцы по происхождению могли владеть землей на законном основании. Французский исследователь К.Видель считает, что «... переход политиков Кот-д'Ивуара от манипуляции латентными чувствами, направленными против иностранцев, к политике ксенофобии на государственном уровне был не только значимым элементом брутализации политического класса страны, но и, что хуже, открывал путь к насилию в обществе» [9]. Что касается мусульманского сообщества, то оно подвергалось жестокому обращению не только при правлении А.К.Бедье и генерала Р.Геи (1999-2000), свергнувшего его, но и при Л.Гбагбо (2000-2010) [10].

Концепция «ивуаризма» переплелась с острыми и болезненными этническими и конфессиональными вопросами. Обострение политической ситуации привело к расколу жителей Кот-д'Ивуара на сторонников (преимущественно мусульман, населявших северные районы) Объединения республиканцев и ее лидера Уаттары и последователей (в основном южан - христиан-католиков) избранного в октябре 2000 г. президента Гбагбо - лидера Ивуарийского народного фронта. Эта борьба ввергла страну в военно-политический кризис 2002-2004 гг. и положила конец исламо-христианской гармонии, существовавшей в годы правления Уфуэ-Буаньи.

Приход к власти в 2011 г. А.Уаттары снизил напряженность между двумя конфессиями. Этому отчасти способствовала его сбалансированная политика, направленная на снижение конфликтности. Наиболее уважаемые христианские и мусульманские религиозные деятели получили должности в государственных учреждениях, например, в Независимой избирательной комиссии. Согласно новой Конституции 2016 г., религиозные деятели могут избираться в нижнюю палату парламента. Уаттара совершает официальные визиты в Саудовскую Аравию, Ватикан и Израиль. Его правительство выделяет деньги на паломничество мусульман в Мекку, католиков в Лурд, протестантов и евангелистов - на Святую Землю [4].

РЕФОРМИСТСКИЕ ТЕЧЕНИЯ И НОВЫЙ ИСЛАМСКИЙ ПРОЗЕЛИТИЗМ

Еще в 1940-е гг. в Кот-д'Ивуаре появились реформистские течения. Их активисты - молодые арабофонные преподаватели, обучавшиеся в одном из старейших университетов мира - Аль-Азхар (основан в Египте в 988 г.), вернувшись на родину, создавали коранические школы нового типа. Их главной целью было продвижение «первоначального знания ислама» [11, с. 219]. Они критиковали тарикаты, которых сравнивали с еретическими сектами, искажавшими смысл и содержание веры, считали их предававшими дело ислама за сотрудничество религиозных братств с колониальными властями.

Российский исследователь Ю.М.Почта полагает, что причиной обращения реформистов к раннеисламскому социальному идеалу под лозунгом «Будущее в прошлом» оказалось то, что он был «предан забвению в результате вмешательства иноверцев и собственных коррупционеров» [12, с. 9].

Активное появление различного рода исламских ассоциаций в дальнейшем совпало с разделением арабо-исламского мира на конкурирующие миссионерские «полюса»: ваххабитскую Саудовскую Аравию и постреволюционный шиитский Иран, проводивших политику исламского прозелитизма.

По сути, все исламские движения, независимо от их направлений и некоторых отличий, были «симбиозом политики и религии» [13, с. 83]. Усиление внедрения политического ислама в Кот-д'Ивуаре совпало с мировым финансовым кризисом, когда Запад снизил объемы своей помощи государствам Сахеля. Деньги же были у стран Персидского залива, откуда и «пришли» салафитские движения вместе с неправительственными организациями.

Французский исследователь ивуарийского ислама Ф.Мадоре выделяет внутри мусульманского сообщества этой страны сторонников общепринятого толкования ислама и приверженцев «первоначального», «правильного» знания вне суфийских братств [14]. Последние сначала называли себя «ортодоксами», затем, с 1990-х гг., «ваххабитами». В настоящее время термины «ваххабиты», «сунниты» и «салафиты» в Кот-д'Ивуаре используются как синонимы⁵ [14].

В начале 1990-х гг. в Абиджане были созданы Высший совет имамов (ВСИ) - организационный центр ивуарийского ислама, не имеющий аналогов в странах Западной Африки, и Национальный исламский совет (НИС), который с 2018 г. из-за разногласий в его руководстве утратил свою активность.

ВСИ считается «официальным голосом» ислама в Кот-д'Ивуаре. Его президентом в течение 14 лет (до самой смерти в 2020 г.) был известный в исламском мире шейх Абубакар Фофана. ВСИ играет важную роль, выполняя функции посредника между мусульманами и властью.

«Ваххабиты» в настоящее время объединяются вокруг Ассоциации суннитских мусульман Кот-д'Ивуара (АСМКИ) и Совета суннитских имамов (ССИ) [3]. С 2000-х гг. суннитская мусульманская община стала хорошо организованной и активной. Ее руководство лучше владеет арабским, нежели французским языком. Обе организации финансируются монархиями Персидского залива. При поддержке НПО *Maktab Ta' awoun* («Бюро сотрудничества») в 2009 г. был открыт Исламский университет Аль-Фурган в Йопугоне, его ректор - президент АСМКИ Фатиг Мусса аль Фарук [14].

С начала 2010-х гг. происходит реорганизация реформистских движений: в них начинают активно привлекаться молодежь и женщины. С избранием в 2007 г. на третьем конгрессе АСМКИ новым президентом ассоциации Фатига Муссы аль Фарука изменился ее статус. Она стала федерацией, объединившей ваххабитские организации - Молодежную ассоциацию мусульман-суннитов Кот-д'Ивуара (МАМСКИ) и Женскую секцию АСМКИ [14]. Однако в 2013 г. обе организации объявили о своей автономии, сохранив салафитскую ориентацию и аффилиацию с АСМКИ, которая создала свой собственный Совет суннитских имамов.

Нельзя не упомянуть еще об одной салафитской организации - Лиге проповедников Кот-д'Ивуара (ЛПКИ), созданной в 1991 г. в Абиджане группой молодых людей с университетскими (в основном саудитскими) дипломами.

Большинство основателей Лиги были безработными, холостыми, с нестабильным экономическим положением. Они выделялись среди молодежи агрессивной манерой поведения и, несмотря на сходство с ваххабитами, не отождествляли себя с их суннитской идеологией, поскольку считали ее «дискредитировавшей себя своим консерватизмом и сектантством» [2, р. 151].

Основатели ЛПКИ рекрутировали проповедников, одновременно создавая местные секции по всей территории страны. Уже в 1992 г. Лига насчитывала 500 членов. Свою главную задачу она видела в миссионерской деятельности и делала упор на образовании. Среди форм «просвещения» были семинары по «использованию» концепции «да'ва», которая, по их мнению, могла бы помочь превратить каждого мусульманина в потенциального миссионера⁶.

Одним из самых необычных мероприятий, организуемых членами этой организации, были «караваны да'ва». Они представляли собой странствующую миссионерскую «экспедицию», которая продолжалась от 7 до 10 дней. К походу готовились заранее: находили деревни, жители которых из-за плохой доступности их местности, если и были обращены в ислам, но многие годы не имели контактов с проповедником. Во время таких экспедиций их участникам нередко удавалось обращать в ислам анимистов и даже христиан. Следует отметить, что свои проповеди они проводили и на местных языках.

Особенностью их прозелитической деятельности было то, что они не делали акцент на этническом происхождении. Для них «быть мусульманином - значит быть *диола*». Этим они хотели подчеркнуть консолидирующую роль ислама в стране. Северяне тоже попадали в группу «диола», хотя они могли быть и малийцами, и буркинийцами [15, р. 41].

В настоящее время большую роль в распространении салафитского влияния в Кот-д'Ивуаре играют СМИ и социальные сети. В 2010 г. Ассоциации суннитских мусульман Кот-д'Ивуара создала в Мане, на запа-

⁵ Российские исследователи ислама в Африке считают восприятие понятий «ваххабизм» и «салафизм» как синонимов неточным. Два течения имеют почти идентичные принципы веры, но различаются методами достижения целей [20, с. 152].

⁶ В исламском мире много учебных заведений, где преподается «да'ва». Исламское богословие учит, что все мусульмане должны участвовать в проповеди ислама, или миссии, известной как «да'ва», которая для них подобна божественному повелению (*прим. авт.*).

де страны, радиостанцию «Аль-Фурган», транслирующую религиозные передачи на французском и на национальных языках. С января 2014 г. АСМКИ располагает официальным сайтом и страницей в *Facebook*. Видные деятели салафизма в Кот-д'Ивуаре имеют возможность распространять информацию в Интернете, в частности, на сайте *Salam.ci*. [16].

Основные салафитские движения Кот-д'Ивуара выступают против радикального ислама - исламизма. Об этом было открыто заявлено на организованной АСМКИв 2015 г. конференции на тему «Ислам, религия, единство и сплоченность», в которой приняли участие 200 имамов со всей страны.

ШИИТЫ И СУННИТЫ

Страны со значительным исламским населением в Африке южнее Сахары уже не первое десятилетие являются до некоторой степени ареной борьбы за влияние шиитской и суннитской моделей ислама. Иранская религиозная «экспансия» использует различные методы: от строительства мечетей и коранических школ до создания совместного бизнеса.

Кот-д'Ивуар служит «домом» для самой большой ливанской общины в Западной Африке (в основном шиитов). 80% ливанцев, проживающих в стране, - мусульмане-шииты⁷, большинство из них находится в Абиджане [17]. Шиитское сообщество живет замкнуто, при общении использует арабский язык, который не понимают большинство ивуарийцев. Члены ливанской шиитской общины избегают смешанных браков и лечатся только в собственных клиниках. Шииты в Кот-д'Ивуаре имеют свой культурный центр и мечеть Фатима Аль-Захра в Маркори⁸, управляемые ассоциацией «Аль-Гадир». Центр был основан в 1999 г. при поддержке Ирана; недавно при нем был открыт университет. Маркори часто называют «маленьким Бейрутом» [17].

Ливанцы владеют крупнейшими компаниями, их вклад в национальный ВВП составляет 8%. В конце 2010 г. ливанские бизнесмены основали свою торговую палату, которая объединяет 273 компании, ежегодный доход которых достигает 1,6 млрд франков КФА (\$4,7 млн). Они дают 15% всех налоговых поступлений в бюджет страны [18].

Однако члены шиитской общины никак не представлены в политической сфере. Прежде всего, это связано с тем, что ивуарийские власти подозревают некоторых из в поддержке «Хезболлы»⁹, что стало причиной отстранения в 2009 г. Абдуллы Менхема Кобейсси, имама мечети в Маркори, от ведения проповедей. Его заподозрили в финансировании этой запрещенной во многих странах организации и в мобилизации молодых людей «на войну против Израиля» [18].

В 2014 г. контакты между шиитской общиной и ВСИ были ослаблены, из-за осложнения отношений между Саудовской Аравией и Ираном. Окончательный разрыв между ВСИ и шиитским сообществом произошел в 2016 г., когда группа шиитов создала свой собственный Высший совет Кот-д'Ивуара [17].

В последние два десятилетия активизировались разного рода мусульманские группы и ассоциации, которые рождаются, трансформируются и исчезают. На их месте возникают другие. Все они борются за сторонников, финансирование и признание. При этом непрозрачные каналы финансирования исламского богослужения, особенно на севере страны, по мнению имама - члена Высшего совета имамов (ВСИ) - Секу Сила, могут поставить под угрозу «счастливое» сосуществование религий в Кот-д'Ивуаре [4].

Специалист по террористическим движениям в Западной Сахаре Ласина Диара отмечает «растущую и прогрессирующую салафизацию в Кот-д'Ивуаре». Он сожалеет об отсутствии реакции со стороны государства и местных религиозных структур и считает, что, хотя «в данный момент нет религиозного насилия, существует сильная нетерпимость» между конфессиями, которая может стать «отправной точкой процесса радикализации ислама» [4].

Подтверждением стали террористические акты: в Гранд-Бассам в 2016 г., унесший жизни 22 человек, и в июне 2020 г. на границе с Мали, приведший к гибели 14 военнослужащих. Нападавшие действовали по инициативе Амаду Куфа, радикального малийского проповедника - основателя и лидера террористической организации «*Katiba Macina*», входящей в состав Группы поддержки ислама и мусульман, связанной с «Аль-Каидой». Считается, что этот проповедник намеревался создать ячейку джихадистов в Комоз - на северо-востоке Кот-д'Ивуара [4]. 60 террористов в настоящее время находятся в заключении. То есть угроза религиозного экстремизма становится вполне реальной для страны.

⁷ Численность шиитов в стране колеблется от 80 до 100 тыс. (прим. авт.).

⁸ Маркори - пригород Абиджана, одна из его 10 коммун (прим. авт.).

⁹ Еще при президенте Б.Обаме американские спецслужбы стали отслеживать движение финансовых потоков ливанской диаспоры в Африке. Можно предположить, что они делились этой информацией, в т.ч. и с ивуарийскими властями (прим. авт.).

Возможно, именно поэтому руководители государства начали менять свое отношение к проблеме радикализации ислама. Пытаясь не допустить ослабления традиционного ислама, в течение последних нескольких лет власти ежегодно направляют на обучение в Марокко¹⁰ 100 ивуарийских имамов [4].

Большую помощь по сдерживанию распространения радикального ислама оказывает медийная группа «Аль-Баян», имеющая свой телевизионный канал с одноименным названием и радиостанцию, проводящую обучающие семинары. Деятельность «Аль-Баян» полностью финансируется ивуарийскими мусульманами [4]. «Аль-Баян» располагает страницей в *Facebook-Communauté musulmane 1.5* [16, p. 165].

Важным фактором сдерживания процессов радикализации ислама может стать рост экономического и политического потенциала мусульманской общины, которая «со временем может превратиться во влиятельный центр силы полицентричного мира» [19, с. 58].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время наибольшую опасность для мусульманского сообщества Кот-д'Ивуара представляет бедность его членов. В тюрьмах Абиджана 80% заключенных - мусульмане, большинство из которых молодежь, организованная в банды, нападающие на прохожих. Возможно, она еще не попала под влияние джихадистов, но это только вопрос времени. Ивуарийские власти, понимая важность проблемы, уже инициировали кампанию по ресоциализации этих молодых людей [17].

Хотя в стране активно действуют неправительственные организации, финансируемые странами Персидского залива, ивуарийские мусульмане пока мало поддаются экстремизму. Не зря ислам в Кот-д'Ивуаре называют «исламом золотой середины». Этому, безусловно, способствует сдержанная политика властей по отношению к двум главным конфессиям, сосуществующим в стране длительное время. Ислам в Кот-д'Ивуаре не занимает ни главное, ни второстепенное положение, оставаясь умеренным, структурированным и институционализированным под «зонтиком» ВСИ.

Нельзя не учитывать тот факт, что христианство оказало значительное влияние на новую мусульманскую культуру, результатом которого стало терпимое отношение двух конфессий друг к другу. Однако религиозный фактор в Кот-д'Ивуаре уже не раз оказывал влияние на обстановку в стране во время военно-политических кризисов, связанных, как правило, с борьбой за власть.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Le Blanc Marie Nathalie. 2003. Les jeunes musulmans et les jeunes chrétiens en Côte d'Ivoire. *Antropologie et société*, Université Laval. Vol. 27, № 1. <https://id.erudit.org/iderudit/00703at> (accessed 03.12.2020)
2. Miran Marie. 2000. Vers un nouveau prosélytisme islamique en Côte d'Ivoire: une révolution discrète. Grégoire Emmanuel, Schmitz Jean (eds.). *Afrique noire et monde arabe: continuité et rupture. Autrepart (16)*. Pp. 139-160. ISBN 2-87678-596-X
3. Kamagaté Abahébou. 2018. Conseil National Islamique: histoire d'une symphonie inachevée. 111 p. *ALQALAM*. ISSN 978_1-9831990
4. Gorlay Youenn et Ciyow Yassin. 2020. En Côte d'Ivoire, l'islam, du juste milieu, fragilisé par une percée du salafisme. https://lemonde-fr/afrique/article/2020/07/07/en-cote-d-ivoire-l-islam-du-juste-milieu-fragilise-par-une-percee-du-salafisme_6045511_3212.html (accessed 05.12.2020)
5. Miran Marie. 2005. La Tijāniyya à Abidjan, entre désuétude et renaissance. L'oeuvre moderniste d' El Hāji Ahmed Tijāni Bā, cheikh tijāni réformiste en Côte d'Ivoire contemporaine. *La Tijāniyya. Une confrérie musulmane à la conquête de l'Afrique*. Paris: Karthala. Pp. 439-467.
6. Institut Afrique Monde. 2018. Contribution du dialogue interreligieux à la pacification en Afrique de l'Ouest. Côte d'Ivoire, Sénégal, Bénin. Juillet 2018. Pp. 1-57. Part 1: Dialogue interreligieux en Côte d'Ivoire. <https://www.institutafriquemonde.org/docs/IAM%20-%20Etude%20Mediation%20des%20conflits%20et%20pacification.opdf> (accessed 01.12.2020)
7. Kouadjo Colbert. 2015. Côte d'Ivoire: L'islamisme en question: Agora. 18 juillet 2015. <https://agoravoix.fr/actualites/religions/article-cote-d-ivoire-l-islamisme-en-169905> (accessed 05.12.2020)
8. Филиппов В.Р. Кот-д'Ивуар: факторы электорального конфликта. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 5. С. 26-33. Filippov V.R. 2011. Cote d'Ivoire: factors of electoral conflict. *Asia and Africa today*. № 5. (In Russ.)
9. Vidal Claudine. 2008. Frontière de la citoyenneté et violence politique en Côte d'Ivoire. Dakar.
10. Miran Marie-Guyon. 2017. Muslim society and the Ouattara regime in Côte d'Ivoire. Partial elective affinities. *Afrique contemporaine*. Vol. 263-264, Issue 3-4. Pp. 249-254.
11. Ислам в Западной Африке. Отв. ред. А.М.Васильев. М., 1988. 1988. *Islam in West Africa* / Ed. Vasiliev A.M. Moscow. (In Russ.)
12. Почта Ю.М. Исламизм и национализм на Большом Ближнем Востоке: вражда или симбиоз? *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 3. С. 4-11. DOI: 10.31857/S032150750008741-7
- Pochta Yu.M. 2020. Islamism and Nationalism in the Greater Middle East: Enmity or symbiosis? *Aziya i Afrika segodnya*. № 3 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750008741-7

¹⁰ Королевство Марокко является центром маликитской школы ислама, практикуемой на всей территории Западной Африки (прим. авт.).

13. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Политические аспекты современного исламизма. *Полис. Политические исследования*. 2019. № 6. С. 81-94. DOI: 10.17976/jpps/2019.06.07
- Grinin L.E., Korotaev A.V. 2019. Political aspects of contemporary islamism. *Polis. Political Studies*. № 6. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2019.06.07
14. Madoré Frédérick. 2017. Le nouveau dynamisme du salafisme en Côte d'Ivoire: vers une radicalisation de l'islam ivoirien? (Université Laval, Canada). <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01691275/document> (accessed 08.01.2021)
15. Dozon Jean-Pierre. 2011. Les clefs de la crise ivoirienne. Paris: Karthala.
16. Madoré Frédérick. 2016. Islam ivoirien et burkinabé à l'ère du numérique 2.0. <https://corpus.ulaval.ca/jspui/bitstream/20.500.11794/12948/1/Madore-2016-L'islam%20ivoirien%20et%20burkinabé%20à%20i.pdf> (accessed 03.12.2020)
17. Miran Marie. 2017. Islam, état et espace public et Côte d'Ivoire. <https://www.sciencespo.fr/cei/fr/oir/islam-etat-et-espace-public-en-cote-d-ivoire#top> (accessed 16.01.2021)
18. Clemençon Julien. 2017. Côte d'Ivoire: insubmersibles Libanais. <https://www.jeuneafrique.com/mag/450830/economic/cote-divoire-insubmersibles-libanais/> (accessed 14.12.2020)
19. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Мусульманский полюс мировой экономики и джинн глобализации. *Вестник МГИМО Университета*. 2018. № 4 (61). С. 55-77. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-55-77
- Fituni L.L., Abramova I.O. 2018. About the Muslim pole of the world economy and the genie of globalization. *Bulletin of MGIMO University*. № 4 (61). (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-55-77
20. Цивилизационные альтернативы в Африке. Т. III. (отв. ред. Следзевский И.В.). М., ИАФР РАН. 2020. 208 с. 2020. Civilizational alternatives in Africa / Ed. I.V.Sledzevskiy. Vol. 3. Moscow. 208 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Садовская Любовь Михайловна, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Lubov M. Sadovskaya, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Sociological and Political Science Research, Institute for African Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
12.04.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
18.05.2021

Принята к публикации (Accepted)
25.06.2021

Японская кухня в мире: культурный феномен и особенности географии

© Тихоцкая И.С.^{a,b}, Величко Е.С.^{a,c}, 2021

^a МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0002-1534-0505; iritiro@gmail.com

^c ORCID ID: 0000-0003-3493-8227; elizvelich@gmail.com

Резюме. Японская кухня, одна из немногих признанная нематериальным культурным наследием человечества, приобрела большую популярность в мире. Среди главных причин ее привлекательности - ассоциации со здоровым питанием вследствие натурального вкуса и сбалансированности питательных веществ. Большую роль играет и эстетическая составляющая - «еда как искусство», а также интерес к Японии иностранцев. Эффективна и целенаправленная политика правительства страны по продвижению за рубежом японской кухни, ставшей инструментом «мягкой силы».

Проанализировав различия в распространении японских ресторанов в городах, странах и регионах мира, авторы показывают и интерпретируют неоднородность их распространения в мире на разных масштабных уровнях. Высокой долей ресторанов японской кухни отличаются территории, в разное время испытывавшие приток японских мигрантов. На популярность японской кухни влияет её вовлеченность в процессы глобализации, а также наличие экономических и культурных связей с Японией и с США. Американизированный вариант японской кухни, став модным трендом, способствовал ее распространению.

Результаты исследования микрогеографии японской кухни на базе ядерной оценки плотности распределения ресторанов показали, что географию в городах определяет наличие или отсутствие японского этнического квартала.

Ключевые слова: японской кухня, макро- и микрогеография японской кухни, *wasёку*

Для цитирования: Тихоцкая И.С., Величко Е.С. Японская кухня в мире: культурный феномен и особенности географии. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 55-61. DOI: 10.31857/S032150750015947-3

Japanese cuisine in the world: Cultural phenomenon and features of geography

© Irina S. Tikhotskaya^{a,b}, Elizaveta S. Velichko^{a,c}, 2021

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0002-1534-0505; iritiro@gmail.com

^c ORCID ID: 0000-0003-3493-8227; elizvelich@gmail.com

Abstract. Japanese cuisine, one of the few national cuisines considered as intangible cultural heritage of humankind, has gained great popularity around the world. Among the main reasons of its attractiveness to people is the association with a healthy diet due to its natural taste and nutritional balance. The aesthetic component - "food as art" also plays an important role, along with the interest of foreigners in Japanese culture. The deliberate policy of the Japanese government promoting the national cuisine abroad, has become an instrument of "soft power", and is bringing its results.

By analyzing the differences in the distribution of Japanese restaurants in cities, countries and regions of the world, the authors show and interpret the heterogeneity of Japanese cuisine worldwide at different scales. The popularity of Japanese cuisine in a given country depends on its involvement in the process of globalization. One of the most striking examples of the intra-country heterogeneity of Japanese cuisine is the United States.

The study of the microgeography of Japanese cuisine based on a core estimate of restaurant density showed that the geography of Japanese cuisine in the cities is determined by the presence or absence of a Japanese ethnic district. In case if there is one, the core of its concentration is located there, otherwise it coincides with the core of the restaurants and city as a whole.

Keywords: Japanese cuisine, macro- and microgeography of Japanese cuisine, *washoku*

For citation: Tikhotskaya I.S., Velichko E.S. Japanese cuisine in the world: Cultural phenomenon and features of geography. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 8. Pp. 55-61. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015947-3

ВВЕДЕНИЕ

Кулинарные традиции разных стран и регионов распространились по всему миру. Некоторые национальные кухни приобрели особенно широкую мировую популярность, и одна из них - японская кухня. Многообразие видов блюд и широкий диапазон - от ресторанов высшего класса до разнообразных заведе-

ний недорогой повседневной еды - позволяют нередко стать приверженцем японской кухни практически всем и каждому. Многие блюда (*суси, соба, мисоциру*), так же, как и напитки (*сакэ, умэсю, маття* и пр.), стали узнаваемыми брендами в большом числе стран. Причина этого - уникальные свойства японской кухни, а также мода на японскую культуру, в целом.

Распространению и популярности японской кухни в отдельных странах или регионах посвящен целый ряд зарубежных исследований, многие из которых проведены в рамках относительно новой междисциплинарной науки о пище - *Food Studies* (букв. «исследование еды»), сложившейся за рубежом и уже формирующейся в России. В то же время опубликованные работы, как правило, узко специализированы, а географические аспекты распространения японской кухни в мировом масштабе практически не затрагивались. Для отечественной географической науки эта тема также нова (как и исследование других кухонь мира), что обуславливает актуальность данного исследования, посвященного анализу японской кухни как культурного феномена и выявлению особенностей ее распространения и географии в мире.

Среди разнообразных работ, посвященных истории и особенностям распространения и популярности японской кухни в отдельных странах и городах мира (США, Норвегии, Польше, Болгарии, Нидерландах, Малайзии, Китае, Сингапуре, Канаде, Перу, Таиланде, Израиле, Италии и т.д.) выделяются исследования К.Цвертки, изучавшей историю японской и корейской кухни [1].

Работы проф. Гарвардского университета Т.Бестора [2], проф. Оклендского университета Р.Сакамото и проф. Института Кэрнса и Университета Джеймса Кука М.Аллена [3], американского журналиста С.Иссенберга [4], в которых распространение японской кухни анализируется как глобальное явление, затрагивают, однако, лишь отдельные стороны этого процесса, ограничиваясь, например, *суси*, и не рассматривают японскую кухню в целом. Популярность кухонь разных стран исследовали такие ученые, как американский экономист Джоэл Вальдфогель [5] и российский философ и социолог А.Б.Рахманов [6; 7].

Отличительная черта публикаций А.Б.Рахманова: при объяснении причин популярности той или иной кухни он вводит понятие глобального кулинарного пространства - той его разновидности, «для которой характерно то, что в каждой его точке сосуществуют, конкурируют, взаимодействуют и переплетаются национальные кухни из всех стран мира» [6]. С.Ю.Корнекова, д.г.н., и другие авторы монографии «Новые направления в общественно-географических науках» выделяют кулинарное пространство как один из объектов исследования географии продовольственного потребления, однако оставляют открытой проблему истолкования этого понятия [8].

Российские японоведы рассматривали японскую кухню лишь как культурный феномен [9; 10 и др.] или рассказывали о ее кулинарных особенностях [11].

Информационную базу представленного нами исследования составили данные о количестве ресторанов в разных городах мира сайта *Trip Advisor*, дающие возможность оценить и сравнить популярность разных кухонь в отдельных странах и городах. Для изучения количества и характеристик ресторанов было выбрано 890 городов мира с населением свыше 500 тыс. чел., а также меньшие по численности населения столицы стран с помощью специализированного кода на языке программирования *Python*¹.

Полученные данные были агрегированы, проанализированы и визуализированы; затем мы рассчитали долю японской кухни в совокупности всех кухонь ресторанов каждого города и страны и выявили географические различия в популярности японской кухни на разных масштабных уровнях - между регионами мира, странами, частями стран, а также внутри городов.

ЯПОНСКАЯ КУХНЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Культура каждой страны по-своему уникальна, но японская - особенно специфична. Хотя Япония имеет одни исторические и культурные корни с другими странами Азии, она значительно отличается от них во всех отношениях, и её часто называют «азиатским исключением», или «Европой, причалившей к берегам Азии» [12].

Японская культура чрезвычайно популярна за рубежом. Об этом свидетельствует и число людей, изучающих японский язык: по данным *Japan Foundation*, популярность японского языка в 1979-2012 гг. непрерывно возрастала, и после небольшого спада в 2015 г. рост снова возобновился². О широкой распространённости в мире японской культуры свидетельствует и укоренение в иностранных языках таких японских слов, как *икэбана, каратэ, оригами, манга, бонсай, васоби* и др.

Японская кухня - неотъемлемая и значимая часть как японской, так и общемировой культуры. В 2013 г. традиционная японская кухня, *васёку*, была включена в список нематериального культурного мирового

¹ Topnikov M. Tripadvisor Data Mining: Jupyter Notebook. <https://github.com/mtopnikov/TripadvisorDataMining> (accessed 14.01.2020)

² The Japan Foundation - Survey Report on Japanese-Language Education Abroad. 2018. <https://www.jpf.go.jp/e/project/japanese/survey/result/survey18.html> (accessed 03.02.2021)

наследия человечества ЮНЕСКО. В настоящее время лишь две национальные кухни, помимо японской, имеют такой статус - французская и мексиканская.

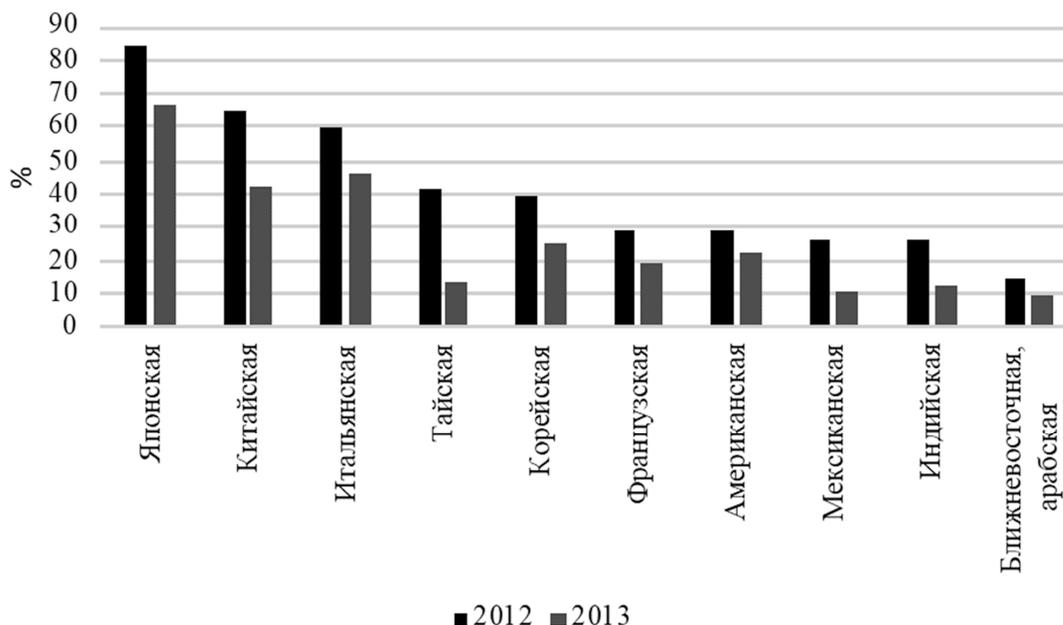

Диаграмма 1. Любимая кухня респондентов JETRO (возможен множественный выбор; кухня страны проживания респондента не включалась).

Diagram 1. Favorite cuisine of JETRO respondents (multiple choices are possible; cuisine of the country of the respondent residence was not included).

Составлено по: 2013 JETRO Global Trade and Investment Report. https://www.jetro.go.jp/en/news/releases/20130808148-news/overview_en1.pdf (accessed 15.02.2020); Further Spreading the Appeal of Japanese Food to the World. Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries (MAFF) (архивная версия). https://web.archive.org/web/20170516201449/https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/maff_2016-1.pdf (accessed 28.03.2021)

По результатам опроса респондентов из 13 стран, проведенного Японской организацией по развитию внешней торговли (JETRO), японская кухня - самая любимая среди зарубежных кухонь мира (см. *диагр. 1*). По данным ученого Миннесотского университета Дж.Вальдфогеля, Япония - третья, после Италии и Китая, страна в мире по «экспорту» национальной кухни [5], а российский социолог А.Рахманов включает её наряду с Китаем и Италией в категорию «кулинарных сверхдержав» [6].

Это свидетельствует о несомненной популярности японской кухни в мире, обусловленной целым рядом причин.

Во-первых, это ее натуральный вкус, сбалансированность питательных веществ. Многие потребители ассоциируют японскую пищу со здоровым питанием и называют это в числе главных причин, по которым им нравится японская кухня [13]. Крупномасштабное исследование ученых Кембриджского университета [14] свидетельствует, что приверженность японскому рациону питания снижает риск как общей, так и смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, особенно среди женщин.

Во-вторых, большое влияние оказывает широкая вовлеченность Японии и японцев в процессы глобализации; экономическое и культурное влияние Японии на другие страны мира, мода на японскую культуру в целом. Наконец, важную роль играет эстетическая составляющая: «еда как искусство» [10] - «внешний вид и символизм - превыше вкуса» [9]. Особенно ярко это проявляется в традиционных японских гостиницах *рёкан* и дорогих ресторанах.

Нельзя не упомянуть и о той большой работе, которую проводит Японский фонд (Japan Foundation) - учреждение под управлением МИД Японии. А государственно-частный фонд *CoolJapan Fund*, созданный в 2013 г. с целью поддержки и поощрения развития зарубежного спроса на «превосходные японские продукты и услуги», спонсирует развитие за рубежом японского бизнеса в области медиакультуры, производства продуктов питания и т.д.

Политика японского правительства по продвижению японской кухни за рубежом, безусловно, способствовала её высокой популярности, но есть и другая причина - резкий рост в Японии числа иностранных туристов (5 млн в 2003 г. и более 30 млн в 2018 г. и 2019 г.), которые по возвращении с удовольствием посещают японские рестораны в своей стране, пусть даже и не аутентичные.

Васёку - не просто еда, а традиционная культура питания. Это «социальная практика, основанная на определенных навыках, знаниях, исторической практике и традициях, связанных с производством, обработкой, приготовлением и потреблением пищи» - именно такое понимание заложено в нее при признании ее нематериальным культурным наследием. Иными словами, это настоящий культурный феномен. В широком смысле «*васёку*» и «японская кухня» - синонимичны. Традиционная японская кухня, *васёку* - один из инструментов «мягкой силы» Японии.

В отличие от принятой на Западе поочередной смене блюд, в Японии обычно на подносе подаются сразу все четыре вида пищи, из которых состоит традиционная японская еда: рис - основной продукт питания; второстепенные компоненты *окадзу* (рыба или овощи); *сиру* (суп) и *цукэмоно* (маринованные овощи). В рационе питания современных японцев очевидны существенные отличия, несмотря на его сближение с европейским. И как подчеркнули почетный проф. Манитобского университета В.Смил и проф. Токийского университета К.Кобаяси, главное состоит в том, что почти полностью натуральное растительное питание японцев, дополненное рыбными, мясными и молочными продуктами, в XX в. достигшее, как и в других развитых странах, изобилия, в Японии не привело к значительному росту калорийности питания, и она не столкнулась с серьезной проблемой ожирения, как другие страны. С нашей точки зрения, причина этого кроется как раз в том, что основы *васёку*, в т.ч. недопущение переизбытка, живы и по сей день.

Японское правительство, безусловно, внутри страны уделяет особое внимание сохранению и популяризации *васёку* в условиях, когда во всем мире все более распространенной становится пища, не требующая больших усилий и затрат времени на ее приготовление - фастфуд. Пропагандируется, в первую очередь, польза сохранения риса в рационе. В 1962 г. потребление риса на душу в год составляло 118,3 кг, а в 2018 г. - 53,5 кг. Следует, однако, учитывать, что если в 1985 г. за счет приобретения готовых блюд и еды вне дома реальное потребление было на 15,2% больше, то в 2019 г. уже на 32,7%. По прогнозам же, японцы будут есть риса меньше³.

В 2005 г. в Японии был принят закон о *сёкуику* - просвещении о правильном питании, направленный на распространение знаний о продовольствии и умении делать надлежащий выбор продуктов питания. Рацион японцев претерпел большие изменения, и в стране ставится цель возвращения к оптимальному пищевому балансу - тому, что дает *васёку* [20]. Например, в студенческих столовых многих японских университетов в чеке указывают, сколько калорий и сколько питательных веществ будет получено с выбранными блюдами и какова норма в зависимости от пола. (При этом выделено 3 группы, для простоты обозначаемых разными цветами: красный - белки, кальций, витамин B1, зеленый - витамины, минералы и пищевые волокна, и желтый - углеводы и жиры.)

А с 2018 г. МСЛРХ Японии запустило проект, смысл которого можно передать так: «Давайте употреблять японский рис!». В его рамках для диетологов, работников детских садов и т.д. проводятся семинары, нацеленные на увеличение потребления риса в стране.

МАКРОГЕОГРАФИЯ ЯПОНСКОЙ КУХНИ

Общее число ресторанов японской кухни в мире (без Японии) в 2006 г. составляло 26 тыс., в 2017 г. - 117,5 тыс., а в 2019 г. - 156 тыс. (см. *диагр.* 2), т.е. в 6 раз больше (увеличившись в 2017-2019 гг. на 34,5%). Столь резкий скачок произошел, главным образом, вследствие быстрого роста среднего класса в странах Азии. На долю ресторанов японской кухни теперь приходится 65% всех японских ресторанов за рубежом. На 2-м месте находится Северная Америка (около 30% ресторанов). В Африке, например, всего 500 ресторанов японской кухни, но за тот же короткий период времени их число удвоилось⁴.

И мода на японскую кухню, рост ее популярности, начавшейся еще в 1970-е гг. в США и в 1990-е гг. в Европе и многих других странах мира, продолжается, несмотря даже на пандемию *COVID-19* и трудности ресторанного бизнеса. Например, в Сингапуре за июнь-август 2020 г. было открыто, как минимум, 5 ресторанов - от изысканных ресторанов *суси* до семейных ресторанов-закусочных⁵.

Для изучения макрогеографии мы рассчитали долю японской кухни в общей совокупности кухонь ресторанов города или страны и по макрорегионам (этот показатель далее мы называем долей японских ресторанов), что свидетельствует о большей или меньшей популярности японской кухни.

³ Please tell us the amount of rice consumed per person per year. MAFF. https://www.maff.go.jp/j/heyakodomo_sodan/0405/05.html (accessed 28.03.2021) (In Jap.); Alias Bin Abdullah, Shoichi Ito, Kelali Adhana. Estimate of rice consumption in Asian countries and the world towards 2050. <http://worldfood.apionet.or.jp/alias.pdf> (accessed 28.03.2021)

⁴ Matsuo Y. Japanese restaurants in Asia grow 50% in 2 years. 28.01.2020. <https://asia.nikkei.com/Business/Food-Beverage/Japanese-restaurants-in-Asia-grow-50-in-2-years> (accessed 10.02.2021)

⁵ Wong Ah Yoke. Amid Covid-19 pandemic and downturn, several Japanese eateries have opened and are doing well. *The Straits Times*. 29.08.2020 (accessed 27.03.2021)

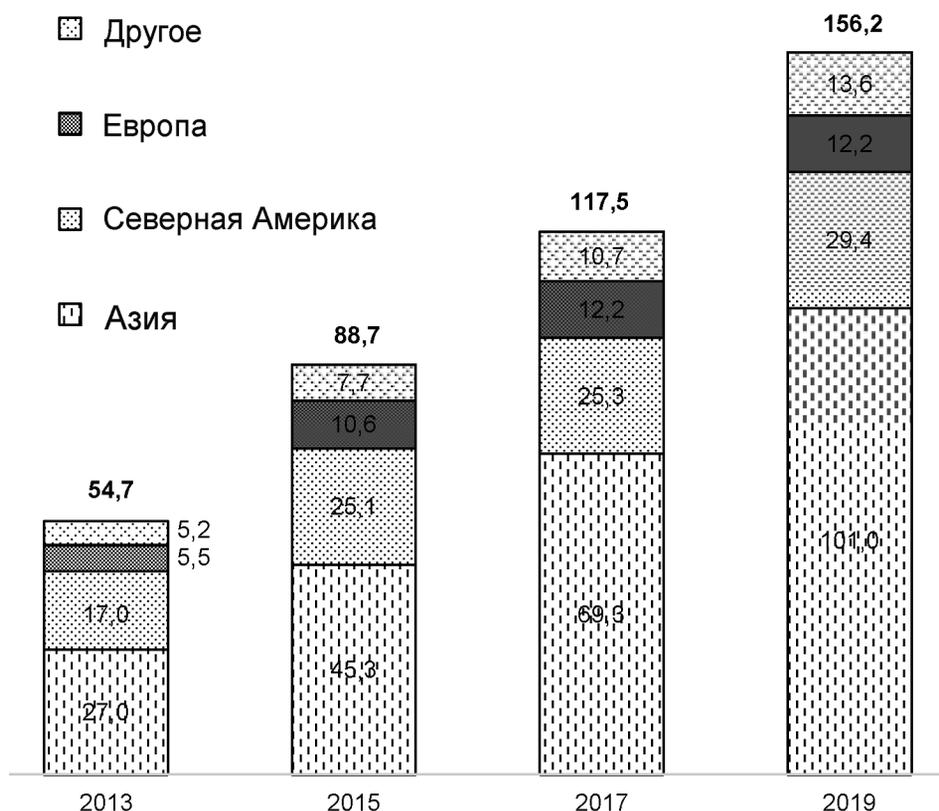

Диаграмма 2. Количество японских ресторанов по регионам мира, 2013-2019 гг.
Diagram 2. Number of Japanese restaurants by the world regions, 2013-2019.

Составлено авторами по: FY 2019. Summary of the Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-177.pdf> (accessed 15.02.2021)

Различия в популярности японской кухни проявляются на разных масштабных уровнях. На уровне макрорегионов высокой долей японских ресторанов ожидаемо отличается Азия, а точнее - Восточная и Юго-Восточная Азия. Это обусловлено географической и культурной близостью этих стран, а также активными экономическими контактами между ними. Выше среднего популярность и в Австралии и Океании, а также в России и некоторых сопредельных государствах. Самая низкая доля японской кухни (среди стран и регионов, где её можно было корректно рассчитать) наблюдается в странах Африки, Балканского полуострова, Индии и Пакистане, что связано как со значительной географической удаленностью, так и слабыми экономическими связями, и более низким уровнем экономического развития этих стран в целом. Кроме того, особенно в случае Индии, где широко практикуется вегетарианство, это объясняется значительными культурными различиями, а также тем, что свежие морепродукты для большей части населения никогда не входили в традиционный рацион питания.

Неодинакова ситуация и внутри регионов. На Тайване доля японской кухни (15%) более чем в 2 раза выше, чем в материковом Китае (6%), где она почти вдвое больше, чем в Республике Корея (3,5%). В Корее с послевоенных времен сильны антияпонские настроения, а Тайвань, наоборот, одно из самых дружественных к Японии образований Азии.

Популярность японской кухни, как правило, выше среднего на территориях, испытавших в разные периоды времени приток японских мигрантов. Сейчас там живут их потомки - *никкэйдзин*, численность которых в мире превышает 3 млн человек. Поэтому японская кухня особенно популярна в США, Чили, Бразилии, Канаде. Подобная тенденция, как будет показано ниже, наблюдается и в микрогеографии городов.

Распространение японской кухни в США началось с иммиграции в страну японцев, что, в свою очередь, связано с географической близостью американского западного побережья к Японии: первые крупные общины японцев появились на Гавайях и западе США вскоре после начала эпохи Мэйдзи. Большинство иммигрантов составляли сельские жители, которые устраивались на работу на плантации, стройки, лесопилки. Вторая волна миграции японцев пришлось на период после Второй мировой войны и состояла, в отли-

чие от «синих воротничков» первой волны, в большой степени из обеспеченных людей и бизнесменов, поэтому вторым центром распространения японской кухни стал Нью-Йорк [2].

В результате, США суждено было стать центром распространения японской кухни и в особенности *суси*. Во всем мире получил известность и быстро приобрел популярность американизированный вариант *суси* - роллы «Калифорния» и «Филадельфия», которых нет в традиционной японской кухне.

Таким образом, в разных регионах и странах японская кухня представлена по-разному, и многие блюда очень далеки от оригинала, а аутентичные блюда часто подают только в ресторанах высшего класса. Вместе с тем, многие страны мира уже прошли этап появления японской кухни и сейчас находятся на этапе её эволюции: появления ресторанов, подающих всё более разнообразные варианты японских блюд. Кроме того, число сертифицированных иностранных поваров, обладающих определенным уровнем знаний и навыков приготовления блюд японской кухни, по данным МСЛРХ, за 2017-2019 гг., увеличилось более чем в 2 раза (с 470 до 1080)⁶.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯПОНСКОЙ КУХНИ НА МИКРОУРОВНЕ

Для изучения географии японской кухни на микроуровне из числа городов с наибольшим количеством ресторанов японской кухни были выбраны 12: Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Сан-Паулу, Москва, Париж, Лондон, Милан, Шанхай, Тайбэй, Сингапур и Джакарта. В качестве показателя, отражающего особенности размещения ресторанов в городе, использовалась ядерная оценка плотности их распределения, рассчитанная с помощью программы *QGIS*. Значение этого показателя в каждой точке на схеме соответствует количеству ресторанов японской кухни в радиусе 1000 м от этой точки (пикселя, соответствующего участку 10×10 м). Результаты вычислений показали, что ядра концентрации японских ресторанов в городе могут совпадать, частично совпадать или не совпадать с ядрами концентрации ресторанов, в целом.

Первые японские мигранты имели склонность к компактному проживанию и формированию общин, и первые японские рестораны появлялись в пределах японских этнических кварталов и долгое время развивались только там: в Маленьком Токио Лос-Анджелеса или Либердади Сан-Паулу. И в настоящее время рестораны национальных кухонь считаются одним из маркеров этнических кварталов разных народов. Наше исследование подтвердило, что географию японской кухни в городах, прежде всего, как раз и определяет наличие или отсутствие японского этнического квартала. При его наличии именно в нем располагается ядро концентрации ресторанов японской кухни.

Например, «Джапан-таун», сформировавшийся в Сан-Франциско еще в XIX в., был разрушен во время землетрясения 1906 г. и перенесен на запад города, где находится до сих пор в виде этнического квартала - «музея», одного из самых знаменитых в мире. Аналогичная особенность микрогеографии наблюдается также в Лос-Анджелесе, Сан-Паулу, Сингапуре и Шанхае и частично - в Тайбэе.

В тех городах, где нет японского этнического квартала, как например, в Москве, Лондоне, Джакарте, Нью-Йорке, ядро японских ресторанов совпадает с ядром ресторанов и города, в целом, а в Париже и Милане совпадают с одним из нескольких городских ядер концентрации ресторанов в целом. В обоих случаях эти районы в прессе называют «Литл Токио», хотя они не связаны с проживанием там японцев - в этих районах концентрировалась только деятельность японских мигрантов. В Париже рестораны японской кухни концентрируются в районе Оперы; при этом японское население Парижа проживает в других районах города.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Японская кухня, представляющая собой настоящий культурный феномен, занимает важное место в экономике и культуре мира. Её рестораны популярны и многочисленны во многих странах и городах, и их число продолжает расти. Будучи третьей после Италии и Китая страной в мире по «экспорту» национальной кухни, Япония проводит эффективную политику по продвижению ее в мире. Большую роль в росте популярности японской кухни играет и активное развитие иностранного туризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cwiertka K.J. 2001. Japanese food in Holland: the global trend spreads. *Food Culture*, V. 3. pp. 15-19.
2. Bestor T. 2014. Most F(l)avored Nation Status: The Gastrodiplomacy of Japan's Global Promotion of Cuisine. *Public Diplomacy Magazine*. V. 11. pp. 57-60.

⁶ Summary of the Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. MAFF. May 2018. <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-93.pdf> (accessed 25.03.2021); World-renowned chefs of Japanese cuisine. <https://tasteofjapan.maff.go.jp/en/pr/> (accessed 25.03.2021)

3. Sakamoto R., Allen M. 2011. There's something fishy about that sushi: how Japan interprets the global sushi boom. *Japan forum*. V. 23, №1, pp. 99-121.
4. Issenberg S. The sushi economy: Globalization and the making of a modern delicacy. New York: Gotham Books, 2007.
5. Waldfogel J. 2019. Dining out as cultural trade. *Journal of Cultural Economics*. August.
6. Рахманов А.Б. Глобальное кулинарное пространство и иерархия кулинарных держав. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2017. № 37, с. 223-231.
7. Рахманов А.Б. Детерминанты глобального кулинарного пространства. *ЭКО*. 2017. № 7, с. 72-88.
8. Корнекова С.Ю., Мартынов В.Л., Файбусович Э.Л. Новые направления в общественно-географических науках. СПб, 2017.
9. Мещеряков А.Н. Краткая история японской еды. <https://arzamas.academy/materials/745> (accessed 05.02.2021)
10. Тихоцкая И.С. Еда как искусство. *Эксперт*. 2005. № 3.
11. Маркарян С.Б., Молодякова Э.В. Секреты японской кухни. М., Япония сегодня. 2001.
12. Тихоцкая И.С. Социально-экономическая география Японии. Жизненный цикл японцев. М., 2003.
13. Altintzoglou T. et al. 2016. Traditional sushi for modern consumers: a comparison between sushi consumption behavior in Japan and Norway. *Journal of Food Products Marketing*, V. 22, № 6.
14. Okada E., Nakamura K. et al. 2018. The Japanese food score and risk of all-cause, CVD and cancer mortality: the Japan Collaborative Cohort Study. *British Journal of Nutrition*, № 120(4).
15. Социально-экономическая география Японии. Под ред. Тихоцкой И.С. М., Аспект пресс. 2016.

REFERENCES

1. Cwiertka K.J. 2001. Japanese food in Holland: the global trend spreads. *Food Culture*, V. 3. pp. 15-19.
2. Bestor T. 2014. Most F(l)avored Nation Status: The Gastrodiplomacy of Japan's Global Promotion of Cuisine. *Public Diplomacy Magazine*. V. 11. pp. 57-60.
3. Sakamoto R., Allen M. 2011. There's something fishy about that sushi: how Japan interprets the global sushi boom. *Japan forum*. V. 23, №1, pp. 99-121.
4. Issenberg S. The sushi economy: Globalization and the making of a modern delicacy. New York: Gotham Books, 2007.
5. Waldfogel J. 2019. Dining out as cultural trade. *Journal of Cultural Economics*. August.
6. Rakhmanov A.B. 2017. Global cooking space and hierarchy of culinary powers *Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science*. № 37. Tomsk (In Russ.)
7. Rakhmanov A.B. 2017. Determinants of the Global Cooking Space. *ECO journal (ECONomics and industrial Engineering)*. № 7. Moscow. (In Russ.)
8. Kornekova S.Yu., Martynov V.L., Faibusovich E.L. 2017. New directions in social and geographical sciences. SPb. (In Russ.)
9. Meshcheryakov A.N. A brief history of Japanese food. (In Russ). <https://arzamas.academy/materials/745> (accessed 05.02.2021).
10. Tikhotskaya I.S. 2005. Food as art. *Expert*. № 3. Moscow. (In Russ.)
11. Markaryan S.B., Molodyakova E.V. 2001. Secrets of Japanese Cuisine. *Japan Today*. Moscow.
12. Tikhotskaya I.S. 2003. Social Economic Geography of Japan. Life Cycle of the Japanese. Moscow.
13. Altintzoglou T. et al. 2016. Traditional sushi for modern consumers: a comparison between sushi consumption behavior in Japan and Norway. *Journal of Food Products Marketing*, V. 22, № 6.
14. Okada E., Nakamura K. et al. 2018. The Japanese food score and risk of all-cause, CVD and cancer mortality: the Japan Collaborative Cohort Study. *British Journal of Nutrition*, № 120(4).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тихоцкая Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Irina S. Tikhotskaya, PhD (Economics), Associate Professor, Department of Social and Economic Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Величко Елизавета Сергеевна, студентка географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Elizaveta S. Velichko, student, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
20.03.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
10.04.2021

Принята к публикации (Accepted)
24.05.2021

COVID в Африке

DOI: 10.31857/S032150750014299-0

Оригинальная статья / Original article

Вызовы марокканской экономике в период пандемии

© Махмутова М.И.^а, 2021^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-9681-7071

makhmutova.maria@yandex.ru

Резюме. В статье исследуется влияние пандемии *COVID-19* на экономику Марокко, а также меры, которые были приняты властями королевства для противодействия ее негативным последствиям. Изначально, незадолго до кризиса, все прогнозы в области здравоохранения, касающиеся Рабата, не были объективными, т.к. не могли учесть будущих изменений в мире. Марокко рассчитывало в 2020 г. на динамичное развитие.

Однако внезапная волна пандемии внесла в экономику сильные изменения. Была нарушена работа важных ее секторов из-за того, что пострадали глобальные цепочки торговли. Зависимость Марокко от иностранного капитала также продемонстрировала хрупкость внутреннего рынка. В частности, королевство столкнулось с замораживанием инвестиций и сокращением валютных переводов представителей марокканской диаспоры за рубежом. Сильнее всего пострадал сектор туризма, негативные сдвиги были отмечены в автомобильном производстве, колебания затронули также банковский сектор страны, зависимый от французских партнеров.

Чтобы смягчить столь сильный удар по экономике Марокко, правительство пошло по пути наращивания внешних займов, что привело к росту долгов до 80% ВВП в 2021 г. Рабат начал разрабатывать ряд программ помощи частному сектору - они затронули микробизнес, малый и средний. Правительство рассчитывает, что путем выдачи льготных ссуд, оно сможет добиться быстрого оживления небольших предприятий. Это снизит безработицу и, возможно, возобновит прежний объем налоговых отчислений.

Ключевые слова: Марокко, Рабат, Магриб, пандемия, *COVID-19*, экономика, экономический кризис, внешние займы

Для цитирования: Махмутова М.И. Вызовы марокканской экономике в период пандемии. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 62-66. DOI: 10.31857/S032150750014299-0

Challenges to the Moroccan economy during the pandemic

© Maria I. Makhmutova^a, 2021^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-9681-7071

makhmutova.maria@yandex.ru

Abstract. The article examines the impact of the *COVID-19* pandemic on the Moroccan economy, as well as the measures that have been taken by the kingdom's authorities to counter the negative consequences. It is noted that initially, all forecasts shortly before the health crisis concerning Rabat were not objective, since they could not take into account future changes in the world. Thus, Morocco counted on dynamic development in 2020.

However, the sudden wave of the pandemic has made a dramatic difference. Important sectors of the economy have been disrupted as global trade chains have been affected. Moreover, Morocco's dependence on foreign capital also demonstrated the fragility of the domestic market. In particular, the kingdom faced an investment freeze and a reduction in foreign exchange remittances by representatives of the Moroccan diaspora abroad. The tourism sector suffered the most, negative shifts were noted in the automotive production, as well as fluctuations affected the country's banking sector, which is dependent on French partners.

To neutralize such a strong blow to the Moroccan economy, the government took the path of increasing foreign loans, which led to an increase in debt to 80% of GDP in 2021. To mitigate challenges in the domestic market, Rabat began to develop a number of programs to help the private sector. They affected micro, small and medium businesses. By introducing them, the government expects that by issuing concessional loans, it will be able to achieve a quick revival of small enterprises. In turn, this will reduce unemployment and, possibly, resume the previous volume of tax deductions.

Keywords: Morocco, Rabat, Maghreb, pandemic, *COVID-19*, economy, economic crisis, external loans

For citation: Makhmutova M.I. Challenges to the Moroccan economy during the pandemic. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 8. Pp. 62-66. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014299-0

ВВЕДЕНИЕ

В конце 2019 г. прогнозы западных аналитиков, касающиеся Марокко, были довольно позитивными. Предполагалось, что страна продолжит активное сотрудничество со странами ЕС в области миграции, безопасности и экономики [13]. ВВП страны в 2019 г. составил \$119 млрд и ожидалось, что в 2020 г. он вырастет на 3,4% благодаря расширению сельскохозяйственного сектора. Не исключалось и усиление Рабата в таких отраслях, как производство фосфатов и туризм.

Бюджет изначально был утвержден на уровне \$34 млрд, дефицит ожидался примерно 3,6%, а инфляция прогнозировалась около 1%. Государственный долг к началу 2020 г. стабилизировался на уровне 65% ВВП¹. Для стимулирования экономики руководство страны планировало снизить налоги на легкую промышленность, создать специальный фонд для малого бизнеса и сократить субсидии для предприятий, ориентированных на экспорт товаров и услуг [3, с. 39].

Министр финансов Н.Барака заявил, что Рабат будет выходить на международный рынок суверенных облигаций, объем которых должен был составить \$1,5 млрд. Последний выпуск облигаций в 2014 г. на сумму \$1,1 млрд был запланирован для диверсификации государственного долга и использования низких процентных ставок [5]. Меры, запланированные на 2020 г., носили тот же характер.

Изменения должны были коснуться и зон свободной торговли (ЗСТ), т.к. государство планировало предпринять шаги для защиты национального производителя, особенно бизнесменов, приближенных к королевскому двору. Правительство хотело заменить ЗСТ на «ускоренные промышленные зоны» и урезать стимулы для транснациональных компаний. Предприятия, уже созданные в ЗСТ, должны были первые 5 лет продолжать работать без уплаты налога на прибыль, а в течение следующих 20 лет налог составил бы 8,75%. Новые компании могли бы по-прежнему получать пятилетнее первоначальное освобождение от налогов, но ставка по их окончанию составила бы 15%.

Несмотря на проблемы в экономике, Марокко сохраняло имидж привлекательного партнера в области инвестиционного партнерства среди североафриканских стран [2, с. 31]. Аналитическое сообщество исключало возможность внезапного обвала мировой экономик.

РЕАГИРОВАНИЕ НА КРИЗИС В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Волна пандемии внесла резкие и неожиданные изменения. Первый случай заражения *COVID-19* был зарегистрирован 2 марта 2020 г., носителем стал марокканец, прибывший из Италии². После 7 завезенных случаев Марокко приостановило сообщение с Италией, Францией, Испанией и Алжиром.

Однако количество зараженных продолжало расти. Эпидемия, в основном, распространилась в столице, Касабланке, Тетуане и Хурибге. Власти приняли решение о закрытии школ и университетов, переведя детей на онлайн-обучение. Марокканцы не имели права передвигаться дальше своего жилого пространства, королевство закрыло мечети и иные места общих собраний, доступными остались только магазины и аптеки.

19 марта 2020 г. правительство объявило чрезвычайное положение в области здравоохранения до июля. Вторая волна пандемии началась осенью, и с 6 сентября 2020 г. власти стали вводить ограничения. Строгие меры привели из-за экономических вызовов к протестным настроениям в таких городах, как Танжер, Фес и Сале [14, р. 55]. В ответ на несоблюдение режима полиция стала арестовывать граждан.

Система здравоохранения Марокко, как и во многих государствах Северной Африки, находится на низком уровне по сравнению с развитыми экономиками мира. Согласно статистике, на 1000 человек приходится 0,73 врача, а больничных коек - 1,1 на 100 тыс. человек. Существует значительное региональное неравенство в предоставлении медицинских услуг: наиболее оснащенные больницы сосредоточены в Касабланке и Рабате, притом, что большая часть бедного населения по-прежнему проживает в сельских районах. Это важный фактор, усложняющий для граждан возможность получить доступ к медицинским услугам [12, р. 22932В].

Согласно заявлению министра здравоохранения М.А.Доукали, в 2019 г., около 40% граждан не имеют медицинских страховок. Как отмечали сами марокканцы, в государственных больницах и поликлиниках - распространена коррупция. Если гражданину нужно получить помощь, то он должен дать за это взятку³. Понимая эти проблемы, власти страны приняли решение открыть диагностические центры даже в мелких городах [7, р. 2]. Однако значительного положительного эффекта это не принесло.

¹ Morocco Economic Outlook. 28 February 2020. *IHS Market*, 2020. P. 5.

² Latest news on Coronavirus disease. <http://www.covidmaroc.ma/Pages/AccueilAR.aspx> (In Arab.) (accessed 01.11.2020)

³ Coronavirus cases confirmed in Morocco. <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=729172256&Country=Morocco&topic=Economy&subtopic=Outlook> (accessed 01.11.2020)

ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Несомненно, введение ограничений и закрытие границ привело к мощным экономическим сдвигам, т.к. пострадали глобальные цепочки торговли. Начала спадать активность частного сектора: пострадало около 70% предприятий⁴. Стало очевидным, что начнутся задержки выплат корпоративных и подоходных налогов. Негативный эффект был связан и с сокращением перечислений из-за рубежа марокканскими мигрантами своим семьям примерно на 5% (до \$6,6 млрд), а также с уменьшением инвестиционных вложений на 49% (до \$6,8 млрд)⁵.

Особенно пострадал туристический сектор, от которого зависит свыше 7% ВВП [1, с. 243]. Национальная туристическая конфедерация констатировала, что число посетителей в 2020 г. сократилось на 98% по сравнению с 2019 г. (13 млн человек), а это привело к потере \$3,4 млрд, а также поставило под угрозу 500 тыс. рабочих мест и 8,5 тыс. предприятий. Ранее государственная стратегия *Vision 2020* основывалась на том, что королевство войдет в двадцатку лучших туристических направлений. Однако в текущих условиях предполагается, что восстановление предыдущих показателей станет возможным только к 2024 г., поскольку инвесторы и девелоперы будут выжидать более подходящих условий для коммерческой деятельности⁶.

Беспрецедентный кризис затронул текстильный сектор, обеспечивающий свыше 210 тыс. рабочих мест. С марта по апрель 2020 г. закрылись 90% предприятий. С вызовами столкнулся сектор автомобилестроения, обеспечивающий 27% экспортных продаж и 200 тыс. рабочих мест. Это было связано со сбоями цепочек поставок из Китая деталей для сборки автомобилей, а также с приостановкой работы предприятий *-Groupe PSA (Peugeot Société Anonyme)* и *Renault*. Оффшоринг в Марокко пользовался высоким спросом у испанских и французских компаний, но многие из них резко сократили персонал в стране из-за спада клиентского спроса.

Проблемы были отмечены и в банковском секторе, поскольку ключевая опора марокканских банков - французские, а те испытали спад на фондовом рынке (*Societe Generale* - 6%, *BNP Paribas* и *Natixis* - на 5,5%, а *Crédit Agricole* - на 4%) [4, p. 2]. Чтобы избежать резкой инфляции, Центральный банк Марокко в середине марта 2020 г. снизил ключевую процентную ставку с 2,25% до 2%, а уже в июне до 1,5%⁷. Благодаря этому средняя ставка по кредитам среди частных банков составила 4,5%.

Вызовом для Рабата в 2020 г. стало отсутствие осадков в зимний период, что привело к проблемам в сельскохозяйственном секторе. Урожай был очень скудным [11, p. 23113C], и уже в конце марта марокканская страховая компания *MAMDA* выплатила \$20 млн в качестве компенсации фермерам в регионе Марракеш-Сафи. Учитывая, что в текущих условиях королевство вынуждено импортировать больше сельскохозяйственных продуктов, весной было решено отменить таможенные пошлины на мягкую и твердую пшеницу, нут, бобы, фасоль и чечевицу.

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИЗИСУ

Для противодействия экономическому кризису 4 апреля 2020 г. кабинет премьер-министра С.А.аль-Османи одобрил закон, который разрешил государству делать неограниченное количество внешних займов, поскольку ранее их объем не мог превышать \$3 млрд. Чтобы снизить нагрузку на бюджет, дефицит которого к концу марта прогнозировался около 5,3% ВВП (впервые за 24 года)⁸, правительство обратилось за внешней помощью.

ЕС заявил о готовности выдать \$495 млн, \$175 млн, из которых было выделено немедленно. От Арабского валютного фонда королевство получило \$336 млн, от Африканского банка развития - \$264 млн, от Всемирного банка - \$48 млн. Рабат также воспользовался программой осмотрительного кредитования и поддержания ликвидности (*precautionary and liquidity line*) от МВФ (одобрено было в 2018 г.) на сумму \$2,9 млрд⁹. Поскольку это были не последние заимствования, к началу 2021 г. долг вырос с 65% ВВП до 80% ВВП.

⁴ Impact of the Coronavirus on the Moroccan economy. <https://www.maghrebvoices.com/trends/2020/05/15/أثر-كورونا-الاقتصاد-المغربي-خبراء-يرصدون-فرصا-لتجاوز-المحنة> (accessed 01.11.2020)

⁵ Unrest simmers over economy and Covid. https://www.africa-confidential.com/article-preview/id/13123/Unrest_simmers_over_economy_and_Covid (accessed 01.11.2020)

⁶ Industry Trend Analysis - Moroccan Commercial Construction Hit Hard by Tourism. Slowdown. https://bmo.bmiresearch.com/article/view?article=1593089&advanced_search=1&matches=7&page=1&position=1 (accessed: 04.11.2020)

⁷ Decisions on monetary policy since 2006. <http://www.bkam.ma/ar/السياسة-النقدية-قرارات-السياسة-النقدية/قرارات-الاستراتيجية> (accessed 01.11.2020)

⁸ Morocco... More serious economic downturn due to Coronavirus. <https://www.skynewsarabia.com/business/1378212-المغرب-ركود-المغرب-الاقتصاد-بسبب-تداعيات-كورونا> (In Arab.) (accessed 01.11.2020)

⁹ Country Report. Morocco. October 15th 2020. *The Economist. Intelligence Unit*, 2020. P. 5.

Государство приняло решение о создании специального фонда для поддержки населения. Резкий рост безработицы привел к тому, что ее уровень к концу 2020 г. достиг 12,5%. Пакет помощи составил \$1 млрд, но вскоре министр финансов М.Бенчаабун заявил о его увеличении до \$3,4 млрд. Гражданам, потерявшим рабочие места, правительство стало выплачивать по \$216 в месяц, а тем, кто был занят в неформальном секторе и зарегистрирован в системе медицинского страхования *RAMED (Régimed'assistancemédicale)*, - по \$86-130. Власти разрешили населению отсрочить выплаты ипотечных кредитов и по потребительским нуждам.

Королевство задействовало Компенсационный фонд, созданный в 2014 г. Фонд в условиях пандемии смог помочь свыше 77 тыс. потерявшим работу гражданам, потратив около \$107 млн. Чтобы воспользоваться его выплатами в размере 70% заработной платы, гражданину необходимо было предоставить декларацию о своей зарплате за последние 36 месяцев [10].

К концу мая 2020 г. стало ясно, что Марокко теряет около \$16 млн в день из-за кризиса: в первой половине года дефицит бюджета составил около \$3 млрд. Для поддержки экономики были разрешены отсрочки налоговых платежей для предприятий с годовым доходом менее \$1,9 млн. Государство реализовало стратегию экстренной помощи частному сектору. В рамках программы *Damage Oxygene* оно взяло на себя ответственность по покрытию до 95% ссуд микропредприятий, малых и средних в течение трех месяцев¹⁰.

Министерство экономики запустило две программы гарантирования кредитов. Первая - *Relance TPE* - направлена на помощь малым предприятиям, ремесленникам и кооперативам с годовым оборотом менее \$1,1 млн и гарантирует до 95% кредитов. Вторая - *Damane Relance* - нацелена на предоставление поддержки малым, средним и крупным предприятиям и гарантирует 80% - 90% суммы займа. Эти ссуды предназначены для покрытия операционных расходов. Выплаты по ним распределяются на 7 лет с двухлетним льготным периодом. Это помогло избежать банкротства 80 тыс. компаниям и сохранить рабочие места [9].

К осени правительство обнародовало план по восстановлению экономики. Основная идея - запуск программ льготных кредитов для частного сектора. Их ставка не может превышать 4%, выплаты ссуд могут продолжаться 4 года с двухлетним льготным периодом. Микро, малые и средние предприятия получили кредиты по такой программе, если их сумма превышала 10% годового оборота, до \$1 млн. Средние и крупные предприятия с оборотом более \$1 млн брали такой кредит, если эта сумма не превышала их дохода за 1,5 месяца.

В сентябре король Мухаммед VI объявил о новых мерах стимулирования экономики, достигавших \$12,8 млрд: они направлены на льготное кредитование частного сектора [6]. Власти выпустили конвертируемые в иностранной валюте государственные облигации в размере \$3 млрд тремя траншами: первый - \$750 млн (срок погашения 7 лет), второй - \$1 млрд (срок погашения - 12 лет), третий - \$1,25 млрд (срок погашения - 30 лет)¹¹.

В августе 2020 г. правительство приняло закон, регулирующий создание нового стратегического инвестиционного фонда им. Мухаммеда VI. Первоначальный его капитал составил \$1,6 млрд из государственного бюджета. В перспективе объем бюджета этого фонда должен составить около \$13 млрд (11% ВВП), из которых \$8 млрд - гарантированные государством займы, а \$5 млрд - средства, привлеченные из Фонда восстановления.

Ключевая идея работы инвестиционного фонда - финансирование важных отраслей: туризма, промышленности, инфраструктуры и сельского хозяйства. Поддержку будут получать крупные государственные компании и средний бизнес. Частные предприятия смогут воспользоваться этим финансированием в случае выдвижения новых проектов, которые будут оцениваться по ряду критериев: инновации, потенциал роста и влияние на население [8].

Проект бюджета на 2021 г., согласно заявлениям министра финансов М.Бенчабуна, направлен на восстановление экономики и расширение сектора здравоохранения. Бюджет основан на экономическом предположении о росте реального ВВП на 4,8% в 2021 г. Правительство страны надеется на быстрое оживление частного сектора и увеличение налоговых поступлений, на рост доходов государственного бюджета и увеличения доходов от таможенных сборов на 36%, а также косвенных налогов на 15%. Дополнительные налоги будут введены для компаний с выручкой более \$543 тыс. в месяц, а также для граждан, чья заработная плата превышает \$13 тыс.

Государство делает столь оптимистичные прогнозы, т.к. стремится к внедрению новой экономической модели, в центре которой должно быть благополучие человека. Согласно докладу Королевского института стратегических исследований, это позволит сократить социальное неравенство и вывести большую часть граждан на уровень среднего класса. Для достижения поставленной задачи королевство намерено изменить территориальное планирование и ускорить региональную интеграцию¹².

¹⁰ Morocco Economic Outlook. 22 January 2021. *IHS Market*, 2021. P. 6.

¹¹ Morocco and the Coronavirus Pandemic Shock. *Fitch Ratings*, 2020. P. 3.

¹² Rapport stratégique 2019/2020: Le nouveau modèle de développement et les enjeux systémiques mondiaux. <https://www.ires.ma/fr/publications/rapports-g%C3%A9n%C3%A9raux/7287-rapport-strat%C3%A9gique-2019-2020-le-nouveau-mod%C3%A8le-de-d%C3%A9veloppement-et-les-enjeux-syst%C3%A9miques-mondiaux.html> (accessed 01.03.2020)

Однако позитивные прогнозы подвергаются сомнению, ведь перенастройка экономики потребует новых ресурсов и времени. При наилучших условиях рост ВВП в 2021 г. не превысит 3,8%¹³. Согласно предварительным данным, дефицит бюджета составит 7,8% ВВП в 2021 г., в то время как в 2020 г. он оказался на уровне 8,8%¹⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ввиду вызовов экономике из-за *COVID-19* королевство пошло по пути сотрудничества государства и частного сектора, видя в этом возможность создать благоприятную среду для восстановления национальной экономики. Учитывая нехватку финансовых средств в бюджете, Рабат прибег к внешним заимствованиям. Такие тенденции приведут к очень высокому государственному долгу, а также сильной зависимости национальной валюты от евро. Экономика войдет в глубокую стадию рецессии.

В перспективе страна может восстановиться после мощного удара только к 2023 г., если не столкнется с аналогичными вызовами в течение ближайших двух лет.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Жданов С.В. Арабские страны в мировой экономике. М., МГИМО-Университет, 2015. 392 с. Zhdanov S.V. 2015. Arab countries in the world economy: MGIMO-University. Moscow. 392 p. (In Russ.)
2. Сапронова М.А. Исламские партии и организации. *Азия и Африка сегодня*. 2018, № 5, С. 30-33. DOI: 10.31857/S032150750001786-6
Sapronova M.A. 2018. Islamic parties and organizations. *Aziya i Afrika segodnya*, № 5. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750001786-6
3. Турсунов С.П. Экономические реформы в странах Магриба. Приватизация и либерализация. *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 1. С. 36-42. DOI: 10.31857/S032150750012215-8
Turusov S.P. 2021. Economic reforms in the Maghreb countries: Liberalization and Privatization. *Aziya i Afrika segodnya*, № 1 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750012215-8
4. Firano Z., Fatine F.A. 2020. The COVID-19: macroeconomics scenarii and role of containment in Morocco. *One Health*. Vol. 10, pp. 1-8. DOI: 10.1016/j.onehlt.2020.100152
5. Fytatzi K. Morocco pushes business-friendly image with new budget. <https://dailybrief.oxan.com/Analysis/DB247544/Morocco-pushes-business-friendly-image-with-new-budget> (accessed 01.11.2020)
6. Fytatzi K. Morocco's investment focus may shift. <https://dailybrief.oxan.com/Analysis/DB255214/Moroccos-investment-focus-may-shift> (accessed: 01.11.2020)
7. Hammoumi A., Qesmi R. 2020. Impact assessment of containment measure against COVID-19 spread in Morocco. *Chaos, Solitons & Fractals*, 110231, pp. 1-8. DOI: 10.1016/j.chaos.2020.110231
8. Hatim Y. Moroccan Government Approves Creation of Mohammed VI Investment Fund. <https://www.moroccoworldnews.com/2020/11/327241/moroccan-government-approves-creation-of-mohammed-vi-investment-fund/> (accessed 01.03.2020)
9. Hatim Y. Morocco's Loan Guarantee Programs Supported 80,000 Companies. <https://www.moroccoworldnews.com/2020/12/328100/moroccos-loan-guarantee-programs-supported-80000-companies/> (accessed 01.03.2020)
10. Kasraoui S. Morocco's Compensation Fund Assisted 77,826 Workers Who Lost Job. <https://www.moroccoworldnews.com/2020/12/327735/moroccos-compensation-fund-assisted-77826-workers-who-lost-job/> (accessed 01.03.2020)
11. Morocco: COVID-19 Impacts Poverty. 2020. *Africa Research Bulletin: Economic, Financial and Technical Series*, Vol. 57 (8). pp. 23113B-23113C. DOI: 10.1111/j.1467-6346.2020.09667.x
12. Morocco: Emergency Fund. 2020. *Africa Research Bulletin: Economic, Financial and Technical Series*, Vol. 57(3). pp. 22932B-22933A. DOI: 10.1111/j.1467-6346.2020.09430.x
13. Robinson R., Fytatzi K. Prospects for North Africa in 2020. <https://dailybrief.oxan.com/Analysis/DB247698/Prospects-for-North-Africa-in-2020> (accessed: 01.11.2020)
14. Zarhloule Y. 2020. Framing Nationalism in times of a pandemic: The Case of Morocco / The COVID-19 Pandemic in the Middle East and North Africa. *The Project on Middle East Political Science*. 85 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Махмутова Мария Игоревна, соискатель, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Maria I. Makhmutova, Applicant, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
04.04.0000

Доработана после рецензирования (Revised)
15.05.2021

Принята к публикации (Accepted)
20.06.2021

¹³ Morocco Country Risk Report. Includes 10-year forecasts to 2030. *Fitch Solutions*, 2021. P. 17.

¹⁴ Morocco's 2021 budget aims to support economic recovery. <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=540314637&Country=Morocco&topic=Economy&subtopic=Forecast&subsubtopic=Fiscal+policy+outlook> (accessed 01.11.2020)

Образ вина в кинематографе и современном искусстве Ирана

© Васильцов К.С.^{a,b}, Казурова Н.В.^{a,c}, 2021

^a МАЭ РАН, Санкт-Петербург, Россия

^b ORCID ID: 0000-0002-5830-2904; vasiltsovk@mail.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-6312-1721; kazurova@inbox.ru

Резюме. Провозглашение Исламской республики внесло свои коррективы в культурную жизнь Ирана, но, несмотря на наложенные ограничения и запреты, современные режиссеры и художники продолжают насыщать свои произведения отсылками к поэтическим образам вина.

В кинематографе авторы действуют достаточно прямолинейно, хотя порой в их фильмах встречаются более изобретательные приемы упоминания о нелегальном напитке (через чтение поэтических строк о вине). Художники обращаются к классическому для иранской миниатюры лейтмотиву вина в абстрактных рисунках, экспериментируя с каллиграфическими узорами и в фигуративной живописи, создавая различные композиции - от мистических и фантасмагорических сюжетов до бытовых реалистичных зарисовок.

При исследовании образа вина в исторической ретроспективе отчетливо видна связь между поэзией и иранским искусством. Поэтическая традиция глубоко укоренилась в персидской культуре. В Иране почитают великих мастеров словесности, поэзия - это повседневный язык, на котором и сегодня общаются люди. Поэтому цитаты из стихотворений поэтов прошлого и настоящего насыщают повествование в иранском кинематографе и проникают в современное изобразительное искусство, тем самым объединяя эпохи в единое культурное поле.

Ключевые слова: Иран, ислам, суфизм, национальный кинематограф, современное искусство, вино

Для цитирования: Васильцов К.С., Казурова Н.В. Образ вина в кинематографе и современном искусстве Ирана. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 67-73. DOI: 10.31857/S032150750015953-0

The image of wine in the Iranian cinema and contemporary art

© Konstantin S. Vasiltsov^{a,b}, Natalia V. Kazurova^{a,c}, 2021

^a Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

^b ORCID ID: 0000-0002-5830-2904; vasiltsovk@mail.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-6312-1721; kazurova@inbox.ru

Abstract. The proclamation of the Islamic Republic made its own adjustments to the cultural life of Iran, but despite the imposed restrictions and prohibitions, modern directors and artists continue to saturate their works with references to poetic images of wine. In cinema, the authors act quite straightforwardly, although sometimes in their films there are more inventive methods of mentioning an illegal drink (verbal accompaniment of the visual series through reading poetic lines about wine).

Representatives of the modern art scene can resort to the wine motive in a more diverse form than their colleagues in the field of cinema, since it is easier for them to encrypt this topic in their works. Artists turn to the leitmotif of wine, classic for Iranian miniatures, both in abstract drawings, experimenting with calligraphic patterns, and in figurative painting, creating various compositions from mystical and phantasmagoric plots to everyday realistic sketches.

When examining the image of wine in historical retrospect, the connection between poetry and Iranian art is clearly visible. The poetic tradition is deeply rooted in Persian culture, an environment so deeply formed by metaphor and permeated with allegory, depicting not the literal, but the symbolic. In addition to the fact that great masters of literature are revered in Iran, poetry is an everyday language in which people communicate today. Therefore, quotes from the poems of poets of the past and present saturate the narrative in Iranian cinema and penetrate into modern fine art, thereby uniting the eras into a single cultural field.

Keywords: Iran, Islam, Sufism, national cinema, contemporary art, wine

For citation: Vasiltsov K.S., Kazurova N.V. The image of wine in the Iranian cinema and contemporary art. *Asia and Africa today*. 2021. № 8. Pp. 67-73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015953-0

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение ислама в VII в. формально превратило вино в запретный в землях *дар ал-ислам* (территория ислама) напиток. Тем не менее, распространение новой религии не смогло прервать давнюю традицию употребления вина в восточной части Средиземноморья и «Большого Ирана», включая территории Месопотамии, Иранского плато, Кавказа и Центральной Азии.

После крушения в 644 г. державы Сасанидов и арабского завоевания умирает старая Персия, постепенно угасает и прекращает свое существование литературная традиция на *пехлеви*¹. Тем не менее, иранская словесность продолжает свое существование в иных формах, появляется целая плеяда поэтов, иранцев по происхождению, писавших свои произведения на арабском языке. В период Аббасидского халифата (750-1258 гг.), который нередко называют «золотым веком арабской культуры», происходит возрождение иранских традиций: в Багдаде, столице халифата, воссоздаются придворные обычаи Сасанидов, халифы воспроизводят образ жизни древних иранских правителей, проводя время в «иранских забавах», сопровождаемых пирами, музыкой и стихами.

В 1859 г. английский поэт Эдвард Фицджеральд опубликовал книгу своих вольных переводов *рубаи* Омара Хайяма (персидского поэта рубежа XI-XII вв.), которая имела невероятный успех среди западной публики. Достаточно сказать, что до конца XIX в. она выдержала 25 изданий. Перевод пришелся по вкусу европейцам - в каждом четверостишье заключалась законченная мысль, облеченная в краткую и изысканную художественную форму, что было неожиданно для чопорного многословия викторианской Англии. Западные читатели были несколько скандализированы тем местом и ролью, которая отводилась в хайямовских рубаи вину, его воспеванию и прославлению - сквозным мотивам лирики Хайяма.

Впрочем, представление европейцев об особом пристрастии иранцев к вину имеет давнюю историю. Пьянство древних иранских царей - одна из излюбленных тем греческих авторов.

На протяжении веков иранское искусство вбирало в себя аллегорические, символические, мистические трактовки образа вина. Традиция в культуре столь сильна, что продолжает жить и сегодня в кинематографе и современной живописи, несмотря на бурные политические перипетии в истории Ирана в XX-XXI вв.

СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА

В период правления династии Пехлеви (1925-1979) кинематограф Ирана не претендовал на богатство выразительных форм и не отличался визуальным разнообразием. Кино было призвано развлекать публику и отвлекать зрителя от повседневных забот. Поэтому сюжеты многих фильмов того времени строились вокруг рассказов о жизни бандитов и танцовщиц кабаре или варьете. В этих фильмах алкоголь, в частности вино, присутствовал в кадре как естественная примета образа жизни главных героев.

Ярким примером ленты тех лет может служить хорошо известный в Советском Союзе фильм Парвиза Сайяда «Долгая ночь» (1977) с популярной иранской певицей и актрисой Гугуш в главной роли. Или другой пример - фильм Масуда Кимиаи «Гайшар» (1969), в котором режиссер преодолел одномерность киноиндустрии шахского времени, сумев художественно обыграть конфликт между братом, мстящим за поруганную честь сестры, и нормами морали, царящими в обществе.

После революции (1978-1979) и провозглашения Ирана Исламской республикой вслед за сменой политического вектора развития страны преобразуется повседневный уклад жизни ее населения. В сфере культуры и искусства также происходят радикальные преобразования. Теперь кинематограф должен находиться на службе у исламского государства, воспитывать в его гражданах чувство патриотизма и религиозного благочестия. Поэтому при аятолле Хомейни (1900/2-1989) фильмы становятся пропагандой власти, уроками религии, изобилуют лозунгами и призывами к участию в Ирано-иракской войне (1980-1988). В этот период с экранов кинотеатров исчезают не только кабаре, алкоголь, но и, по сути, полноценные женские персонажи.

ВЕРБАЛЬНЫЙ И ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ

Классический для иранской культуры способ разговора о вине - поэзия. Именно этот опосредованный вариант беседы о вине вернул на экраны выдающийся иранский режиссер Аббас Киаростами (1940-2016) в своей картине «Нас унесет ветер» (1999). В этом фильме наиболее заметно влияние традиции иранского мистицизма, классической и современной поэзии на творчество режиссера.

Кинокартина повествует о группе журналистов во главе с главным героем Бехзадом, которые едут в удаленную курдскую деревушку, чтобы запечатлеть необычный и несколько пугающий обычай - стенания женщин на похоронах местной старухи. В фильме мирно соседствуют рубаи О.Хайяма, которого знает практически каждый житель Ирана, и стихотворение Ф.Фаррохзад (1935-1967), известной по большей части в среде хорошо образованных людей.

Для Киаростами в творчестве этих двух авторов много сходного, т.к. «они оба смотрели на жизнь как на временную часть смерти» [1, р. 113], поэтому надо наслаждаться жизнью, пока есть такая возможность. Смерть не-

¹ Пехлеви - среднеперсидский язык, язык иранской группы (*прим. ред.*).

минуема, но пока она не унесла человека, нужно получать удовольствие от жизни. В «Нас унесет ветер» и в прочих фильмах режиссера смерти сопутствует продолжение жизни - например, в одноименном фильме «И жизнь продолжается» (1992). Упоминания о вине в рубаи О.Хайяма звучат именно как рефрен жизни.

В наши дни поэзия в Иране все так же остается одной из главных форм выражения идей и чаяний креативной части иранского социума. Кроме того, люди разного социального статуса и уровня образования по-прежнему в своей повседневной жизни цитируют строки из стихов классиков персидской поэзии и своих современников, а средства массовой информации изобилуют литературными цитатами из стихотворений. Поэтому поэтический подтекст кинокартин Киаростоми, в первую очередь «Нас унесет ветер», близок и понятен иранскому мироощущению. Персидская поэзия полна разнообразных художественных тропов. Это связано с культурными ограничениями, государственной цензурой, духовным развитием, достижениями литературы и визуальных искусств. Ирано-американский режиссер и киновед М.Саед-Вафа определяет работы Киаростоми как «магический реализм» [1, р. 58], имея в виду символические и метафорические черты его лент.

Если в фильме Аббаса Киаростоми тема вина вплетена в содержание картины через строки рубаи О.Хайяма и вино присутствует в фильме незримо в слуховых ассоциациях зрителя, то уже другой классик иранского кино - Мохсен Махмальбаф (р. 1957) идет по более радикальному пути, визуализируя вино в своем фильме «Крик Муравьев» (2006).

Одна из важных сцен, рассказывающая о внутренних противоречиях, царящих в душе главного героя, тесно соприкасается с вином. Не найдя сексуального удовлетворения с женой, мужчина находит более легкий путь к наслаждениям - случайно встреченная девушка и алкоголь. Чужая женщина, чужая комната, заполненная статуэтками индийских богов, и в итоге - высвобождение внутренней энергии посредством хмельного гротескного монолога мужчины, адресованного богу и его власти. Мужчина поливает статуэтку коровы и себя вином, лобзает ее и приговаривает: «Это он [бог] создал женщин и спасибо тебе за вино <...> Это ты наполнил мою голову умом, а не вином...».

Оптика фильма настроена на фиксацию многообразия деталей культурного фона. Махмальбаф не случайно выбрал для съемок именно Индию, где есть место для диалога между культурами, религиями и людьми. Поэтому и эпизод с винной вакханалией может трактоваться в широком смысле на стыке культур как прорвавшееся в человеке дионисийское начало.

М.Махмальбаф работал над своим фильмом в Индии, в юности активно боролся за идеалы Исламской революции и искренне поддерживал взгляды аятоллы Хомейни, а впоследствии был вынужден снимать свои картины за пределами родной страны. Строгая цензура министерства культуры и исламской ориентации не позволила бы Махмальбафу реализовать этот художественный проект в границах Исламской республики.

В «Крике Муравьев» режиссер одновременно радикален в постановке вопросов о вере человека и его жизни и в визуальном решении картины. Здесь можно наблюдать продажную любовь, откровенное распитие алкогольных напитков - вина, символически окрашенного и обыгранного как метафора жертвоприношения божеству, табуированное в иранском кино обнаженное женское тело, эстетику принятия культурного многообразия и религиозного многоголосия, а не культурной унификации под лозунгами религиозного диктата. Шутливые интонации, вложенные в уста местного монаха, сбавляют пафос фильма Махмальбафа и делают его более будничным, и вместе с тем разноплановая образная символика ориентирует зрителя на прочтение фильма как притчи.

ОТ СИМВОЛИЗМА - К РЕАЛИЗМУ

Если в шахский период появление алкоголя на экране было чаще всего связано с ночной жизнью крупных городов Ирана, то после революции он становится спутником тем декаданса и распада личности, как в фильме «Сантури» (2007) Дариюша Мехрджуи (р. 1939) о талантливом музыканте-наркомане, и темы бедности.

О тяжелом труде и нищете оригинально, посредством темы алкоголя, говорит иранский режиссер курдского происхождения Бахман Гобади (р. 1969) в фильме «Время пьяных лошадей» (2000). По сюжету, подросок Эйюб со своими сестрой и братом-инвалидом остаются без родителей и вынуждены бороться за свое выживание на ирано-иракской границе. В итоге, чтобы заработать денег, Эйюб соглашается продать своего мула в Ираке, для этого ему нужно переправиться на другую сторону границы с местными контрабандистами, которые нелегально торгуют шинами. Высоко в горах так холодно, что местные жители пьют лошадей и мулов алкоголем, иначе даже те не могут справиться с опасной работой в условиях сурового климата.

В то время как Киаростоми и Махмальбаф в своих фильмах «Нас унесет ветер» и «Крике Муравьев» аудиально и визуально обыгрывают образ вина, то Гобади использует тему алкоголя прямолинейно и, по существу, в качестве пикантной детали жизни своих героев. Тем не менее, от этого фильм Гобади не проиг-

рывает картинам более старших и опытных коллег. Его кинолента стилистически оправдана и точна в запечатлении событий местной курдской действительности.

Тема вина и шире - алкоголя также звучит в фильмах современных иранских режиссеров, рассказывающих о протестно настроенной к режиму исламского правительства молодежи. Вечеринки в иранских фильмах - это не просто досуг для молодого поколения, а способ противопоставить себя системе. Примечательно, что при такой подаче и трактовке свободы от авторитарности служит на самом деле, прежде всего, не алкоголь, а музыка. Выступление подпольных рок- и рэп-групп, все еще запрещенное в Иране сольное вокальное исполнение женщинами песен - это творческий путь к поиску свободы креативной части иранского общества. И об этом социально метко рассказывают фильмы «Мой продажный Тегеран» (2009) Граназ Мусави (р. 1974) и «Никто не знает про персидских котов» (2009) Б.Гобадии.

Относительно образа вина в иранском кинематографе отдельно стоит упомянуть фильмы режиссеров, проживающих в эмиграции. Например, стилизованные вечеринки на Западе и Востоке в автобиографическом анимационном фильме «Персеполис» (2007) по графическому роману Маржан Сатрапи (р. 1969), или распятие вина в саду во время званого ужина в кинокартине «Женщины без мужчин» (2009) ирано-американкой художницы и режиссера Ширин Нешат (р. 1957) как символ западного образа жизни в послереволюционных фильмах о шахском периоде в истории Ирана. Разумеется, снимающие за пределами родины авторы более свободны в выборе тем и их художественной реализации, поэтому они могут себе позволить более социально откровенные и политически броские высказывания в своих кинокартинах.

АБСТРАКТНАЯ ЖИВОПИСЬ

Сюжеты классических средневековых книжных миниатюр или позднее - картины эпохи правления династии Каджаров (1796-1925) нередко были композиционно выстроены вокруг историй о виновных собраниях. Однако бурные преобразования после провозглашения Ирана Исламской республикой в XX в. повлияли не только на развитие иранского кинопроизводства, но и на формирование изобразительного искусства.

По аналогии с режиссерами современные художники обращаются к традиционной для иранского визуального искусства теме вина значительно реже, по сравнению с мастерами былых времен. Тем интереснее проследить, как сегодня табуированный образ вина вписывается в актуальную повестку иранской арт-сцены в самой стране и раскрывается в творчестве художников-эмигрантов за пределами Ирана.

Иранские художники наравне с единомышленниками из других стран активно экспериментировали и продолжают экспериментировать с живописным потенциалом мусульманской каллиграфической традиции. Авторы не только обрамляют вязью сюжетные композиции и достраивают визуальный рисунок картины, но также используют персидское письмо для создания полноценных абстрактных полотен, в которых главная эстетическая ценность заключается в прорисовке самих букв и в цветовом сочетании этих букв с гаммой фона произведения.

Иранские художники нередко для текстовой основы своих работ выбирают стихотворения известных поэтов, как например, строка из газели Хафиза (ок. 1321-1389/1390) «Расскажите истории о песне и вине» [2], зашифрованная в картине, представленной на сайте искусств из Ирана и Ближнего Востока *Artorang*. Если Аббас Киаростами в своем фильме «Нас унесет ветер» вкладывает строки четверостишья О.Хайяма о вине в уста своего персонажа, то современные художники, продолжая воспевать средневековых классиков, наносят цитаты из их стихотворений на свои холсты.

ФИГУРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

Особый мотив в иранском изобразительном искусстве, тесно связанный с образом вина, - тема любви и сада.

Один из самых известных на Востоке иранских художников - Махмуд Фаршчийан (р. 1930), мастер фантазмагоричных сюжетов о девах, птицах, цветах, написанных яркими мазками и изящной легкой линией, на протяжении многих лет прорабатывал в своем творчестве лейтмотив вина, влюбленности и рокового соблазна на лоне природы или в саду - «Посланники божественного» (1962), «Ни ты, ни я не знаем секретов вечности» (1962), «Луна» (1967), «Помни юность» (1988), «Альбомные листы бытия» (1989) и пр.

Не менее авторитетный автор Нассер Овесси (р. 1934) в своих произведениях заимствует грацию поз изображаемых фигур и перспективу у средневековых книжных миниатюр, пишет свои картины в технике, близкой фольклору и наиву, но ограничивается прорисовкой на холсте кувшинов и гранатов, лишь изредка давая намек на вино, как на важнейший из элементов иранской классической живописи. Однако в его работе 1980 г. «Пара» или в другой картине - «Без названия. Полулежа» художник словно нарушает свои личные табу и робко, но вместе с тем прямо, указывает на гедонистическое искушение и распятие персонажами вина.

В рамках выставки «Персидский сад» (в 2019 г. в Сиэттле, США) были представлены миниатюрная живопись Мехди Ганбейги (р. 1945) и керамика Монир (р. 1949).

Работы обоих художников - это авторские интерпретации эпических произведений Фирдоуси (935-1020) и Низами Гянджеви (ок. 1141 - ок. 1209) - двух выдающихся персидских поэтов. Монир и Мехди Ганбейги вместе создают мультимедийные произведения искусства с 1970 г., в их творческом дуэте всегда сочетаются кропотливая работа Мехди над персидскими миниатюрами и опыт Монир в гончарном деле. Их также объединяет взаимная любовь и уважение к истории персидского искусства.

Картины Ганбейги - это врезки фрагментов классических средневековых миниатюр в однотонное полотно каллиграфически декорированного фона.словно в замочную скважину зритель подсматривает фрагменты историй с миниатюр о Хосрове и Ширин, о Лейле и Меджнуне, о Ростаме и Сохрабе. Большая часть поля миниатюры скрыта от глаз, но зная традицию классической миниатюры, внимательный зритель достраивает события известных эпических поэм в своем воображении. Истории любви, страсти, борьбы за власть омыты слезами, вином и кровью. И об этом знает каждый иранец.

В классической в работе российского и советского востоковеда-ираниста Ф.А.Розенберга (1867-1934) «О вине и пирах в персидской национальной эпосе» собраны материалы «Шахнаме» Фирдоуси, касающиеся интересующего нас сюжета. Хотя поэма создана в мусульманское время, автор в качестве источников использовал хроники сасанидских правителей, фольклорные материалы и другие источники, относящиеся к древнеиранскому культурному наследию [3].

Об отношении самого Фирдоуси - «истинного и жизнерадостного перса» - к вину можно, вероятно, судить на основании текста «Шахнаме». Как замечает Розенберг, разнообразные вариации на тему застолий и питья этого хмельного напитка «звучат слишком убедительно, чтобы не быть искренними... когда у тебя есть чашка, требуй золотистого вина и знай, что нет греха в радости сердца» [3, с. 393].

В продолжение темы стоит отметить, что поэтизированные и романтизированные лейтмотивы вина и сада, вина и любви примыкают в иранской литературе и визуальных искусствах к мистицизму (*суфизму*). Образы вина, виночерпиев, кабацков (*майхана*) получают свое особое развитие в персидской суфийской лирике, воспринявшей и интерпретировавшей в мистическом духе мотивы светской поэзии. Уже в газелях авторов XI в. возникает противопоставление «верующих мусульман» (*муфтий, мухтасиб*) и аскетов (*захид*) зороастрийским магам и *риндам* («гуляка», «пьяница», «плут»), из которых первые трактуются как отрицательные персонажи, склонные лишь к внешнему проявлению святости, то есть лицемерию, в то время как вторые, предстают истинными суфиями.

Метафора любви и вина в суфийской поэзии - это известный художественный троп, где вино широко используется в качестве образа для описания мирской любви как божественной. Выращивание вина, наблюдение за ним, распитие и наслаждение его ароматом, его опьяняющее действие - все это относится к состояниям, в которых могут находиться влюбленные. Пожалуй, достойным примером картины современного художника, отсылающей к мистической аллегорической визуальной традиции, может служить замысловатое полотно «Четыре состояния разума» (2015) Мохсена Джамалиника (р. 1979).

Не менее важный нарратив в творчестве иранских художников - смерть и насилие. Нетривиальным образом подходит к вопросу Азиз Анзаби (р. 1970) в своих работах «Над уровнем воды» и «В ловушке». Он обращается к вину/алкоголю как метафоре крови, проводя через них идею политического произвола и угнетения. Особенность серии его картин под говорящим названием «Удушье» заключается в том, что автор соединяет в своем творчестве сюрреалистические образы, привычные для западно-европейской изобразительной культуры, и поэтику полотен эпохи династии Каджаров.

Анзаби глубоко убежден, что «искусство Каджаров - это единственное стилистическое направление, которое принадлежит исключительно иранской традиции, с его уникальными приемами художественными принципами и техникой» [4]. Поэтому он объединяет в своих произведениях создания портретной живописи эпохи Каджаров с сюрреалистической формулой символов-загадок.

В случае с серией «Удушье» художник заостряет внимание на подавляющей людей власти диктаторов, именно кровь в его картинах выступает прямой аллегорией к страданиям жертв, павших от их удушающих режимов. Полотна серии «Удушье» выполнены в серых тонах, намекающих на подавление личности, кровь же здесь те яркие цветовые акценты, которые заставляют сопереживать погибшим от рук авторитарных правителей.

«Над уровнем воды» - это портрет Насер ад-Дин-шаха², в котором композицию дополняют бокалы, нанесенные на холст непосредственно поверх изображения шаха. Прозрачное содержимое бокалов - это вода, однако вода не чиста, а окроплена струйками крови. Если присмотреться внимательно, можно заметить, что на дно бокалов сверху вниз медленно опускаются мелкие фигурки людей - жертвы политических

² Насер ад-Дин шах - четвертый шах Ирана из династии Каджаров. Правил с 5 сентября 1848 г. по 1 мая 1896 г., когда был убит (прим. авт.).

систем, словно крошечные букашки в свободном падении: им не за что ухватиться в этом мире, пронизанном жестокостью и кровью.

Картина «В ловушке» сюжетно и стилистически повторяет «Над уровнем воды», только на сей раз молодой наследник шахской фамилии Султан Ахмад Шах Каджар (1898-1930) изображен погруженным с головой внутрь стакана, наполненного водой с кровью, однако к его ногам все также падают мелкие фигурки людей. Подобным образом автор демонстрирует преемственность режимов и порочность этого замкнутого круга. Султан Ахмад Шах вступил на престол в возрасте 11 лет и был марионеткой в руках старших и опытных конкурентов за власть.

Образ вина в современной иранской живописи встречается не только в завуалированной или лирико-мистической форме. Можно найти примеры бытовых зарисовок - «Воспроизведение музыки» (2018) известного художника Рокни Хаеризаде (р. 1978), проживающего сегодня в Дубае, где бокалы присутствуют как будничные атрибуты ужина в ресторане. Однако встречаются и примечательные образцы, в которых за лаконичностью повествовательной художественной техники просматривается емкое развертывание ординарных житейских ситуаций.

Мастера подобной стилистики - Аббас Шахсавар (р. 1983) и Марьям Айен. На общем фоне метафорических, иносказательных работ современных иранских художников особого внимания заслуживает картина Аббаса и Марьям «Без названия» из серии «Недоразумение в голубой комнате» (2014), на которой изображена лежащая на полу девушка с бутылкой вина в руках и котом.

Каждая из работ серии «Недоразумение в голубой комнате» запечатлевает эпизод частной жизни супружеской пары Аббаса и Марьям, находящейся в интерьерах своего дома. Мужчина и женщина на картинах одеты в пижамы, халаты или повседневную одежду, их позы непринужденны, по-домашнему непринятливы и расслаблены. Они не смотрят на зрителя, а обращены к своим рутинным делам (починить лампочку, заправить постель, собрать белье для стирки - сюжетная канва картин). Работы Аббаса и Марьям написаны чрезвычайно реалистично чистыми красками. Главное для художников - выделить фигуру персонажа, общий фон в холодных тонах нейтрален: к телам людей авторы добавляют буквально один-два предмета для создания атмосферы домашней обстановки.

Неброские детали домашнего быта, туалета и отсылок к частному пространству и личной гигиене, нижнее белье, разбросанная одежда и намек на обнаженное тело - все это подразумевает определенную близость, семейную и гендерную связь. Тесные отношения между героями подчеркивает естественность их поз и самые обычные на первый взгляд элементы интерьера (разобранная постель и пр.). Бутылка вина в руках Марьям, запрещенного к распитию в современном Иране, - не просто примета досуга или намек на частную жизнь (т.к. в помещении оно повсеместно употребляется жителями страны, несмотря на запрет), а часть визуальной истории о границах выражения сексуальности, приватности и публичности.

ДИЗАЙНЕРСКИЙ ПРОЕКТ

В заключение, нельзя обойти стороной дизайнерский проект, осуществленный Ширин Нешат в поддержку Фонда Соломона Р.Гуггенхайма³. Итальянская винодельня пригласила иранскую художницу интерпретировать характер вина «*La Tensione*» и создать серию этикеток к винам лимитированной коллекции «*Ornellaia's Vintage - 2016*».

О своем сотрудничестве с тосканскими виноделами Ширин Нешат говорит следующее: «В нашей культуре вино - это не способ убежать от реальности, а способ возвыситься над нею, и потому [употребление вина] является священным, духовным действием» [5]. В оформлении этикеток Нешат использует свои фирменные стилистические приемы: монохром, каллиграфические узоры, вручную нанесенные на фотографии кисти рук, цитирование поэтических строк.

На протяжении всей своей творческой карьеры художницу, фотографа и режиссера Ширин Нешат интересуют возможности человеческого тела как арт-объекта. Живя в эмиграции в США, Нешат не понаслышке знает, что на язык тела колоссальное влияние оказывает культурная среда. Жесты рук, мимика, пластика обладают определенным символическим визуальным звучанием, которое пытается уловить и перенести в свои произведения художница. При создании этикеток Нешат добивается чувственного, зрительного эффекта от контраста между мягкостью, нежностью кожи и графичностью текста.

На концептуальном уровне Нешат обыгрывает образ вина как катализатор социального взаимодействия, жизненной силы, которой следует наслаждаться в течение короткого пребывания человека на земле, согласно мнению О.Хайяма. Именно строки из его стихов Ш.Нешат использует при создании фотографий для серии этикеток.

³ Фонд Соломона Р.Гуггенхайма - некоммерческая организация, направленная на поддержку современного искусства и созданная американским меценатом Соломоном Р.Гуггенхаймом (1861-1949) и немецкой художницей-абстракционисткой Хиллой фон Ребай (1890-1967) в 1937 г. Штаб-квартира фонда находится в Нью-Йорке (прим. авт.).

Понятие вина непрерывно упоминается в мистической традиции персидской литературы как элемент «экзистенциальной радости». Нешат вторит классику и обращается к его четверостишьям, которые говорят о вине как о средстве, с помощью которого можно избежать рутины, раскрепостить сознание и предаться фантазии, попытаться достичь мистических высот. И здесь творчество Ш.Нешат пересекается с кинематографическим наследием А.Киаростами, к которому художница относится с большим почтением и восхищается его умением так мастерски рассказывать «красивые и универсальные истории символическим и при этом максимально простым языком [визуальной поэзии]» [6, pp. 50-51]. Киаростами обращается к стихам Хайяма в «Нас унесет ветер», а Нешат в своем креативном дизайнерском проекте в поддержку Фонда Соломона Р.Гугенхайма. Так сохраняется преемственность поколений и связь времен в иранском искусстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Провозглашение Исламской республики внесло свои коррективы в культурную жизнь Ирана. Но, несмотря на наложенные ограничения и запреты, современные режиссеры и художники продолжают насыщать свои произведения отсылками к поэтическим образам вина.

В кинематографе авторы действуют довольно прямолинейно, хотя порой в их фильмах встречаются более изобретательные приемы упоминания о нелегальном напитке (вербальное сопровождение визуального ряда через чтение поэтических строк о вине). Еще одним способом обойти цензуру Министерства культуры и исламской ориентации становится съемка лент за границей, в странах, где запрета нет или он не так силен.

Представители современной арт-сцены могут прибегать к винному мотиву в более разноплановой форме, чем их коллеги из сферы кино, так как им проще зашифровать в своих работах эту тему. Художники обращаются к классическому для иранской миниатюры лейтмотиву вина и в абстрактных рисунках, экспериментируя с каллиграфическими узорами, и в фигуративной живописи, создавая различные композиции от мистических и фантазмагорических сюжетов до бытовых реалистичных зарисовок.

При исследовании образа вина в исторической ретроспективе отчетливо видна связь между поэзией и иранским искусством. Поэтическая традиция глубоко укоренилась в персидской культуре, среде столь глубоко сформированной метафорой и пронизанной иносказательностью, изображением не буквального, а символического. Помимо того, что в Иране почитают великих мастеров словесности, поэзия - это повседневный язык, на котором и сегодня общаются люди. Поэтому цитаты из стихотворений поэтов прошлого и настоящего насыщают повествование в иранском кинематографе и проникают в современное изобразительное искусство, тем самым объединяя эпохи в единое культурное поле.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Saeed-Vafa M., Rosenbaum J. Abbas Kiarostami. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 2003.
2. Ghazaliyat. Khajeh Shamseddin Mohammad Hafiz Shirazi. Ghazaliyat of Hafiz Shirazi. www.sattor.com (accessed 02.04.2021)
3. Розенберг Ф.А. О вине и пирах в персидской национальной эпосе. *Сборник Музея антропологии и этнографии при РАН*. Петроград, 1918. Т. V. С. 375-394.
4. Rozenberg F.A. 1918. On Wine and Feasts in the Persian National Epic. *Collection of Articles Published by the Museum of Anthropology and Ethnography at the Russian Academy of Sciences*. Vol. V. Petrograd. (In Russ.)
4. Aziz Anzabi. From Politics to Poetics. <https://www.azizanzabi.com/about/> (accessed 02.04.2021)
5. Internationally Acclaimed Iranian Artist Shirin Neshat Designs Ornellaia Anniversary Wine Label. Interview (By Sotheby's, Aug. 29, 2019). <https://www.sothebys.com/en/articles/internationally-acclaimed-iranian-artist-shirin-neshat-designs-ornellaia-anniversary-wine-label> (accessed 03.04.2021)
6. Ebrahimian B. Passage to Iran (Shirin Neshat interviewed by Babak Ebrahimian). *PAJ: A Journal of Performance and Art*. 2002. Vol. 72. Pp. 44-55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Васильцов Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, МАЭ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Konstantin S. Vasiltsov, PhD (History), Research Fellow; Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

Казурова Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, ст.н.с. МАЭ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Natalia V. Kazurova, PhD (History), Senior Researcher, Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
15.03.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
06.05.2021

Принята к публикации (Accepted)
10.06.2021

DOI: 10.31857/S032150750015946-2

Рецензия / Review

Ближний Восток и Северная Африка в глобализированном мире

© Васильев А.М.^{a,b}, Ткаченко А.А.^{a,c}, 2021^a Институт Африки РАН, Москва, Россия^b ORCID ID: 0000-0002-7988-2338; dir@inafr.ru^c ORCID ID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko@inafr.ru

Рецензия на книгу: **Труевцев К.М. «Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности»**. (М., ИВ РАН, 2020. 370 с.) ISBN 978-5-907384-00-2.

Ключевые слова: глобализация, Арабский восток, ислам, авторитаризм, демократия, гражданское общество, вооруженные конфликты, конфессии, этносы, племена

Для цитирования: Васильев А.М., Ткаченко А.А. Ближний Восток и Северная Африка в глобализированном мире. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 74-80. DOI: 10.31857/S032150750015946-2

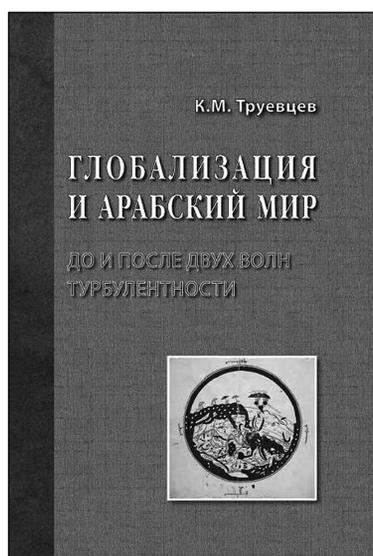
Middle East and North Africa in Globalized World

© Alexei M. Vasiliev^{a,b}, Alexander A. Tkachenko^{a,c}, 2021^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^b ORCID ID: 0000-0002-7988-2338; dir@inafr.ru^c ORCID ID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko@inafr.ru

Review of the book: **Truevtsev K.M. Globalization and the Arab World: Before and After Two Waves of Turbulence** (Moscow, 2021. 370 p.). (In Russ.). ISBN 978-5-907384-00-2.

Keywords: globalization, Arab world, Islam, autocracy, democracy, civil society, conflicts, confessions, ethnic groups, tribes

For citation: Vasiliev A.M., Tkachenko A.A. Middle East and North Africa in Globalized World. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 8. Pp. 74-80. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015946-2

Монография, подготовленная известным российским ученым-арабистом, политологом *К.М.Труевцевым* - «Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности» (М. ИВ РАН, 2020. 370 с.), посвящена, главным образом, обширному региону Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. Вместе с тем, проблематика исследования затрагивает более широкий круг стран и событий в силу заметно усложняющейся сопряженности арабских стран с другими государствами и регионами мира.

Основное внимание автор уделил детальному анализу «букета» острых проблем, с которыми арабский мир, главным образом Ирак, Сирия, Йемен, Ливия, но также Египет и другие рассматриваемые страны, столкнулись с конца XX в. и до наших дней. Этот период вполне уместно определить как десятилетия турбулентности, беспрецедентных политических кризисов, изменивших облик Арабского Востока (и сопредельных с ним регионов), его место в современном мире, в комплексе международных отношений в глобальном измерении.

Монография содержит обширный ряд нетривиальных оценок и концептуальных положений, отражающих причины, ход развития, и, что особенно важно, итоги во многом противоречивых, неустойчивых процессов,

переживаемых странами и регионами, в основном, с начала 2000-х гг.

Не будет преувеличением сказать, что исследуемые в книге процессы постоянно находились в центре внимания мирового сообщества. Это - вторжение международной коалиции в Ирак и свержение С.Хусейна, последовавшая за этим проксивойна, сочетавшая в себе многие признаки гражданской войны, воору-

женного противостояния этнических, конфессиональных, племенных общностей, столкновения интересов региональных и глобальных внешних акторов; «арабская весна», положившая начало падению почти всех режимов в странах Северной Африки - в Тунисе, Египте, Ливии, а затем в Алжире и Судане (вторая волна «весны»); гражданские войны в Сирии и Йемене, война в Афганистане (среднеазиатская зона конфликтов).

Опираясь на мир-системный анализ, автор последовательно рассматривает общее и особенное в политических процессах через призму как глобализации, так и регионализации (**Раздел I. «Глобализация как политический процесс»**). Исследование этих обеих сторон происходящей в 2000-е гг. трансформации во многом современного, а кое в чем все еще полуархаичного мира, рассматривается в их сложной взаимосвязи. К.Труевцев условно определяет ее как «динамическая релятивность цивилизационного развития» «золотого миллиарда», мировой Периферии и Полупериферии.

Такой подход позволяет более четко определить, что конкретно стоит за основными чертами глобализации, за изменениями, происходящими под ее воздействием в политических структурах, а также за таким менее изученным явлением, как регионализация. Опираясь на проведенный анализ их взаимовлияния, автор приходит к своему основополагающему выводу: одним из итогов этого процесса стало появление новой конфигурации миропорядка XXI века. В нем сочетаются и доминанта глобализации (с ее разноликими локальными чертами) и регионализация, одна из ключевых черт которой - «провокативная» роль на политическом поле («арабская весна», разноформатные конфликты в регионе и за его пределами и т.п.).

Может быть, кажется поспешным вывод автора о том, что еще рано хоронить сложившуюся в начале 1990-х гг. однополярную модель мира, но автор смягчает свою категоричность описанием возвышения Китая, складывающейся многополярности в виде многочисленных, возникших в особенности в последние два десятилетия на всех континентах региональных объединений - экономических, политических, военно-политических.

Не обошел этот тренд и арабский мир. Вот только здесь наблюдается очевидная слабость и хрупкость новых образований. Союз Арабского Магриба остается парализованным в силу противоречий между Алжиром и Марокко. Совет содружества государств Персидского Залива (ССГПЗ) оказался ослабленным из-за возникших в последние годы противоречий между Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами, с одной стороны, и Катаром (плюс Турция) и Ассоциацией братьев-мусульман - с другой. Лига арабских государств оказалась больше декларативным, чем реальным объединением.

В итоге, автор справедливо отмечает: «Когда исламский мир выделяли в качестве одного из мировых полюсов, это вызывало определенные, и нельзя сказать, что необоснованные сомнения. Действительно, с одной стороны, это обширнейший регион ... с населением более миллиарда человек, являющихся наследниками великой цивилизации и ... верой в свою религию и в свое историческое предназначение, однако с другой - это конгломерат чрезвычайно разных по любым меркам государств, терзаемых клубком внутренних, межстрановых, межрегиональных и межконфессиональных противоречий. Кроме того, вопрос состоит и в том, насколько эти страны не то чтобы уже вписались, а вообще в состоянии в обозримом времени вписаться в постиндустриальную эпоху. Причем речь не только о наиболее бедных и отсталых странах... Даже в отношении богатых стран ... или стран среднего уровня развития ... актуален вопрос о том, в какой мере они могут стать субъектами, а не только объектами глобализации - хотя бы в состоянии ли они производить, а не только потреблять высокотехнологичные продукты» (с. 63).

Впрочем, нельзя не принять и «контраргументы в пользу того, чтобы считать исламский мир одним из глобальных полюсов» - «тенденцию к расширению своего геополитического пространства», в частности, в сторону Тропической Африки (заметим - и не только), «постоянное расширение присутствия исламских иммигрантских масс в Западной Европе, внутри России, и пока в меньшей степени - на Американском континенте» (с. 63-64).

Опираясь в исследовании авторитаризма (**гл. 6. «Авторитаризм: проблемы методологии - типология, структура и современная ситуация»**) на сравнительный анализ, автор приходит к ряду важных заключений. В частности, утверждается, что истоки и углубление кризиса государственности - отражение фундаментальных тенденций «развития постиндустриального общества», усиленных процессом глобализации и самой, находящейся в критическом состоянии, авторитарной властью. Для них характерны доминирование вертикальных связей, крайняя слабость горизонтальных «и (особенно на этапе заката авторитаризма) практическое исчезновение адекватной обратной связи» (с. 83).

Анализ исторических особенностей развития политических систем в азиатских и латиноамериканских странах дает основания полагать, что «переход от крайней к центристской форме авторитаризма в конечном счете обеспечивает мирный, эволюционный» транзит к демократии. Автор считает: проведение идущей повсеместно с конца XX века либерализации экономики «влечет за собой необходимость либерализации и политической жизни, социально-политические элементы которой при либеральном экономическом курсе и так уже начинают прорастать» (с. 95). Однако он справедливо подчеркивает, что это также - от-

нюдь не прямолинейный курс, а трудный путь со многими опасностями и неизвестными - такими, как всепроникающая коррупция, «перекося и отступления», нарастание которых «будет вести к неминуемому социальному взрыву» (с. 95-97).

К.Труевцев неизменно использует термины «либерализация», «демократия», «демократический транзит» как аксиомы со знаком плюс. Это, безусловно, право автора. Но при анализе событий «арабской весны» можно задать вопрос: а какую демократию имели в виду и арабские либералы и интернет-молодежь, организовавшая с помощью IT-технологий массы, что привело к падению ряда авторитарных режимов? Естественно, что она имела в виду западную демократию, а если говорить откровенно - плоды западной демократии, а не ее суть.

Сам кризис западной демократии ускользает от внимания ее поклонников в арабском мире. Провалы «арабской весны» были обусловлены не просто организационными возможностями исламистов и антиисламистских сторонников авторитаризма, а более широким спектром причин. Арабская цивилизация на данном этапе своего развития была просто не готова к восприятию даже «демократии с арабской спецификой». Самым негативным образом сказалось то, что весь процесс вызревания креативных политических акторов, конструктивной оппозиции был полностью деформирован, заблокирован за десятилетия диктатуры и тотальной коррупции, креативная оппозиция была попросту «закатана в асфальт».

Продолжая тему исторических перспектив авторитаризма в трех главах **раздела II - «Конвергенция и проблема смешанных режимов» (гл. 8), «Современный авторитаризм: место в структуре миропорядка и структурно-функциональные характеристики» (гл. 9) и «Постиндустриальная стадия развития, глобализация и судьбы авторитаризма» (гл. 10)** - автор завершает свою картину кризиса авторитарной модели власти, занимающей центристское место между тоталитарной политической системой и демократией.

Опираясь на комплексную оценку глобализации, которая обнажает все стороны системного кризиса, переживаемого с конца XX в. авторитарными государствами, автор показывает неуклонное накопление экономических, социальных, цивилизационных и политических предпосылок заката авторитаризма. Развал авторитарной модели происходит в стадийном процессе (отнюдь не линейном и вместе с тем - разнородном) восхождения от доиндустриального к постиндустриальному обществу отдельных стран, на региональном и шире - на межрегиональном пространстве.

В **Приложении (№ 1)** приводится список 140 государств, из которых примерно 2/3 к началу третьего десятилетия XXI в. можно отнести к демократическим (ряд из них - с оговорками) и лишь порядка двух десятков - к авторитарным или тоталитарным. Вместе с тем, отмечает автор, «кризис авторитаризма еще не означает немедленного автоматического исчезновения с мировой арены всех авторитарных режимов, точнее, он знаменует начало тенденции утраты авторитаризмом характера мирового системного фактора. Но вместе с тем, в локальных региональных и страновых условиях необходимые условия для существования авторитаризма продолжают сохраняться» (с. 115).

Эти условия во многом predeterminedены поликонфессиональным, полиэтническим, племенным характером социумов. Добавим - и относительно низким уровнем экономического развития, отсутствием демократической традиции, определенной степенью замкнутости значительной части мусульманской общины и т.д. И даже там, где пали авторитарные режимы, например в Северной Африке, остаются «неясными перспективы дальнейшего пути политического развития» (с. 116). Добавим: благодаря политическому вакууму, образовавшемуся после краха авторитарных режимов, десятилетиями «закатывавшими в асфальт» оппозицию, главным образом ее креативную часть, сотрудничество с которой могло обеспечить эволюционную форму передачи власти. Египет - наглядный тому пример.

Анализу политического пространства в регионах локализации авторитаризма до развертывания «волн глобальной турбулентности» посвящен **раздел III** работы. Автор выделяет событийные процессы, трансформационные изменения в рассматриваемых странах и регионах на рубеже XX-XXI вв., отмечая в них общее - главный тренд: острое противоборство между демократическим транзитом и (нео)авторитарным устройством власти (**гл. 11 «Особенности постсоветского авторитаризма и модели развития на переломе миллениума»**).

Главный вопрос - о характере власти - не нашел, как правило, своего окончательного решения, ситуацию можно охарактеризовать как «политические качели» с той или иной амплитудой колебания в каждой из постсоветских республик. И автор заключает, что хотя имеются объективные предпосылки для авторитарного тренда, выбора авторитарной модели, она «скорее является препятствием, чем необходимой политической формой» для востребованной эпохой (комплексной) модернизации. Но остается вопрос, на какой исторический срок можно сохранить авторитаризм (неоавторитаризм)?

Логика исследования подводит автора к теме **гл. 12 «Африка южнее Сахары к началу Арабской весны»**. В ней представлен анализ политических трансформаций, происходящих в большой группе государств региона после обретения ими независимости.

Знакомство с этим интересным и во многом уникальным материалом, содержащим широкий спектр авторских наблюдений и оценок, вольно или невольно подводит читателя к мысли о том, сколь велики особенности описываемых явлений и в то же время относительно узок выбор политических моделей и форм власти.

После более чем полувековой истории независимого развития в немалом числе, если не в большинстве стран Африки в основном правят авторитарные режимы. Почти все они прошли через неоднократные и военные перевороты, и парламентские/президентские выборы, и вооруженные и мирные конфликты, которые не принесли окончательный перелом и политическую стабильность. Хотя в политических системах появилась с течением времени и демократическая атрибутика (в основном ее функция - (пока) косметическая), и отдельные страны с системой демократической власти, пусть и относительно слабой и не вполне стабильной. Но «вода камень точит» и, не исключено, она послужит развитию и укоренению «демократической» традиции с африканской спецификой: наблюдается накопление предпосылок, оказывающих постоянное давление в сторону модернизации, распада архаики. Нельзя не согласиться с автором, что этот процесс займет длительную историческую полосу и будет, главным образом, связан с (разноскоростным) демократическим транзитом.

Завершает эту главу оценка препятствий, осложняющих развитие данного, ключевого тренда, прежде всего - «преобладание локальной, полиэтнической, племенной, клановой и конфессиональной культуры, на основе которой и формируются политические институты, в т.ч. партии». (Заметим: идет процесс зарождения и вызревания гражданского общества, который был деформирован и колониализмом, и авторитарными режимами - *А.В. и А.Т.*).

Главы 13 «Политическое развитие в арабском регионе накануне Арабской весны и 14 «Фактор аль-Каиды и исламистский дискурс как вызов светским авторитарным системам» по нескольким причинам представляются одними из ключевых в рецензируемой книге. Прежде всего, следует отметить, что именно в этом районе мира особенно велика, как справедливо отмечает автор, концентрация исторически сложившихся авторитарных режимов, хотя и разноликих: монархических, в т.ч. конституционных монархий, республиканских, военных, однопартийных. Кроме того, исторический опыт трансформации - политической, социальной, экономической - в странах арабского мира, при всем разнообразии каждой из них, отражает многие из черт этого многогранного, противоречивого процесса на пространстве Азии, Африки, и, хотя в меньшей степени, - Латинской Америки.

Протекающие процессы за последние десятилетия заметно ускорились, что увеличивало неустойчивость и объективно мешало надеждам придать им последовательно эволюционный характер. Этому мешал, например, авторитарный характер власти со всеми ее «прелестями». Африканский Союз даже пошел на то, чтобы ввести санкции против режимов, приходящих к власти в результате военных переворотов.

Автор отмечает, что монархические режимы в арабских странах не допустили разрушительных последствий «арабской весны». Для этого им пришлось опереться и на мягкую силу (многомиллиардные вливания в социальные программы), и на компромиссы с исламистами, и в отдельных случаях на использование силовых структур, и даже на внешнее вмешательство (Бахрейн).

К.Труевцев заключает **14 главу**: «... Нараставшее повсеместно недовольство существующими политическими порядками в арабском мире не было уделом только происламистских сил. Значительную и также возрастающую роль в протестном движении играли представители либеральных и левых сил, возникших или усиливших свое влияние в результате, пусть весьма относительных, либеральных реформ конца XX - начала XXI вв. Несмотря на все противоречия, с исламистскими силами их объединяло недовольство существующими порядками. Это предопределило возможность формирования временных политических альянсов между исламистскими и оппозиционными либерально-демократическими силами во многих арабских странах в преддверии либо уже в ходе Арабской весны (с. 208). (Добавим, что в борьбе против авторитарных режимов возникали кое-какие временные альянсы, а раскол зачастую происходил после падения этих режимов - *А.В. и А.Т.*)

Заключительный **раздел 4 - «Волны турбулентности»** посвящен процессам и явлениям, удачно определенным автором, как «приобретающим на коротком историко-политическом отрезке разнонаправленный, как правило, нелинейный и далеко не всегда предсказуемый характер», ассоциируемый «с такими явлениями, как ураган, шторм, землетрясение или цунами» (с. 211). Как и в любом эпохальном явлении, в «арабской весне», последствия которой в разной степени затронули практически все регионы и страны мира, сошлись несколько глобальных, региональных, страновых и локальных тенденций. Событие - «арабская весна» - было ожидаемым, но его синергетический эффект, проявившийся в цунами глобального масштаба, растянувшийся, теперь уже понятно, на десятилетия, был непредсказуем. Хотя отдельные оценки на этот счет имели место.

В **главе 15 «Глобальный контекст событий 2011 г. и феномен Арабской весны»** отмечается: среди предпосылок потрясений начала второго десятилетия XXI в. - разразившийся глобальный финансово-эко-

номического кризис, возросшие социальные и политические дисбалансы - именно последние сыграли решающую роль, породив беспрецедентную и продолжительную по времени волну антиправительственных выступлений в разных регионах мира.

«Протестное движение и его результаты продемонстрировали глубокий кризис системного авторитаризма. Тренд этих изменений обозначился достаточно отчетливо». Хотя он затронул «только страны системного авторитаризма ... и не означал автоматического разрушения всех режимов подобного типа». Впрочем, оговаривает автор, рассматривая события в каждой из 23 стран арабского мира и шире - в соседних государствах, в дальнейшем «арабская весна» во многих случаях привела не к тем результатам, которых многие от нее ожидали». (Добавим: наследие обанкротившихся режимов - коррупция, политический вакуум, вопиющие социальные контрасты, масштабы и глубина деформации всей общественно-политической жизни, урон, нанесенный общественной морали и этике - вкуче оценить их роль в последующей истории государства и общества было, действительно, сверхзадачей, оказавшейся не по плечу новым и, как правило, неопытным социально-политическим акторам, приходящим на смену старым. - *А.В. и А.Т.*). «А в целом, турбулентность 2011 г. стала предвестником совершенно нового поворота в глобальном развитии событий, которые и во временном, и в пространственном отношении намного превосходили эту дестабилизирующую волну», - заключает автор (с. 235).

Свои мысли К.Труевцев подтвердил в анализе, содержащимся в гл. 16 «**Вторая волна глобальной турбулентности и парад зон региональных конфликтов**». Автор отмечает: «Вторая волна турбулентности прямо сопрягалась с первой, но лишь в отдельных региональных аспектах вытекала из нее. В то же время она кардинально отличалась от предыдущей не только по длительности, но и по характеру и глубине потрясений, многоаспектности и ряду других существенных параметров. Если волна 2011 г. имела вид глобальной цепочки серьезных колебаний с резким всплеском, имевшим радикальные последствия лишь в одном, арабском регионе, последующая волна имела совершенно иную структуру».

«Между 2012 и 2015 гг., - считает автор, - образовалось пять крупных конфликтных очагов, носивших региональный характер» (с. 236). Среди них афро-арабский с эпицентром в Ливии, шиитско-суннитский с эпицентром в Сирии и соседнем Ираке, центрально-европейский с эпицентром в Украине. Четвертой зоной конфликтов стал Афгано-пакистанский регион с эпицентром в районе Вазиристана. И, наконец, пятой зоной явился Тихоокеанский регион, «где обострились пограничные столкновения, связанные главным образом с районами спорных островов между Китаем и практически всеми его соседями ...», а также с обострением отношений между двумя корейскими государствами (с. 248).

Автор, впрочем, отмечает, что этот последний конфликтный регион не связан ни с исламским миром, ни с последствиями последней «арабской весны». (Нам представляется, что Тихоокеанский регион привлечен сюда несколько искусственно. Ни по характеру конфликтов, ни по их причинам он все-таки прямо не связан с «арабской весной», предшествующей ей и последовавшей турбулентностью. Но автор игнорировал «классический» арабо-израильский конфликт, который в силу палестино-израильских противоречий был бомбой замедленного действия, которая и взорвалась в мае текущего года. - *А.В. и А.Т.*)

Назревали и другие конфликтные зоны. «... Угроза дальнейшего распространения конфликтов, - справедливо полагает автор, - приобретала глобальный характер, чреватый самыми серьезными последствиями для судеб всего человечества» (с. 249).

Наиболее опасными по-прежнему представляются зоны ближневосточного и североафриканского конфликтов, которым посвящены следующие две главы - 17 «**Североафриканская зона регионального конфликта: его динамика и значение**» и 18 «**Структура и динамика Ближневосточного конфликта**».

В этих главах представлен анализ истории возникновения и этапы развития регионального конфликта в североафриканской зоне и в шиитско-суннитском ареале. Рассмотрены их социальная база, экономические основы, источники опоры, внутри- и внешнеполитические ориентиры, меняющаяся география распространения. Обстановка стала накаляться, и к 2015 г. «конфликт охватывал прямо или косвенно все страны региона, приобретая многокомпонентный и плохо предсказуемый характер... При анализе всех региональных конфликтных зон было очевидно, что ближневосточная ... являлась среди них наиболее опасным звеном, несущим в себе реальную угрозу глобальному миропорядку» (с. 296).

Анализ складывающейся поистине калейдоскопической картины событий, в которые втянуты растущее число внешних акторов - США, Россия, Европа, государства Среднего Востока и Тропической Африки, Китай и др. - подтверждает хорошо известную и во многом поучительную истину: легче войти в конфликт, чем выйти из него. Впрочем, ситуация, как показало ее развитие во втором десятилетии XXI в. не столь уж безнадежна - удалось заметно сократить обширный ареал распространения разношерстных и многочисленных террористических вооруженных формирований, прежде всего «Аль-Каиды», ИГИЛ, контролировавшего на пике своей активности до половины территории Ирака и Сирии, а также часть Ливии. Произошла временная стабилизация африканского Сахеля.

Тема предыдущих двух глав была продолжена в гл. 19 **«Изменение динамики, структуры и содержания ближневосточного конфликта с 2015 г.»**.

Автор подчеркнул роль РФ, наряду с курдскими силами самообороны, а также частично восстановленными вооруженными силами Ирака и отрядами шиитской милиции, в нанесении террористам невосполнимого урона в ходе боевых действий 2015-2017 гг. Тем не менее, ситуация в этой зоне осложнялась рядом тлеющих и временами разгорающихся конфликтов в курдских приграничных районах Турции и Сирии, сохранением анклавов, находящихся под контролем «Исламского государства» и отдельных террористических групп и организаций на территории Сирии.

Действия РФ и проправительственных сил, включая частично восстановленную сирийскую армию, были продолжены, и к весне 2020 г. резко, почти в 5 раз сократились территории, над которыми террористы, главным образом ИГИЛ, сохраняли свой контроль. Ими была утрачена и прежняя финансово-экономическая база. Свою лепту, хотя и действовавшая несколько непоследовательно, внесла и Турция. В итоге, возникли зоны деэскалации сирийского конфликта и в перспективе - условия для перелома ситуации и преодоления конфликта в целом, хотя экстремисты продолжали контролировать провинцию Идлиб. Все это дало автору основание утверждать, что «динамика ближневосточного конфликта, в целом, близка к исчерпанию» (с. 304).

Однако конфликты продолжают тлеть. Пример, достойный сожаления, - война в Йемене, которая также крайне негативно влияет на обстановку в регионе, увеличивая человеческие жертвы среди гражданского населения, ведя к крупным материальным и финансовым потерям, углубляя раскол между членами ССПЗ.

В завершающей главе 20 **«Значение поворота в глобальном контексте динамики конфликтных зон»** автор подчеркивает, что трансформация ближневосточного конфликта охватывала и прочие региональные конфликты. В этом просматривается некая синхронность их динамики. Вместе с тем, проведенный анализ позволяет автору считать, что синхронность всех 5 региональных зон конфликтов к третьему десятилетию XXI в. прервалась.

Предрекаемый частью международных экспертов-алармистов глобальный конфликт (третья мировая война) не состоялся, «поскольку окончательных линий глобальной конфронтации не сложилось, как не сложилось и прочных глобальных военных союзов как необходимого условия для начала полномасштабного глобального конфликта» (с. 305).

Автор усматривает в этом основную роль и России, и двух ведущих держав ЕС - Германии и Франции, усилиями которых, прежде всего в восточноевропейском, ближневосточном и североафриканском регионах, удалось ослабить влияние деструктивных сил в процессе опасной для мирового сообщества трансформации. (Стоит, конечно, добавить общепризнанный факт: усилия России по восстановлению глобального военно-стратегического паритета с США сделали мировой конфликт невозможным, т.к. он был бы самоубийственным, и дело здесь не в том, что «окончательных линий глобальной конфронтации не случилось» - А.В. и А.Т.).

Общий вывод, к которому приходит автор: «... после 2015 г. произошел существенный перелом в развитии всех конфликтных зон, и, хотя ... до окончательного прекращения региональных конфликтов по-прежнему далеко ... вторая волна турбулентности перестает быть доминирующим фактором в процессе глобализации, уступая место другим, более продуктивным тенденциям глобального развития. Однако роль Ближнего Востока и арабского мира в целом в этом развитии снижается» (с. 311).

Данный вывод лег в основу детальной оценки глобальной геостратегической ситуации в мире, в регионе и в каждой арабской стране, содержащейся в заключительной части работы - **«Вместо заключения. Элементы постконфликтного дизайна в арабском мире и в глобальном контексте»**.

Суть оценки состоит в том, что волны турбулентности, приведшие к падению влияния в мире Ближнего Востока и Северной Африки, воздействовали как на политическом, так и на экономическом поле. Это относится и к тем, кто исторически рассматривался в качестве лидеров арабского мира. Разумеется, при этом сохраняются большие страновые различия: отдельные государства выделились в качестве новых лидеров, но не в традиционном, а в современном их качестве; ряд государств распался де-факто и де-юре, отдельные - на грани распада. При этом трансформационные процессы не завершены, и регион находится на «точке ожидания», будучи отброшенным «на периферию современного развития... Переход к постиндустриальной стадии не состоялся (за исключением небольшого количества стран Персидского залива, прежде всего ОАЭ)» (с. 341).

Очертить прогноз развития обширного региона, соседних регионов мира и шире, возможно лишь приблизительно, по вполне понятным причинам. Но высказать гипотетические предположения не только возможно, но и необходимо, имея столь богатый фактический материал и аналитический авторский «багаж».

Суть выводов К.Труевцева состоит в том, что лидерские позиции в глобальном масштабе неумолимо «прописывает» не история конфликтов, а история успешной модели цивилизационного развития, важней-

шая составляющая которой - экономический прогресс. И на эту позицию, диктуемую глобализацией, выдвигаются те, кто преуспевает в «революции технологий», прежде всего информационных, в цифровизации экономик. Одна из важнейших составляющих технологического переворота - логистический мегапроект, реализуемый Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), с возможным партнерством с другими интеграционными группировками. Он нацелен на глубокую и разностороннюю интеграцию на основе нарождающейся цифровой экономики стран Азии, включая Китай, Юго-Восточную Азию, Южную Азию, членов ЕС, Россию...

Некоторые, особенно значимые положения и оценки, содержащиеся в книге, представляются дискуссионными либо излишне категоричными. Что, впрочем, не удивительно, т.к. исследуемая тема чрезмерно сложна, насыщена противоречивыми в своей основе фактами и явлениями глобального, регионального и локального масштаба, относительно новыми и недостаточно изученными научным сообществом и практиками-экспертами.

Поэтому значение книги К.Труевцева далеко выходит за рамки просто политологии, а призывает научные сообщества и к спорам, и к дальнейшему изучению цивилизационных, экономических, политических, экологических и других проблем региона в увязке с глобалистикой и регионолистикой.

В завершение, нельзя не сказать о том, что книга написана не только хорошим русским научным языком, но превосходным литературным языком, и потому читается с неподдельным интересом.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Васильев Алексей Михайлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный президент Института Африки РАН, заведующий кафедрой африканистики и арабистики РУДН, Москва, Россия.

Alexei M. Vasiliev, Member of the Russian Academy of Science (RAS), Dr.Sc. (History), Professor, Honorary President of the Institute for African Studies, RAS; Head, Department of Arab and African Studies, RUDN, Moscow, Russia.

Ткаченко Александр Алексеевич, кандидат экономических наук, заведующий Центром изучения стран Северной Африки и Африканского Рога Института Африки РАН, Москва, Россия.

Alexander A. Tkachenko, PhD (Economics), Head, Center of North Africa and African Horn Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
04.06.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
25.06.2021

Принята к публикации (Accepted)
15.07.2021

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).